

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ

СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ—АПРЕЛЬ

2

1988

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шевцова Л. Ф.</i> Проблемы работающей демократии: поиски и решения (Из опыта социалистических стран)	3
<i>Барновский М.</i> (ЧССР). Стратегия и тактика КПЧ как предпосылка Февральской победы 1948 года	15
<i>Титова А. А.</i> Борьба революционного блока польского сейма за демократическое решение аграрной проблемы во второй половине 1925 года	28
<i>Шеремет В. И.</i> Балканы и торговые договоры Османской империи с европейскими державами: от Балта-Лиманской конвенции до Крымской войны	36
<i>Никольский С.</i> К истории образа Швейка	47
<i>Богомолова Н. А.</i> Славянская Сафо (о поэзии Марии Павликовской-Ясножеской)	58
<i>Духан И. Н.</i> О программе и составе иконостасов Белоруссии XVII—XVIII веков	70
<i>Крысько В. Б.</i> Глаголы со значением <i>vado transire</i> в славянских языках	85

СООБЩЕНИЯ

<i>Живов В. М.</i> Актуальные проблемы истории русской риторической традиции (По поводу издания поэтики Ф. Кветницкого)	94
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Снегирева Т. И.</i> Новому этапу — новые работы	100
<i>Борисова И. В.</i> Vlastislav Lacina. Velká hospodářská krize v Československu 1929—1934!	101
<i>Досталь М. Ю., Никулина М. В.</i> В. В. Коломинов, М. Ш. Файнштейн. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии)	103
<i>Чобит Д. В.</i> Источниковедческие работы по истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.	106
<i>Герд А. С., Дмитриев П. А.</i> Babić St. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku	107
<i>Орел В. Э.</i> Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14 (*labati — *lěterlǫžь)	110

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Копашева М.</i> K dějinám socialistického Československa	112
<i>Фрейденберг М. М.</i> Љ. Штавланин—Ђорђевић, М. Гроздановић — Пајић, Л. Цернић. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. прва	113
<i>Прибытко Г. В., Ярина А. К.</i> А. Мальдаис. З літаратурнаўчых вандраванняў	114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мирочицкий Л. П., Толстой В. С.</i> Научная конференция советских и польских историков	116
<i>Харитонова В. И.</i> В Комиссии славянского фольклора при Международном комитете славистов	117
<i>Жакова Н. К.</i> Симпозиум по проблемам реконструкции древнеславянской духовной культуры	118
<i>Медведева О.</i> Советско-польский симпозиум	120
<i>Бершадская М. Л.</i> 200 лет со дня рождения Вука Караджича	122
<i>Гусев В. Е.</i> Проблемы фольклора и фольклоризма на славистической конференции в ГДР	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИЦА,
 А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУВО,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубликовский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

© Издательство «Наука»,
 «Советское славяноведение», 1988 г.

ШЕВЦОВА Л. С.

ПРОБЛЕМЫ РАБОТАЮЩЕЙ ДЕМОКРАТИИ: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

(Из опыта социалистических стран)

Проблема социалистической демократии с самого начала была определяющей в ходе создания нового строя. Однако ее развитие происходило нелегко, порой болезненно, даже драматически, наталкиваясь и на объективные и на субъективные препятствия. Было время, когда привлечение масс к управлению сдерживали условия социалистического строительства, непримиримость борьбы «кто кого?», недостаточность политического опыта населения. Но чаще развитие демократии наталкивалось на ее недооценку. Немалую роль в этом сыграло перенесение чрезвычайных законов революционного периода на мирное время, преувеличение роли классовой борьбы. Сказывались упрощенные представления об управлении при социализме, которое отождествлялось с директивно-командными методами, как казалось, обеспечивавшими кратчайший путь к цели. Они нашли отражение в аксиоме, имеющей хождение и поныне: вначале надо народ выучить демократии, а потом допускать к власти. Нельзя отрицать и вполне преднамеренного стремления отдельных руководителей в целях закрепления личных позиций обосновать «неспособность» масс управлять. На содержание формирующейся в отдельных странах политической системы повлияло и схематическое понимание общих закономерностей строительства социализма. Сложившаяся в СССР в особых условиях и не без влияния культа личности И. В. Сталина административно-командная модель власти, случалось, механически переносилась на почву других стран, недооценивалась их национальная специфика. В результате потенциал народной демократии не был приведен в действие полностью, недооценивалось ее своеобразие. Были свернуты традиционные формы волеизъявления масс (например, многопартийное сотрудничество), отдельные инициативы, рожденные народом уже после революции, либо в ходе ее развития. Новая система власти подчас вместо расширения возможностей для самостоятельного творчества трудящихся ставила их в положение лишь объекта управления, жестко регулируя, а нередко и тормозя проявление их активности. Цена, которую заплатил социализм за административную, командную форму управления, слишком велика. Кризисы и предкризисные явления, имевшие место в различных социалистических странах, стали расплатой за недостаточность демократизма, за отчуждение механизмов власти от общества.

Сегодня от расширения участия масс в управлении зависит дальнейшее совершенствование, судьба социализма в целом. «Перестройка без демократии и гласности обречена на провал», — подчеркивает М. С. Горбачев [1, 1987, 30 IX]. История дает многочисленные тому подтверждения. Попытки совершенствовать общественную систему сверху, не вовлекая в этот процесс широкие слои народа, всегда проваливались. Появившиеся было в обществе надежды уступали место еще большему разочарованию. Происходила дискредитация не только идеи обновления, но и возможно-

стей социализма. Так было после 1956 г. в СССР, неоднократно в Польше. Только непосредственное участие масс в осуществлении перестройки, в разработке ее программы является основной гарантией необратимости перемен. Вот та истина, которую социалистическое общество выстрадало за всю свою немалую историю.

Развитие социалистической демократии не является, однако, самоцелью. Демократизм может принять конструктивный, а не показной характер, если он рассматривается как противовес бюрократическим тенденциям, попыткам узурпации власти в эгоистических интересах. Пастало время окончательно пересмотреть тезис, согласно которому политические институты в социалистическом обществе автоматически выражают устремления трудящихся. И сегодня сохраняет свою актуальность марксистское положение о том, что власть всегда порождает «особые интересы», которые «становятся самостоятельными» по отношению к управляемым [2], с чем нельзя не считаться. Политика, являясь видом общественного разделения труда, не может не иметь своих собственных организационно-управленческих интересов, связанных с ее функционированием. Однако абсолютизация этих специфических интересов аппарата, отдельных руководителей, стремление представить их в качестве общенародных, ведет к бюрократизму, порождает местнические, централистские, ведомственные, технократические и другие антиобщественные тенденции. Суть этих тенденций одна — в попытках осуществить частные интересы в ущерб общественным.

В. И. Ленин неоднократно предупреждал о той угрозе, которую представляет для социализма бюрократизм. Он предвидел, что борьба с ним будет «долгий и тяжелый труд» [3]. Между тем и сейчас опасность бюрократизации нередко преуменьшается. Ее причины объясняются лишь субъективным фактором, личными качествами кадров, недостаточной политической культурой масс. Сократить аппарат, сменить руководителей, лучше их контролировать — и выход найден! Но ведь это — попытка лечить проявления болезни, а не саму болезнь. Реальный опыт показывает, что корни бюрократизма гораздо глубже. При изначальном отсутствии, либо неразвитости механизмов общественной, законсмической саморегуляции может происходить перерождение всей политической структуры, которая начинает работать на себя, на удовлетворение интересов обслуживающего ее слоя. Не просто люди — сама система, сложившаяся практика руководства и властвования отторгает все, что грозит нарушить уже установившийся ход ее функционирования. Новые кадры, как бы они ни хотели что-то изменить, уже вскоре вынуждены подчиниться «аппаратным» правилам игры. В противном случае они из нее выпадают. Таким образом, как отмечает В. Ярузельский, дело прежде всего «в часто устаревших, плохо работающих, разросшихся сверх действительных потребностей структурах» [4].

Суть современного переломного этапа в развитии социализма — в признании необходимости окончательного слома системы командно-бюрократического управления. К этому выводу пришло большинство братских партий. На июльском (1987 г.) Пленуме ЦК ВКП, например, констатировалось: «Или общество примет решительные меры для обуздания бюрократии, или бюрократия будет по-прежнему наносить все более серьезный экономический и морально-политический ущерб социализму...» [5]. В чем видится основной путь решения этой задачи? Прошло время компромиссных шагов, за которыми, по существу, стояли вера в неисчерпаемые возможности «нажимных» методов и одновременно неверие в разум, гражданскую ответственность трудящихся, опасений стихийности и непредсказуемости. Принципиален в этой связи вывод, сделанный руководством КПСС: предстоит не просто исправление допущенных ошибок, но и «преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы» [1, 1987, 3 XI]. Основное содержание этого процесса — народ должен стать решающим субъектом власти и управления; обеспечение экономических, идеологических, правовых, наконец, нравственно-этических гарантий самоуправления общества.

Эта же проблема глубокой демократизации общества возникла во многих других социалистических странах. Конечно, в каждой стране она решается по-своему, с учетом особенностей ее развития. Поиск новых, более адекватных конкретно-историческим условиям форм народовластия вызвал стремление к переосмыслению концепции социализма, преодолению догматических схем и шаблонов, к более оптимальному учету собственного национально-исторического, в том числе теоретического и политического опыта. Словом, в новых условиях по-новому встает вопрос о соотношении общего и особенного. Нынешнее оживление интереса к национальным формам общественной деятельности во многом является естественной реакцией на характерные для недавнего прошлого преувеличение единообразия, стремление ввести жизнь в прокрустово ложе однотипных концепций. В социалистических странах все заметнее ощущается стремление преодолеть механическое копирование и развивать самостоятельное мышление, искать собственные формы управления, а не просто «брать пример с кого-то». Именно к этому, как говорил Я. Кадар, побуждают перемены, происходящие в СССР [1, 1987, 5 XI].

Признание многообразия социалистического мира не могло не сказаться на подходе к политике. В одних странах идет углубление демократического содержания существующих институтов и форм власти. В других — Болгарии, Китае — ставится задача радикальной перестройки политической системы, и уже начаты работы по ее осуществлению. Венгрия, Польша продолжают развертывание серьезных реформ политической жизни. По этому пути уже давно идет Югославия. Постепенно идея создания новой, более совершенной модели народовластия, которая бы учитывала тягу современного общества к ответственности и самостоятельности всех и каждого, получает все большее подкрепление и в теории и на практике. Накопленный в последние годы опыт позволяет выявить ряд общих тенденций в подходе к социалистической демократии. Собственно, идет формирование ее нового содержания. Постепенно преодолевается узкопараметрическое понимание демократизма как лишь отдушины, либо клапана для выпуска пара накопившихся эмоций, нежелательных для аппарата власти настроений, который можно закрывать или открывать в зависимости от взрывоопасности ситуации. Жизнь показала и необоснованность сведения демократии к децентрализации. Как свидетельствуют практика в ПНР, СФРЮ в 70-е годы, развитие КНР в начале 80-х годов, это может привести к усилению местной бюрократии, безосновательному расширению аппарата среднего и низшего звена, необоснованному созданию новых нефункциональных органов. Изжившим себя оказался и валовой подход к развитию народовластия, его оценка по числу членов общественно-политических организаций, либо участников массовых мероприятий. «Мы исходим из того, что подлинная социалистическая демократия ценна не количественными показателями, а эффектом реального участия трудящихся в общественных делах», — отмечал Э. Хонекер [1, 1986, 6 X].

Новые возможности для развития демократии открывает признание социалистического плюрализма, существования в обществе многообразия интересов, взглядов, позиций и необходимости их учета в политике. Это не только способствует подъему инициативы трудящихся, преодолению пассивности и разочарования отдельных слоев, появлению у них интереса к общим делам. Создается и основа для принятия более обоснованных решений, учитывающих сложный и противоречивый характер настроений общества. Доказательством этого является и опыт развития советского общества в последние два года.

Признание плюрализма заставляет по-новому осмысливать ряд прежних положений. Так, если некогда столкновения и борьба взглядов считались явлением негативным, более того, невозможным при социализме, то теперь в этом видится источник развития общества. Политическая реальность уже не воспринимается как некая безмятежная идиллия. Пришло время внимательно проанализировать подспудные течения общественной жизни, возможность выхода на поверхность скрытых ранее различий и противоречий между отдельными группами и силами. Предстоит форми-

ровать новый механизм управления этим процессом, ведь прежний был ориентирован на закрепление единообразия, одинаковости. Это не будет легко, учитывая недостаточность существующего опыта и традиций.

Углубляется понимание свободы высказываний, ее пределов. Не каждое критическое выступление рассматривается сегодня как посягательство на сущность строя. Во многих братских странах постепенно идет процесс преодоления восприятия политических институтов как неприкосновенных, в том числе партии, государства. Отныне обсуждение их деятельности и даже ее резкая критика перестает быть табу. И этот факт не только не привел к подрыву устоев, но напротив, способствовал повышению авторитета власти и руководства.

Примечательным является новый подход в ряде стран к понятию «оппозиция». Оно уже не воспринимается исключительно как нечто враждебное. Венгерские, польские марксисты говорят о необходимости «самооппозиции» партии, т. е. выработки у нее способности критически оценивать собственную роль. В партийной литературе ПРБ указывается на возможность ситуаций, при которых партийные и государственные органы становятся оппонентами друг друга [5]. Оппозиция (кроме своего прежнего, «негативного» содержания) может означать и стремление разрушить косное, отжившее. «В принципе каждый из нас оппозиционер, если хочет что-либо изменить, улучшить», — говорил В. Ярузельский [6]. Конечно, социализм не может не защищать себя от оппозиции, преследующей антидемократические, антигуманные цели. В то же время показателем зрелости, политической культуры общества и его системы является обеспечение прав меньшинства на собственное особое мнение. Ведь бывало, когда и большинство ошибалось. Были периоды, когда то, что провозглашалось как истина, оказывалось впоследствии заблуждением, вело к тушью ситуациям.

Совершенствуется и политика в отношении отдельных граждан, либо групп, стоящих на антиправительственных или антисоциалистических позициях. Некогда жесткие меры вели лишь к созданию вокруг них ореола мученичества. Гораздо большие результаты принесла гибкая линия на раскол оппозиции, открытая полемика с ней, привлечение на свою сторону колеблющихся и искренне заблуждающихся. Так, выдвинутый венгерским руководством призыв «кто не против нас, тот с нами» облегчил преодоление последствий событий 1956 г. и ускорил консолидацию общества на платформе социализма. Аналогичная политика проводилась руководством ЦОРИ в тяжелых кризисных условиях начала 80-х годов. В результате была достигнута изоляция антисоциалистических группировок. Многие бывшие члены «Солидарности» включились в созидательную жизнь, в том числе и в рядах ЦОРИ. При этом многие из них могут сохранять своеобразие своих оценок. Эта линия вполне отвечает ленинскому требованию: никаких репрессий «против товарищей за то, что они являются инакомыслящими» [7].

На каждом историческом этапе общественный плюрализм приобретает свое содержание. Прежде задачи строительства социализма требовали учета в первую очередь классовых интересов. В настоящее время наряду с ними важны коллективно-групповые интересы и интересы личности. Их содержание и взаимодействие определяют ход обновления общества. Между тем политическая система при социализме продолжает больше ориентироваться на управление многочисленными массами людей, на усредненный уровень их потребностей и пока не всегда учитывают новую социальную дифференциацию. К чему это приводит? Те или иные групповые интересы, не находя выхода на официальном уровне, начинают действовать «в обход». При этом они нередко принимают антисоциальное содержание. Приходится их нейтрализовывать. Напротив, другие групповые интересы (например, ведомственные) выдаются за общественные и получают приоритетное удовлетворение. Несовершенство механизма представительства оборачивается серьезными политическими издержками. Это тем более очевидно в условиях хозяйственной реформы. Введение экономических регуляторов стимулирует развитие новых групповых связей. Но на

уровне политической системы они по-прежнему не находят достаточного выхода.

Все острее ощущается потребность и в большем учете разнообразных индивидуальных устремлений. Своевременным представляется выдвинутый польским руководством призыв заботиться не только о коллективизме, но и о «социалистическом персонализме». Немалое значение здесь, думается, может иметь диалог с демократически настроенными христианскими силами и организациями внутри стран социализма, внесшими свой вклад в развитие гуманистических ценностей.

Уже найдено немало организационно-правовых решений, облегчающих проявление плюрализма и управление им. Однако это еще начало пути. Не всегда ясно, как множественность взглядов должна сочетаться с централизмом, дисциплиной; в каких случаях необходима координация интересов, компромиссы между ними, а когда — подчинение; в каких формах плюрализм может проявляться в деятельности отдельных политических институтов. Идут споры, высказываются разные концепции. Безосновательны, однако, опасения, будто состязательность идей, мнений, программ может подорвать стабильность социализма. Практика показывает, что именно в эти периоды усиливался динамизм общества, происходил социально-экономический подъем. И напротив, попытки утвердить полное единомыслие, ввести все проявления социальной активности в одно русло были прямо связаны с застоем в общественном развитии.

Углубление демократии в странах социализма происходит по разным направлениям. Усиливается внимание к незаслуженно забытым ее формам, свойственным народно-демократическому этапу. Так, нередко сами массы снизу стимулируют оживление деятельности народных, национальных, отечественных фронтов. Если прежде эти организации являлись платформой объединения народа, основой для поиска общности, то теперь в ряде стран они создают условия для выявления различий в позициях, для активности слоев, не имеющих других форм представительства своих интересов. Показательна активизация народных фронтов в ВНР, ПНР, которые выдвигают свои предложения по всевозможным вопросам, начиная от кадровой политики партии и кончая проблемами семьи. По инициативе Патриотического движения национального возрождения Польши был принят закон о проведении референдумов, первый из которых состоялся в ноябре 1987 г. Его задачей было выяснение отношения польского общества к хозяйственной реформе и осуществляемой модели управления обществом.

Происходит обновление многопартийного сотрудничества, расширяется сфера приложения усилий союзнических партий. Эти политические организации не только не исчерпали себя — а такие выводы делались неоднократно, — но сейчас перед ними открывается возможность «второго дыхания». Они могут стать важным каналом более широкого включения в общественную жизнь непролетарских слоев, либо лиц, еще не поднявшихся до марксистского осмысления действительности.

Усиливается интерес к демократическому опыту, накопленному всем человечеством, в частности, прогрессивной общественностью западных стран. Автаркическое, изолированное развитие социализма оказалось невозможным не только в экономической, но и в политической сфере. В функционировании власти, в обеспечении интересов индивида, гарантий его прав и свобод, очевидно, есть общие закономерности, которые нельзя игнорировать. В этой связи вполне понятно внимание к достоинству мировой цивилизации и многовековой культуры человечества. В конечном итоге, большинство своих политических институтов социализм заимствовал из буржуазной формации, но наполнил их новым содержанием и приспособил к собственным потребностям.

Отличительная черта современного этапа — многообразие форм волеизъявления масс. Уходит в прошлое абсолютизация какой-либо одной возможности самовыражения. Чаще всего это была представительная демократия. Сегодня во многих странах все большее значение уделяется непосредственной активности масс — общенародным и местным референду-

мам, опросам, общественным консультациям, сельским сходам, рабочим и молодежным парламентам. Перспективным представляется введение элементов прямой демократии в работу выборных органов и их комиссий. Уже оказывается недостаточным развивать демократизм только в макромасштабах. В ходе всенародных обсуждений и голосований трудно выявить своеобразие групповых и личностных подходов, невозможно найти решение местных проблем. Поэтому все большее внимание уделяется самопроявлению трудовых и территориальных коллективов как по общим, так и конкретным вопросам. Такая линия видна, например, при формировании самоуправляющегося общества в НРБ. «Новое и самое главное в нашем подходе выражается в том, что мы начинаем „снизу“, с первичного звена», — констатировалось на июльском пленуме ЦК ВКП [5].

Конечно, непосредственная демократия имеет свои пределы возможностей. Обращение к ней порой снижает компетентность и оперативность управления, расширяется основа для случайного. Да и не все решения могут быть приняты в ходе прямого волеизъявления. Сохраняется потребность в представительной демократии. В ее развитии в большинстве стран также происходят серьезные изменения. Активизируются законодательная и контрольная функция парламентов, в первую очередь за счет отказа от формального одобрения проектов, предлагаемых исполнительными органами. Их сессии в ряде стран становятся более частыми и длительными, и основная часть их работы переносится в комиссии. Регулярнее проходят отчеты правительства перед выборными органами. Их обсуждение носит все более острый и открытый характер. Уже не редкость, когда депутаты заворачивают, либо заставляют серьезно дорабатывать представляемые исполнительными органами документы. Деятельность высших органов власти приковывает к себе все большее внимание. Пример тому — повышение в обществе престижа польского Сейма, венгерского Государственного Собрания, комиссий Верховного Совета СССР.

В результате неоднократных реформ расширились социально-экономические права советов, их финансовая независимость. Они получили больше возможностей для удовлетворения своих местных, территориальных интересов. Постепенно преодолевается традиционная зависимость советов от мощных ведомственных органов. В ВНР, ГДР, других странах повышается влияние местных советов на разработку общей стратегии развития, деятельность центральных планирующих инстанций. Наконец, в работе советов усиливается самоуправленческое начало, начинает ослабевать засилье исполнительно-распорядительных органов над выборными. Превращение представительной системы в работающую корпорацию, в политический форум, где происходила бы разработка решений, сталкивались взгляды, аргументировались позиции, побеждала бы наиболее обоснованная — вот путь повышения ее роли в обществе.

Пока не все проблемы перестройки выборных органов в странах социализма решены. В одном случае их активизация порождает усиление местнических тенденций, нежелание считаться с общенародными потребностями. Гораздо чаще, однако, советы не реализуют полностью своих полномочий, предпочитают ждать указаний сверху. Сказываются долгие годы недооценки представительной демократии, чрезмерной опеки ее со стороны партийных инстанций. Поэтому приходится заново формировать в советах дух действенного парламентаризма, умение защищать интересы своих избирателей. Этот процесс наиболее продвинулся там, где одновременно происходит обновление партийного руководства советами, отход от мелочного, необоснованного вмешательства в их дела.

Эффективность представительной демократии определяется и способом ее формирования. Неизменность на протяжении многих лет механизма выборов существенно сдерживала развитие народовластия. В последние годы во всех братских странах в избирательной системе происходят важные сдвиги. В большинстве стран введен принцип множественности кандидатов в депутаты; расширяется возможность выдвижения кандидатур прямо на предвыборных собраниях; активизируется связь депутата со своими избирателями; шире практикуется отзыв депутатов, не справив-

щихся со своими обязанностями. Думается, однако, что процесс обновления избирательной системы далеко не завершен. Повышение активности избирателей, обеспечение их постоянного контроля за выборными органами и одновременно достижение в них оптимального представительства интересов требуют дальнейшей демократизации этого процесса. Речь идет о преодолении казенной заорганизованности сверху, расширении элементов спонтанности, инициативы снизу при выдвижении кандидатов, отказе от предварительного согласования кандидатур. Принцип множественности кандидатов успешно действует, если сопровождается созданием условий для их состязательности и борьбы, выдвижения ими самостоятельных программ развития своего коллектива, района, округа и т. д. Наконец, ощущается потребность в дальнейшем повышении влияния трудовых и территориальных коллективов на процесс выборов, в более эффективном их контроле за своими избранниками. Особое значение имеет расширение возможностей для представительства интересов территориальных общностей, которые все еще не находят достаточного отражения в работе советов. Это требует совершенно иного сочетания территориального и производственного принципов при проведении выборов, а не исключено, что и отказа от этих принципов; перехода к свободному выдвижению кандидатов по любому округу.

О качественно новом подходе к народовластию свидетельствует акцент на участие масс в разработке политических решений. Сведение роли общества к обсуждению уже готового проекта, пусть и научно обоснованного, сама предопределенность решения ограничивают инициативу трудящихся.

Отнюдь не случайно поэтому усиление во многих странах тенденции искать разнообразные формы привлечения общественности к подготовке проектов. Это находит отражение в создании консультативных органов, комиссий при высших и местных органах власти, партийных инстанциях. Причем, в одних совещательных органах работают ученые-эксперты, в других — рабочие, в третьих — представители различных, в том числе немарксистских сил. Ярким примером является деятельность консультативного совета при Государственном Совете ПНР, в котором участвуют видные и уважаемые люди страны. Их рекомендации внимательно изучаются польским руководством и находят отражение в его деятельности.

Каждый исторический этап вносит свое в понимание демократизма. Сегодня трудно возражать против того, что демократия означает возможность выбора вариантов решений, методов и средств их осуществления. Чем более зрелым, сознательным становится общество, тем сильнее ощущается потребность в поиске разнообразных путей достижения конкретных целей в рамках единой стратегии развития. Вариативность мышления, поведения людей, деятельности общественно-политических институтов не только облегчает нахождение оптимального решения. Возможность выбора усиливает ответственность масс за его осуществление, следовательно повышает степень его реализуемости. Перспективной поэтому представляется разработка и предложение на обсуждение альтернативных проектов, особенно тех, которые затрагивают насущные потребности трудящихся, либо касаются болезненных вопросов. Такой опыт уже продумывается или накапливается в странах.

Развитию демократии, однако, все еще препятствует неоправданный монополизм, когда право на разработку и принятие решений безоговорочно концентрируется в руках одного ведомства, либо группы лиц. Появление волюнтаризма в этом случае неизбежно. Обобществление управления не может не сопровождаться созданием параллельных центров подготовки важнейших проектов, появлением инициативных общественных групп, наравне с государственными органами, работающих над той или иной проблемой. В братских странах эта практика разворачивается в рамках народных, национальных фронтов. Одновременно возникают и неформальные группы экспертов, добровольно занимающихся разработкой волнующих общество вопросов. В данном случае состязательность помогает увидеть различные аспекты обсуждаемого явления, преодолеть ведомствен-

ность и одновременно расширяет круг участников управленческого процесса.

Показателем демократизма является углубление союзнической политики правящих компартий. Значительную часть социалистического общества по-прежнему составляют беспартийные, люди с разнообразной философской или мировоззренческой ориентацией, верующие. В последние годы братские партии пошли на расширение участия этих групп населения в управлении. Более того, видно стремление активно использовать мотивацию немарксистских сил в интересах социализма. Коммунисты в отдельных странах приходят к выводу, что своеобразие левохристианского мировоззрения, его морально-этическая направленность имеют немалую ценность при решении задач социалистического развития. «Пусть каждый строит социализм, как он способен, в меру своих внутренних сил и в соответствии со своим мировоззрением» — этот тезис, выдвинутый руководством венгерского национального фронта, отражает новый подход к участию немарксистских сил в жизни общества. Разрушается стереотип восприятия беспартийных как политически «менее полноценных», «недоросших» до сознательной общественной деятельности людей, активность которых может лишь повредить обществу. Жизнь показывает, что эти слои могут быть не менее деятельны в поддержке социалистических ценностей, не менее заинтересованы в укреплении социализма.

В целях создания более благоприятных условий для творческой активности верующих руководство ВСРП, ПОРП, СКЮ идет на диалог с церковью, привлекая ее к сотрудничеству во имя национальных, общечеловеческих интересов. Общество все больше учитывает накопленный прогрессивными христианскими силами опыт в решении гуманистических проблем, пусть и со своеобразных позиций. Сам факт расширения сотрудничества марксистов и немарксистов, поиск точек их соприкосновения, постепенный отход от взаимной неприязни, их большая терпимость друг к другу, способность понять и оценить взаимные аргументы весьма примечательны. В этом видится свидетельство углубления демократического мышления и тех и других, формирования в обществе новой политической атмосферы. Опыт такого диалога — поучительный пример и для нас.

Одним из резервов расширения народовластия является обновление деятельности общественных массовых организаций. В большинстве стран оно связано с окончательным преодолением понимания этих организаций как передаточного звена от руководства к массам. Происходит повышение их самостоятельности в осуществлении стратегии социалистического развития, в выборе средств своей деятельности. В ВНР, НРБ, ПНР осуществляется установка либо на партнерские отношения партии и государства с массовыми организациями, либо на превращение их в общественных гарантов эффективности политики.

Успешная деятельность общественно-политических организаций, их влияние среди трудящихся в решающей степени определяются тем, насколько последовательно они защищают текущие, специфические, социально-профессиональные интересы. Эти интересы особенно остро ощущаются массами, что продемонстрировал недавний польский кризис. Непосредственным толчком к возникновению так называемых независимых профсоюзов «Солидарность» и началу общественной конфронтации в стране послужило недовольство трудящихся прежними профсоюзными структурами, по сути превратившимися в бюрократические ведомства.

Последовательная защита интересов своих членов общественными организациями не может не породить несовпадения их позиций и противоречий с государством. Они естественны и неизбежны, ведь эти органы обеспечивают удовлетворение различающихся целей неодинаковыми средствами. Не редкость противоречия между государством и профсоюзами в ВНР и ПНР. Их согласование способствует нахождению решений, которые учитывают интересы обеих сторон. В условиях хозяйственных реформ активная защитная функция профсоюзов и других массовых организаций должна облегчить согласование задач экономической эффективности с представлениями трудящихся о равенстве и справедливости, га-

рантировать социальную безопасность одних слоев, ослабить неизбежную болезненность перестройки для других.

Повышается значение массовых общественно-политических организаций, как противовеса бюрократическим силам. Но этот противовес может быть действенным, если профсоюзы, женские, молодежные, творческие организации получают в свое распоряжение более мощные средства воздействия на государственные органы, контроля за их деятельностью.

В отдельных братских странах процесс демократизации и обновления происходит в рамках традиционных структур. В других — возникла потребность в создании новых органов. Кое-где видна тенденция формировать рамки для представительства определенных групповых интересов (социально-профессиональных, производственных, демографических). В Венгрии такую роль играют торговая и промышленная палаты, Всевенгерский совет сельскохозяйственных кооперативов. В КНР потребность в выражении интересов хозяйственной администрации дала начало движению «клубов социалистических промышленников». В Югославии вся система власти построена на принципе самостоятельного представительства профессионально-производственных, территориальных интересов и интересов общественно-политических организаций. В ВНР, ПНР, СРР, СФРЮ создан ряд органов, призванных усилить контролируемую функцию политической системы, в частности, контроль за соответствием действий высших государственных служащих конституции. Заслуживает внимания тенденция к расширению правовых и организационных гарантий реализации гражданами своих прав. Это нашло отражение в создании института «общественных защитников» в ПНР и СФРЮ, в организации комиссий по защите гражданских прав в НРБ. В ряде стран разрабатывается законодательство, которое облегчит формирование новых обществ, товариществ, если в них возникнет потребность. Налицо стремление к созданию гибкой, открытой для изменений общественной инфраструктуры.

Конечно, содержание демократизма определяется не количеством новых форм. В практике социализма были случаи, когда реорганизации и создание новых органов носили чисто декоративный характер и лишь камуфлировали прежние, изжившие себя механизмы власти. В то же время нельзя исключать, что современное, более сложное и дифференцированное общество вскоре ощутит потребность в новых институтах, менее заорганизованных, создающих больше возможности для самоуправления малых групп. О перспективности этой тенденции говорит распространение во многих странах клубов по интересам, неформальных объединений, занимающихся обсуждением экологических вопросов, защитой прав потребителей, организацией культурной жизни и т. д. Думается, вряд ли стоит препятствовать и возникновению союзов, обществ параллельно уже существующим. Пусть они борются за право представлять интересы тех или иных слоев. Внесение элементов состязательности наверняка будет способствовать оживлению деятельности всех общественных организаций, не позволит им самоуспокаиваться. Станет просто невозможным существование тех из них, которые удовлетворяют потребности лишь своего аппарата. Отмирание отживших и возникновение новых форм активности масс должно стать естественным законом общественной жизни социализма.

Всестороннее развертывание демократизма является решающей предпосылкой перехода к самоуправлению народа. Каждая социалистическая страна ищет свой путь его осуществления. В ряде стран, в первую очередь в СФРЮ, самоуправление уже прошло определенный, не лишенный острых противоречий путь развития [8]. В других — оно еще в начале своего становления. Каждый новый шаг в развитии самоуправления порождает массу вопросов: как оно сочетается с централизмом и единоначалием? не приведет ли оно к размыванию организационных структур? каковы формы взаимодействия самоуправления и государственности? Но уже сейчас ясно, что самоуправление — сложная система разнообразных форм общественной деятельности. Критерием самоуправления является не только

способ принятия решений или объем прав, которым располагает субъект. Основным его показателем является то, в какой степени субъект удовлетворяет свои потребности. Нельзя исключать, что решение, принятое аппаратом, может в большей мере отражать интересы той или иной группы, чем решение, явившееся итогом саморегуляции.

Пожалуй, трудно вычленить чистую форму самоуправления — оно в той или иной степени всегда связано с профессиональным началом, будь то общее собрание коллектива, референдум, голосование. Однако в то же время самоуправление имеет свои закономерности, содержание которых еще предстоит выяснить, и специфику проявления в отдельных общественных сферах.

Демократию и самоуправление нельзя, однако, идеализировать. Их развитие порождает свои проблемы и противоречия. Решения, выработанные демократическим путем, не всегда бывают оптимальными. Введение самоуправления подчас вскрывает нежелание отдельных групп трудящихся расставаться с консервативными, но привычными формами труда и жизни. Эти факты особенно наглядно проявились при проведении хозяйственной реформы. Трудным оказалось сочетание демократизма с выполнением задач экономической эффективности. Кое-где уже пришлось под давлением масс отказаться от назревших хозяйственных мер, например повышения цен, либо довольствоваться половинчатыми мерами. Расширение демократизма, самоуправления на первый план выдвигает проблему равенства, социальной защищенности. И это приходится принимать во внимание при проведении перестройки, которая неизбежно сопровождается встрясками, даже временным ухудшением материального положения части населения.

Содержание демократизма и самоуправления социалистического общества связано с характером руководящей роли партии, с ее внутренним обликом. В последние годы в правящих марксистско-ленинских партиях проделана огромная работа по преодолению застойных явлений, освобождению от формализма. Важным представляется рассмотрение нынешней перестройки партийной деятельности не как очередной кампании, а как начала постоянного обновления, открытости на изменения общества. М. С. Горбачев говорил в этой связи: «Именно партия несет ответственность за развитие процесса демократизации. Но чтобы быть способной выразить потребности нового этапа, она должна сама меняться» [1, 1987, 21 XI]. Повышение роли коллективного руководства, выборных органов, укрепление самостоятельности первичных организаций; развитие критики и самокритики, гласности — вот пути развития внутрипартийной жизни. Соответствующие дополнения были внесены в уставы КПСС, ВСРП, КПЧ, ПОРП.

Наглядным свидетельством развития демократического характера братских партий явились, в частности, деловые, творческие дискуссии, проведенные перед недавними съездами ВСРП, ПОРП, СКЮ. В центре обсуждения, развернувшегося перед X съездом ПОРП, явился проект программы партии, определявшей стратегические направления развития польского общества и вытекающие из нее задачи партии в новых исторических условиях. Правда, проводившиеся в братских партиях дискуссии выявили противоречивость взглядов, нечеткость идеологических представлений части коммунистов. Но важно то, что, вскрыв реальную ситуацию, эти дискуссии явились важным средством формирования более глубоких представлений об идейно-политической сущности партии. Меняется само отношение к различиям во взглядах внутри партийных организаций. В ВСРП, например, право каждого своего члена на особое мнение рассматривается как гарантия демократизма и в партии и в обществе. Принципиальными представляются расширение информации о позициях в партийном руководстве, выдвижение требования об информировании общества о различиях во взглядах при подготовке проектов решений.

Получает развитие стремление придать партии черты общественного движения, ослабить чрезмерную «аппаратность» в ее деятельности. В процессе поиска нового бывает трудно избежать издержек, ошибочного по-

нимания тех или иных принципов. Так, в СКЮ в свое время раздавались отдельные призывы перейти от демократического централизма к неким «простым договоренностям» между парторганизациями, либо к «идеологическому плюрализму» [9]. Ряд членов ВСРП пытались отождествить демократический централизм с возможностью «бесконечных дискуссий, неограниченных действий» [10]. Но не менее неприемлемо и дальше понимать этот принцип как необходимость механического подчинения и слепой веры в незыблемость тех или иных лозунгов. Братские партии продолжают разработку новых гарантий против как централистской, так и анархистской крайностей в упрочении своего организационного и идейного единства. Хотя опыт показывает, что добиться абсолютно бесконфликтной реализации демократического централизма в деятельности партии вряд ли возможно.

Обновляются взаимоотношения братских партий с другими политическими институтами и с самим обществом. Прежде слабость экономических механизмов развития, неразвитость других форм саморегуляции, недостаточный профессионализм всех управленческих звеньев вынуждали партию брать на себя решение всех вопросов. Приходилось идти на прямой нажим с тем, чтобы добиться поставленных целей. Сегодня сохранение этой ситуации не только усложняет, подчас парализует деятельность государственных и общественных органов, порождает попытки все свалить на партийные организации. В итоге ослабляется ведущая роль самой партии. Вовлекаясь в частности, она утрачивает видение перспективы, способность координировать различные устремления, вынуждена тащить на себе груз чужих ошибок и просчетов. В этой связи ряд братских партий поставил задачу покончить с всевластием партии, с необоснованным ее вмешательством в общественную жизнь, с подменой других органов. Хотя решить ее непросто. Дело в том, что в условиях руководящей роли партии трудно, а, может быть, и невозможно провести жесткую грань между партийным руководством и опекой, неоправданным вмешательством в дела других организаций.

Идущая перестройка порождает ряд принципиально новых подходов. Если прежде в качестве одного из достижений социализма рассматривались конституционные и прочие гарантии руководящей роли партии, то теперь в социалистических странах все чаще говорится, что партия должна бороться за свое влияние. Все настойчивее подчеркивается служебная роль партии по отношению к обществу. «Вся партия — на службе у народа. А не наоборот», — говорит и М. С. Горбачев [1, 1987, 2 X]. В этом положении нельзя не увидеть стремления к созданию более гуманистического и земного образа партии, к окончательному преодолению утверждавшегося годами понимания партии как сверхоргана, стоящего над обществом и претендующего на непререкаемую истину.

Все большее внимание в социалистических странах приковывает к себе проблема сопряжения ведущей роли партии и демократии, самоуправления. Как предотвратить ситуации, когда идейно-политическое лидерство партии может ограничивать проявление общественной инициативы, как заменить авторитет власти властью авторитета, директиву — силой убеждения? От ответа на эти вопросы зависит жизнеспособность и марксистско-ленинской партии и социализма.

В каждой стране проблема партии и демократии находит свое решение. Польские товарищи сочли целесообразным перейти к осуществлению коалиционной системы власти, при которой ПОРП, сохраняя за собой ведущую роль, разделяет власть со своими союзниками, вес которых существенно возрос [4]. В ряде других стран, в частности, в Венгрии высказывается мнение об осуществлении партией своей руководящей роли в сотрудничестве со всеми общественными силами. Словом, идет процесс демократизации и самой партии и форм ее воздействия на общество. Будущее, конечно, вызовет к жизни новые формы сочетания партийного руководства с активностью масс.

Формирование нового механизма ведущей роли партии, однако, сложный и противоречивый процесс. В ходе перестройки не все партийные

организации уже нашли свое место в новой обстановке. Некоторые не поспевают, иные «просто оказались в обозе» [1, 1987, 14 X]. Опасаясь оказаться не у дел, цепляясь за старые методы, эти организации сами начинают тормозить перестройку. Поэтому решительное обновление и самоочищение правящих партий во многих странах рассматривается как главная предпосылка дальнейшего совершенствования социализма. Но этот процесс тесно взаимосвязан с созданием экономических механизмов управления, новых политических отношений, развитием самоуправления. Недооценка любого из этих факторов грозит лишь продлить практику директивно-командных методов руководства.

Итак, развитие социалистической демократии вступает в новую фазу. Этот процесс противоречив. Приходится наверстывать упущенное, преодолевать застарелые стереотипы одних, неверие и разочарование других. На пути к самоуправляющемуся обществу еще будет немало препятствий. Возможны временные попятные движения. И массы и управляющие ими еще учатся жить и мыслить по-новому. Но процесс развития реальной, работающей демократии необратим. Именно работающей, не показной, не формальной, а приносящей конкретные результаты, способствующей росту гражданского самосознания, обеспечивающей действенный контроль масс за системой управления, создающей возможности для многообразных проявлений личности. Поиск новых форм участия трудящихся в общественной жизни продолжается. В этом — важнейшая гарантия жизнеспособности нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 37, с. 416.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 244.
4. *Trybuna ludu*, 1986, 30 VI.
5. Работническо дело, 1987, 29 VI.
6. Rada Narodowa, 1987, 3 VII, s. 22.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983, с. 300.
8. Социалистическая мысль и практика, 1986, № 6/7, с. XII.
9. 12 Kongres Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1982, s. 109, 144.
10. XII съезд Венгерской Социалистической рабочей партии. М., 1985, с. 88.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КПЧ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФЕВРАЛЬСКОЙ ПОБЕДЫ 1948 ГОДА

Февральские события 1948 г. относятся к ряду исторических свершений, которые привлекают внимание не только современников, но и последующих поколений. К ним постоянно обращается историческая наука. В настоящее время существует уже сравнительно большая литература о революционном процессе 1944—1948 гг. в Чехословакии, завершившемся Февральской победой рабочего класса. Обширна и мемуарная литература, авторы которой были непосредственными участниками этого столкновения в борьбе за власть как на стороне победителей, так и на стороне побежденных.

Дискуссия об истолковании февральских событий продолжается и поныне. Несмотря на противоречивую интерпретацию фактов, в специальной литературе и мемуарах есть один пункт, по которому взгляды сходятся. Это — понимание февральских событий как рубежа в современной истории Чехословакии. Для марксистских историков Февраль 1948 г. означает срыв попытки реакции осуществить политический переворот, завершение этапа перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую, окончательное решение вопроса о власти в интересах рабочего класса и его союзников. Буржуазные авторы, особенно послефевральские эмигранты, называют Февраль «восемнадцатым брюмером К. Готвальда», «коммунистическим путем», окончанием этапа «политической демократии». Реформисты и правые ревизионисты определяют февральские события как веху между так называемым демократическим социализмом или путем к нему и «монистическим социализмом». Классовая сущность этих оценок очевидна. Из эмигрантских буржуазных и ревизионистских группировок ключевое значение февральских событий отрицают только людацкие деятели, видя в них не классовые и идейные противоречия, а лишь личное соперничество, «кразоблачение тоталитарной системы», которая уже существовала до этого, довершение предательства Э. Бенеша [1].

Следует заметить, что в эмигрантской литературе различия в оценке этого столкновения в борьбе за власть постепенно стираются, происходит сближение некоторых точек зрения. В настоящее время уже не только остатки сторонников людаков, но и послефевральские эмигранты и правые оппортунисты 1968 г. констатируют, что политическая система народной демократии была лишь тенью «подлинной демократии». Будто бы подавлялись гражданские свободы и демократические права и создавалась возможность для утверждения монополярной власти одной политической партии. В поисках ответа на вопрос, где корни февральского поражения буржуазии, они приходят к выводу, что корни его — в сотрудничестве с коммунистами, в подписании президентом республики Э. Бенешем Договора о дружбе и послевоенном сотрудничестве между ЧСР и СССР и переговорах с делегацией Заграничного бюро КПЧ в Моск-

ве по вопросам антифашистской национально-освободительной борьбы и послевоенного устройства. Ненависть к коммунизму, стремление доказать, что между демократией и социализмом существует глубокое противоречие, что с коммунистами не выгодно заключать никакие соглашения — это лейтмотив буржуазной и ревизионистской историографии [2].

Вопреки тому, что в февральских событиях 1948 г. отчетливо проявилась воля народа и реакция оказалась в изоляции, вопреки конституционному и парламентскому пути решения правительственного кризиса буржуазная пропаганда и поныне выдает эту борьбу за власть как борьбу между демократией и тоталитаризмом.

Чехословацкая марксистская историография на основе анализа политического развития в 1945—1948 гг. разоблачила научную несостоятельность и классовую обусловленность выводов буржуазных и реформистских авторов. Она убедительно доказала, что именно реакционные силы саботировали выполнение соглашений, достигнутых в Национальном фронте, нарушали принятые законы и постановления и пытались организовать контрреволюционный путч. Коммунистическая партия ответила контрударом, который означал окончательное поражение буржуазии.

Успех каждой революции в большой мере зависит от выбора революционным авангардом правильной стратегическо-тактической линии, отвечающей конкретным условиям. Февральские события подтвердили, что руководство КПЧ мастерски выполнило эту задачу. Ориентация КПЧ на мирный и постепенный переход к социализму увенчалась успехом. Чехословацкий опыт обогатил стратегию и тактику международного коммунистического движения. Поэтому он заслуживает особого внимания. При этом необходимо подчеркнуть, что руководящие органы КПЧ должны были приложить немалое усилие не только, чтобы разработать правильную политическую линию, но и для того, чтобы вся партия усвоила эту линию, ибо многие члены и функционеры подвергали ее сомнению. Они задавались вопросом, не дань ли это социал-демократизму, не делают ли слишком большие уступки остальным политическим партиям, и призывали к более радикальным действиям против буржуазии. Подобные взгляды сохранились и после Февральской победы рабочего класса. Сокрушительный разгром буржуазии, которая в решающем столкновении оказалась неспособной к какой-либо массовой акции, создал у многих представление о слабости противника, которому якобы можно нанести поражение уже раньше и тем самым ускорить путь к социализму. Поэтому К. Готвальд неоднократно разяснял их ошибочность. Неизбежность пути, пройденного с мая 1945 г. по февраль 1948 г., К. Готвальд обосновал двумя аргументами: во-первых, в мае 1945 г. еще не были преодолены иллюзии о буржуазии, участвовавшей в движении сопротивления. «Народ еще не знал, что стоит за Зенклом, что стоит за Шрамеком, за Леттрихом, что стоит за Маером и другими представителями тогдашних политических партий и групп, которые постепенно перешли в лагерь реакции. Необходимо было время, необходим был собственный опыт широких слоев трудящихся..., чтобы это стало ясно и чтобы потом в Феврале эти господа оказались в изоляции, между двумя стульями. В мае массы могли бы нас еще не понять» [3, sv. 15, s. 134]. Во-вторых, К. Готвальд отметил, что коммунистическая партия в 1945 г. с ее тогдашним опытом не справилась бы с теми задачами, которые встали перед ней в феврале 1948 г.

Хотя эта оценка была сделана уже после разрешения вопроса о власти, она полностью соответствует духу дофевральских партийных документов, целям, которые КПЧ ставила при разработке политической линии.

Однако было бы большим упрощением стратегическо-тактическую линию КПЧ понимать так, будто бы руководство партии где-то в конце второй мировой войны разработало революционный проект с соответствующими мероприятиями и сроками их реализации, как бы заранее «запланировало» Февральскую победу рабочего класса, а потом не оставалось ничего иного, как поступать в соответствии с разработанным сце-

парнем. К. Готвальд в уже цитированном выступлении говорил, что путь от мая 1945 г. до февраля 1948 г. «не был простым, прямолинейным, не всегда и всюду все было ясно, позитивные результаты были не без изъянов и недостатков» [3, sv. 15, s. 133]. И при самой совершенной, научно обоснованной концепции революционных перемен возможны коррективы при ее реализации. Подлинный ход революции, как неоднократно говорил В. И. Ленин, всегда богаче, разнообразнее, чем предварительные теоретические представления о ней. В конце второй мировой войны, когда Заграницное бюро КПЧ в Москве подготавливало программный документ национально-демократической революции — Кошицкую правительственную программу, оставалось еще много неясного, поскольку большая часть территории Чехословацкой республики оставалась оккупированной. Можно было опираться только на революционный опыт, приобретенный во время Словацкого национального восстания, и частично на опыт революции в восточной Словакии, освобожденной Советской Армией. И хотя не было сомнений в том, что в ходе войны и национально-освободительной борьбы изменилось сознание чешского и словацкого общества, что общество радикализировалось, все же точная граница этих перемен, степень политической сознательности отдельных общественных классов не были известны. Было неясно, какой степени единства достигнет рабочий класс, каких вллюзий лишиться мелкобуржуазные слои, которые ранее составляли социальную основу политической власти буржуазии, какую тактику изберут представители буржуазного сопротивления после разгрома фашизма и т. п. И тем не менее московское руководство КПЧ, как показало последующее общественное развитие, в целом правильно оценило ситуацию, и разработанная им программа революционных преобразований отвечала потребностям общества, уровню опыта масс, получила широкую поддержку трудящихся.

Заграницное руководство КПЧ в Москве уже в 1940—1941 гг. задумывалось над будущей кульминационной фазой национально-освободительной борьбы и постепенно пришло к выводу, что она выльется в национально-демократическую революцию, которая приведет к власти не буржуазию, а рабочий класс в союзе с остальными трудящимися [4]. Однако представления о характере будущей революции и о стратегическо-тактической концепции КПЧ приобрели законченную форму лишь в конце 1943 г. При этом КПЧ исходила из ленинской теории перерастания демократической революции в революцию социалистическую, о соединении борьбы за демократию с борьбой за социализм. Был использован опыт международного рабочего движения, в особенности опыт большевиков в трех русских революциях, а также собственный опыт КПЧ конца тридцатых годов и периода антифашистской национально-освободительной борьбы.

Внимательное изучение документов коммунистической партии конца второй мировой войны и первых месяцев после освобождения показывает, что они содержат глубокий анализ соотношения классовых сил, характеристику развивающейся революции и стратегически-тактическую линию КПЧ. Что касается расстановки классовых сил, то наиболее метко ее охарактеризовал К. Готвальд в выступлении на активе Компартии Словакии в Кошицах 8 апреля 1945 г. Он отметил неблагоприятное положение буржуазии, которая не могла опереться ни на один из домюнхенских институтов (за исключением Канцелярии президента республики), не могла принять аппарат, сформированный в лондонской эмиграции или же унаследованный от оккупантов, и подчеркнул выгодное положение рабочего класса, поскольку государственное устройство создавалось заново и снизу при участии трудящегося народа. Вывод К. Готвальда: «Мы сами править не можем, и они (представители буржуазии. — М. Б.) сами править не могут. Они не могут править без нас, а мы без них. При этом скорее они без нас, чем мы без них. Остается неизбежность сотрудничества с другой политической группировкой, которая вынуждена сотрудничать с нами» [3, sv. 12, s. 23—24].

Такое соотношение сил делало невозможным ни возврат к доминирующим отношениям, ни установление диктатуры пролетариата. И хотя определенное преимущество было на стороне рабочего класса, Коммунистическая партия в борьбе за осуществление социалистических целей не имела в то время поддержки большинства населения. Поэтому такие цели не выдвигались. В связи с этим надо отметить, что исходя из соотношения сил в системе государственной власти и представительства коммунистов и их сторонников в национальных комитетах, заводских советах, их влияния в вооруженных формированиях (кроме того, следует иметь в виду, что до осени 1945 г. в ЧСР находилась Советская Армия) коммунисты были в состоянии как в чешских землях, так и в Словакии решить вопрос о власти в интересах рабочего класса и его сторонников уже в первые месяцы после освобождения страны. Позднее, перед Февралем и особенно после него в эмиграции это обстоятельство признавало большинство буржуазных деятелей¹.

Непосредственная ориентация на установление диктатуры пролетариата в 1945 г. несомненно осложнила бы ситуацию, ибо большинство мелкой буржуазии не поняло бы этого шага, создалась бы угроза гражданской войны, ухудшилось бы международное положение Чехословакии. Поэтому руководство КПЧ отвергло эту альтернативу и ориентировало партию на последовательное осуществление демократических задач, которые пользовались широкой поддержкой. Идея о том, что на повестке дня — не социалистическая, а национально-демократическая революция, проходит красной нитью в целом ряде партийных документов 1944—1945 гг. Руководящие деятели Коммунистической партии пропагандировали эту идею в своих рядах и среди партнеров по Национальному фронту, особенно социал-демократов и национальных социалистов, которые считали происходящие перемены социалистическими и искали в оценке революции коммунистами какое-то маневрирование, подозревая их в том, что они говорят одно, а хотят совсем другого².

В лекции перед районными и областными функционерами КПЧ пражского края, состоявшейся 9 июля 1945 г., К. Готвальд, характеризуя национально-демократическую революцию, отметил, что ее потенциал далеко не исчерпан. Из этого следовал вывод, что общий путь с антифашистской мелкой и средней буржуазией может быть длительным, т. е. до тех пор, пока на повестку дня не встанет вопрос о социалистических преобразованиях. Однако эта возможность следовала не из того, что буржуазия стремилась к революционным преобразованиям, а из существующего соотношения сил, с которым ей приходилось считаться, если она не хотела потерять политическое влияние и участие в разделении власти. Коммунистическая партия не скрывала, что ее конечной целью является социализм, она только подчеркивала, что необходимо прежде последовательно осуществить национально-демократическую революцию, «чтобы в дальнейшем мы могли открыть путь к новым целям и по возможности в широком Национальном фронте и во главе народа» [3, sv. 12, s. 16].

Гегемония рабочего класса является непременным условием развития революции, ее перехода от демократического к социалистическому этапу. Имея в виду ленинский тезис, руководящие органы КПЧ при

¹ Журнал «Днепёк» писал 5 декабря 1946 г.: «Коммунисты могли, пожалуй, после мая 1945 г. взять исключительно в свои руки бразды правления. Они не сделали этого, очевидно, не потому, что не чувствовали тогда прочной почвы под ногами, а потому, что были верны своему прежнему обязательству демократического сотрудничества».

² На совещании представителей трех партий (КПЧ, социал-демократической и национально-социалистической) 21 апреля 1945 г. в Кошицах К. Готвальд в полемике с национальным социалистом И. Странским сказал: «В нашей программе абсолютно ничего нет социалистического. Это нечто своеобразное, вытекающее из наших условий. Вы постоянно подозреваете нас в том, что мы говорим иначе, чем думаем. Было бы ребячеством с нашей стороны думать, что социализм мы можем осуществить украдкой» [5, s. 611].

разработке и осуществлении стратегическо-тактической линии уделяли внимание тому, чтобы КПЧ на каждом этапе революции находилась во главе народа, а не на левом крыле. Заграничное бюро КПЧ в Москве, не зная ситуации в стране, очень осторожно формулировало отдельные социально-демократические требования Кошицкой правительственной программы, что вызывало удивление у некоторых коммунистов и левых социал-демократов, участвовавших во внутреннем движении Сопротивления. Кошицкая правительственная программа казалась им слишком умеренной. Но политические принципы народно-демократической власти — демократизация гражданского управления, создание Национального фронта, наказание предателей и коллаборационистов и т. д., были сформулированы очень доходчиво. Широкое участие народа в государственном и общественном управлении они считали ключом к революционному решению социальных и экономических проблем.

Чехословацкая революция 1944—1948 гг. (как и национально-демократические революции в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы) проходила в относительно благоприятных международных и внутриполитических условиях. Международный империализм был ослаблен в результате разгрома фашизма и развития освободительных движений. Возрос авторитет Советского Союза, который внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов. Благоприятное воздействие на революционный процесс оказали также освобождение Чехословакии Советской Армией и ее союзнический договор с СССР. Все это воспрепятствовало прямому контрреволюционному выступлению буржуазии и империалистическому вмешательству во внутриполитические отношения.

Внутреннее соотношение сил было обусловлено прежде всего предательской деятельностью буржуазии и руководящей ролью рабочего класса в национально-освободительной борьбе. Мюнхенское соглашение в 1938 г., ликвидация республики в 1939 г. и коллаборационизм большей части чешской и словацкой буржуазии с нацизмом, да и сам факт возникновения фашизма на почве капитализма скомпрометировали буржуазию как класс. С другой стороны, антифашистская национально-освободительная борьба под руководством Коммунистической партии, вылившаяся в национально-демократическую революцию, привела к уничтожению оккупационного и клерикально-фашистского аппарата и к созданию основ народной государственной власти. Возрос авторитет рабочего класса. Все это давало возможность Коммунистической партии ориентироваться на революционный, но мирный путь к социализму, который соответствовал гуманным стремлениям коммунистов и создавал благоприятные условия для вовлечения всех сил в восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Во время освобождения республики Советской Армией руководство КПЧ уже имело ясную позицию в отношении методов и форм борьбы. Политика Национального фронта стала основной тактической линией. Коммунисты понимали Национальный фронт как классовый союз антифашистских и демократических слоев общества и как политический блок тех политических партий и общественных организаций, которые выражали интересы этих классов и слоев [6].

Социально-классовое содержание Национального фронта постепенно менялось. Политика Национального фронта создавала возможность для углубления единства народа, укрепления руководящей роли рабочего класса и разоблачения реакционных и контрреволюционных замыслов буржуазии. Эта политика означала сотрудничество с другими политическими партиями и общественными организациями и одновременно была продолжением классовой борьбы в условиях, благоприятных для рабочего класса.

Вначале руководящие деятели КПЧ придавали большое значение блоку трех социалистических партий в чешских землях — Коммунистической партии Чехословакии, Чехословацкой социал-демократии (ЧСД) и Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНС), который

выступал под названием Национальный блок трудящихся города и деревни, или социалистический блок³.

В соответствии с первоначальными представлениями КПЧ Национальный блок должен был выражать интересы рабочего класса и трудящихся, должен был стать ядром и движущей силой Национального фронта. Тесное сотрудничество трех социалистических партий должно было воспрепятствовать тому, чтобы руководством национально-социалистической и социал-демократической партий овладели правые и реакционные элементы, а также способствовать сближению этих партий с Коммунистической партией. Чехословацкая народная партия и словацкая Демократическая партия, которые никогда не выступали за социализм, с самого начала рассматривались как буржуазные партии, выражающие интересы либеральной и антифашистской буржуазии, с которыми возможно длительное сотрудничество [5, s. 609—611]. В этом отношении коммунисты поставили целью находить и поддерживать «более или менее демократические элементы», не допустить, чтобы эти партии стали прибежищем всех реакционных сил, разоблачать реакционные клики, изолировать их от масс, а затем лишить их соучастия в государственной власти.

Составной частью тактики КПЧ, сыгравшей столь важную роль в развитии революции, было комбинирование «давления сверху» с «давлением снизу». Подчеркивая ее значение К. Готвальд в июле 1945 г. сказал: «Мы имеем такое благоприятное стечение обстоятельств, которое в истории редко повторяется, мы делаем революцию сверху и снизу одновременно» [3, sv. 12, s. 97].

Другим элементом политики КПЧ являлось использование противоречий в буржуазном лагере. Впервые эта тактика была применена во время московских переговоров о правительственной программе в марте 1945 г., когда революционные силы использовали противоречия между чешской и словацкой буржуазией при обсуждении словацкого вопроса. Позднее, после заключения соглашения Демократической партии с политическим католицизмом и ее победы на выборах в 1946 г., использование противоречий между чешской и словацкой буржуазией позволило революционным силам изолировать словацкую буржуазию и обуздать ее контрреволюционные действия посредством ограничения компетенции словацких национальных органов.

Таковы были в основном представления руководства КПЧ о революции и стратегическо-тактической линии партии на рубеже войны и мира. Дальнейшее развитие показало правильность предвидения коммунистов и их политической концепции, хотя реальный революционный процесс был сложнее, содержал немало неожиданностей и поворотов, а некоторые предположения не подтвердились. Предвидеть развитие событий до деталей никогда невозможно, но главные тенденции развития соответствовали представлениям коммунистов. Стратегическо-тактическая линия КПЧ впоследствии уточнялась и конкретизировалась в соответствии с реальной обстановкой и приобретенным опытом.

В первые месяцы после освобождения революционный подъем достиг высокого уровня. Заводские советы как революционные органы самоуправления стали фактическими хозяевами предприятий. Без их согласия невозможно было провести ни одного важного мероприятия.

В течение нескольких недель на предприятиях, принадлежавших ранее оккупантам, предателям, коллаборационистам было введено национальное управление. В Словакии вслед за перемещением линии фронта, как лавина, распространялось движение за всеобщую аграрную реформу. В летние месяцы 1945 г. рабочий класс при поддержке остальных

³ В 1945—1948 гг. в Чехословакии не было общегосударственных политических партий. В чешских землях, помимо вышеперечисленных, была еще одна политическая партия — Чехословацкая народная партия (ЧНП). В Словакии действовали Коммунистическая партия Словакии (КПС) и Демократическая партия (ДП). В начале 1946 г. там возникли еще две небольшие партии — Партия труда и Партия свободы. КПС в 1939—1948 гг. являлась организационно самостоятельной политической партией, но руководствовалась единой политической линией КПЧ.

трудящихся решительно потребовал национализации крупных промышленных предприятий, банков и финансовой системы. «Без национализации основных средств производства в промышленности никто не заставит рабочий класс трудиться», — заявил 16 июля 1945 г. председатель Центрального совета профсоюзов А. Запотоцкий [7]. Численность КПЧ и КПС увеличилась в несколько раз и достигла уровня, какого коммунистическая партия никогда еще не имела ⁴.

Темпы развития революции были столь быстрые, что превзошли ожидания коммунистов, особенно тех, которые в годы войны находились в эмиграции. Следствием этого была коррекция некоторых их первоначальных представлений, особенно в вопросе о национализации. Хотя московское руководство КПЧ вначале предполагало, что вопрос об изменении форм собственности в промышленности и финансах будет решать парламент (он был избран в 1946 г.), однако, уже летом 1945 г. стало ясно, что требование национализации пользуется всеобщей поддержкой и встало на повестку дня. Национализация была узаконена президентскими декретами уже в октябре 1945 г. В ходе их подготовки руководство КПЧ допускало возможность политического кризиса, однако буржуазия не отважилась открыто выступить против национализации, что свидетельствовало о благоприятном соотношении классовых сил в пользу рабочего класса.

Вследствие динамичного развития революции существенная часть Кошицкой правительственной программы была претворена в жизнь уже в 1945 г., а в некотором отношении (национализация) революционный процесс вышел за ее рамки. Именно в это время, на рубеже 1945—1946 гг. усилились антикоммунистические тенденции не только в народной и демократической, но и в национально-социалистической партиях. Председатель последней П. Зенкл на пленарном заседании 8—9 декабря 1945 г. заявил: «...Каждая революция, чтобы ее результаты были действительно прочными, если она не хочет, чтобы ей на смену пришла какая-либо реакция, должна безусловно когда-то закончиться» (цит. по: [6, s. 197]). Национальный блок трудящихся города и деревни практически распался уже в конце 1945 г., поскольку национальные социалисты не были заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве с коммунистами и социал-демократами.

В исторической литературе уже показано, что распад социалистического блока и резкий сдвиг вправо в буржуазных партиях на рубеже 1945—1946 гг. в определенной мере был неожиданным для коммунистов. Хотя они и не питали иллюзий о своих партнерах по Национальному фронту, тем не менее не исключали возможности, что с помощью демократически настроенных членов и особенно при решительной поддержке рабочего класса удастся парализовать реакционные группировки в этих партиях, что будет способствовать сохранению сотрудничества на определенное время (см. 8, s. 33—34; также [9, с. 274]).

О том, как коммунисты в эмиграции понимали роль чешских политических партий, свидетельствует выступление В. Копецкого на заседании ЦК КПЧ 6 февраля 1946 г.: «Мы представляли себе, что КПЧ будет ведущей силой, ближе всех к ней будет находиться социал-демократия во главе с левым руководством. Мы надеялись, что у социал-демократии будет наиболее благоприятная почва для тесного сотрудничества, а возможно и для скорого объединения. Что касается национальных социалистов, то мы предполагали, что они будут той традиционной партией средних слоев, которая будет выступать за сотрудничество с КПЧ и развиваться так, чтобы на базе тесного сотрудничества могла когда-нибудь объединиться с нами. Таким образом мы бы создали единую чехословацкую рабочую партию. Что касается народной партии, это будет единая

⁴ В октябре 1937 г. КПЧ насчитывала 52 760 человек. Во время войны погибло 25 тыс. коммунистов. В конце войны КПЧ имела около 37 тыс. членов. Ко времени VIII съезда (март 1946 г.) в КПЧ состоял 1 млн членов (в чешских землях), а в КПС — 197 тыс. членов (данные за декабрь 1945 г.).

буржуазная партия, которая сотрудничала бы с нами в рамках Национального фронта. Это был наш идеал» [8, с. 33—34].

Равным образом не оправдались ожидания, что Словакия так же как в начале национально-демократической революции будет движущей силой революционного процесса. В результате различных объективных и субъективных причин, которые мы не рассматриваем в этой статье, политическая ситуация в Словакии, особенно после выборов в мае 1946 г. для революционных сил в значительной мере осложнилась.

Эти новые обстоятельства, т. е. осуществление основных пунктов Кошицкой правительственной программы и обострение противоречий в Национальном фронте, следствие усиления реакционных тенденций в правых политических партиях вызвали необходимость конкретизации стратегическо-тактических задач Коммунистической партии. На заседаниях ЦК КПЧ 18 декабря 1945 г. опять была подтверждена политика Национального фронта. Однако обращалось внимание на то, что трудности в Национальном фронте можно преодолеть лишь при поддержке прогрессивных и демократических сил в остальных политических партиях, чтобы реакционные силы не получили в них преобладания, а также путем упрощения единства общенациональных общественных организаций. Требовалось более последовательно использовать парламентскую трибуну и печать для разоблачения саботажа реакции.

Распад Национального блока трудящихся города и деревни привел к тому, что КПЧ перед выборами ориентировалась на создание блока левых сил. Она поставила перед собой цель стать после выборов сильнейшей партией и вместе с социал-демократами завоевать абсолютное большинство голосов. Результаты выборов в Законодательное национальное собрание в мае 1946 г. подтвердили правильность этой ориентации. Необходимо отметить, что КПЧ, хотя и осознавала значение выборов для дальнейшего развития революции, но не переоценивала их роль. При укреплении и расширении власти рабочего класса КПЧ не полагалась исключительно лишь на парламентский путь.

Задачи партии на последующий период подробно рассмотрел VIII съезд КПЧ, состоявшийся 28—31 марта 1946 г. Съезд одобрил программу действий партии по дальнейшему развитию достижений национально-демократической революции. Большое внимание было уделено Национальному фронту. Для нового этапа революции, который начался с конца 1945 г., было характерно то, что на передний план выдвинулись новые противоречия и прежде всего основное противоречие между буржуазией и рабочим классом и остальными трудящимися. Это нашло отражение и в перегруппировке классовых сил. Накануне выборов 1946 г. такие тенденции проявились уже отчетливо. Антифашистская буржуазия, которая была заинтересована в поражении фашизма, восстановлении республики и в некоторых мероприятиях, направленных против иностранной буржуазии и предателей, потеряла интерес к дальнейшему развитию революции. В связи с этим VIII съезд КПЧ заново определил социальное содержание Национального фронта. Если в 1945 г. в выступлениях К. Готвальда, Г. Гусака и других руководящих деятелей КПЧ и КПС Национальный фронт характеризовался как блок рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии, интеллигенции и той части буржуазии, которая участвовала в сопротивлении фашизму и одобрила программу революционных преобразований, то VIII съезд КПЧ подчеркнул народный характер Национального фронта как союза трудящихся под руководством рабочего класса. Съезд постановил укреплять Национальный фронт снизу, прежде всего посредством активизации общественных организаций (Революционного профсоюзного движения, Единого союза чешских земледельцев, Единого союза словацких крестьян, молодежных организаций, организаций бывших участников сопротивления и др.). Однако он не ориентировал коммунистов на непосредственно социалистические преобразования, на выход из Национального фронта других партий и организаций. Съезд только предупреждал политические партии и других участников Национального фронта, чтобы они не под-

давались «сиренам реакции» [10]. КПЧ понимала тогда углубление революции не как разовый акт, а как целый период социально-экономических преобразований, которые постепенно приведут к социализму [11].

VIII съезд КПЧ выдвинул две главные задачи: скорейшего восстановления разрушенного войной хозяйства и разработки новой конституции, в которой будут закреплены результаты народно-демократической революции. В предвыборном обращении от 12 мая 1946 г. КПЧ предложила требование разработать двухлетний план восстановления и развития экономики Чехословакии.

Состоявшиеся 26 мая 1946 г. выборы в Законодательное национальное собрание закончились победой Коммунистической партии, которая получила в общегосударственном масштабе 38% голосов (40,17% в чешских землях и 30,37% в Словакии). Коммунисты вместе с социал-демократами завоевали парламентское большинство, получив в Национальном собрании 151 мандат из 300 депутатских мест. Произошли изменения в органах власти в пользу рабочего класса, что создало благоприятные предпосылки для дальнейшего развития революции. Как сильнейшая партия, КПЧ в соответствии с парламентской традицией добилась назначения на пост председателя правительства К. Готвальда. В соответствии с выводами VIII съезда КПЧ разработала Созидательную программу правительства, которая основывалась на принципах Кошицкой программы и развивала их дальше. Принимая во внимание сложившееся соотношение сил и популярность этой программы, политические представители буржуазии не отважились открыто выступить против нее 11 июля 1946 г. Созидательная правительственная программа была единодушно одобрена Законодательным национальным собранием.

Коммунистическая партия Чехословакии исходила из того, что осуществление этой программы приведет к дальнейшему изменению расстановки сил в интересах рабочего класса, как с экономической, так и с социально-политической точки зрения. Проведение второго этапа земельной реформы, ограничение позиций частной оптовой торговли и решение вопроса о конфискации должны были ослабить экономический потенциал буржуазии. Хотя в ближайшие два года не предполагалась дальнейшая национализация в производственной сфере, тем не менее опережающий рост производства в национализированном секторе должен был увеличивать его долю в национальном доходе. Быстрое восстановление народного хозяйства на основе двухлетнего плана должно было доказать преимущества народно-демократического строя в сфере экономики. В этом смысле двухлетний план рассматривался как важный шаг на пути к социализму. Это означает, что КПЧ связала дальнейшее развитие революции с конструктивной политикой экономического обновления, с созидательными усилиями и считала эту область главной сферой классовой борьбы.

Созидательная программа предусматривала целый ряд социально-экономических мероприятий в интересах трудового крестьянства и средних городских слоев (пересмотр земельной реформы, проведенной в дюмюнхенской республике, помощь сельскому хозяйству, налоговая реформа, национальное страхование и т. д.), осуществление которых должно было способствовать укреплению союза с ними рабочего класса. Наконец, закрепление революционных завоеваний в новой конституции должно было создать благоприятные условия для защиты народно-демократического строя и углубления революционных преобразований.

После выборов 1946 г. в стратегии и тактике КПЧ появились новые элементы. Если в начале национально-демократической революции в партийных документах почти не говорилось о социализме, то теперь слово социализм все чаще появляется в словаре руководящих деятелей КПЧ. При этом прежде всего подчеркиваются два момента. Во-первых, что вопрос «кто кого» еще не решен⁵. Во-вторых, что Чехословакия идет

⁵ К. Готвальд писал в то время: «Мы еще не победили, борьба будет продолжаться, мы имеем в этой борьбе лишь более выгодные позиции» [3, sv. 13, s. 104].

собственным путем к социализму. В этой связи К. Готвальд на заседании ЦК КПЧ 26 сентября 1946 г. в полемике с сомневающимися в правильности тактики Национального фронта обосновывает возможность различных путей к социализму ссылкой на свой разговор с И. В. Сталиным. Спустя несколько дней, на активе функционеров заводских организаций КПЧ, состоявшемся 4 октября 1946 г. в пражском зале «Люцерна», К. Готвальд опять вернулся к этому вопросу. Он сказал, в частности: «Часто задается вопрос, идет ли у нас развитие к социализму, идем ли мы этим путем. Но хотя за последние 16 месяцев мы не говорили много о социализме, тем не менее на пути к нему мы уже прошли большой отрезок. Но мы идем своим собственным, специфическим путем. Мы должны осознать, что путь, по которому пришел к социализму Советский Союз, не является единственно возможным» [3, sv. 13, s. 267]. Затем К. Готвальд проанализировал условия, которые дали возможность «вступить на этот собственный путь к социализму». Это военное поражение фашизма, скомпрометированность правящего класса в оккупированных странах, изменения в расстановке сил на международной арене, рост самосознания трудящихся и их единодушная воля установить новые порядки [3, sv. 13, s. 267].¹

КПЧ понимала под специфическим путем к социализму мирный путь к достижению власти, постепенное перерастание национально-демократической революции в революцию социалистическую⁶. Составной его частью была политическая ориентация на завоевание большинства нации, одобренная на январском пленуме ЦК КПЧ 1947 г. Эта ориентация была объективно необходима, чтобы революция могла продолжаться и идти мирным путем.

Реализация задач Созидательной правительственной программы встречала все больше препятствий. В конце 1946 г. в буржуазных партиях усилились антикоммунистические тенденции. В социал-демократии начали все активнее выступать правые, что ставило под угрозу левое большинство в парламенте и в правительстве. Пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 22—23 января 1946 г., сделал вывод, что основным тормозом хозяйственного строительства в республике является политическое сопротивление буржуазии и ее саботаж. Выход из этой ситуации ЦК КПЧ видел в завоевании большинства народа. Идея получить на ближайших выборах абсолютное большинство голосов была не новой. Она возникла сразу же после майских выборов 1946 г. в Законодательное национальное собрание, однако как последовательно продуманная политическая линия была одобрена на январском Пленуме ЦК КПЧ 1947 г. При этом имелся в виду не чисто парламентский путь — достижение большинства мандатов в парламенте. КПЧ не отказывалась от непарламентских средств. Это была политика активной борьбы против реакции, политика завоевания новых позиций, их укрепления и принуждения буржуазии к отступлению [3, sv. 13, s. 340]. Речь шла, следовательно, о том, чтобы партия путем мобилизации масс на осуществление созидательных задач получила решающий перевес сил, который проявится в результатах выборов и обеспечит мирную и демократическую форму решения вопроса «кто кого». Январский Пленум ЦК КПЧ 1947 г. сыграл важную роль в выработке позиции партии в период перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую.

Завоевать большинство народа означало получить поддержку прежде всего трудового крестьянства и средних городских слоев. Большинство же рабочего класса Коммунистическая партия обеспечила себе еще в самом начале революции. Центр тяжести борьбы КПЧ с политическими представителями буржуазии переместился в эту область. Решающее значение имело то, кому удастся привлечь на свою сторону деревню и

⁶ Некоторые историки во второй половине 60-х годов под влиянием ревизионизма вкладывали в понятия «специфический путь к социализму», «чехословацкий путь к социализму» совсем иное содержание, чем то, которое им придавалось в партийных документах своего времени. Они утверждали, что речь шла о новой, плюралистской модели социализма.

средние городские слои. Реакционные силы рассчитывали на колебания мелкой буржуазии. Они были убеждены, что при первых неудачах и трудностях народно-демократического строя мелкая буржуазия отвернется от революции.

Однако они недооценили то обстоятельство, что объективные интересы мелкой буржуазии не были в противоречии с дальнейшим развитием революции. Значительная часть средних слоев города и деревни хотя и находилась под идейным влиянием буржуазии, но нисколько не стремилась к возвращению домюнхенских порядков. Она скорее хотела закрепления существующего status quo. Но сохранить и укрепить достижения революции без ее дальнейшего развития было немислимо. Вторая группа мелкой буржуазии (прежде всего мелкие крестьяне и ремесленники) была непосредственно заинтересована в углублении революционного процесса, с которым она связывала выполнение своих требований (последовательная земельная реформа, социальное обеспечение мелких ремесленников и т. д.). Помимо рабочего класса не было иной общественной силы, способной завершить демократические преобразования и улучшить материальное положение этих слоев за счет буржуазии.

Коммунистическая партия развернула и усилила борьбу за деревню. Осенью 1946 г. она предложила проект шести сельскохозяйственных законов — о пересмотре первой аграрной реформы, ограничении дробления земельных участков, демократизации права на охоту и некоторых других мероприятий демократического характера.

В апреле 1947 г. Компартия в Градецкой программе выдвинула новые демократические требования (в том числе выкуп всех земельных наделов свыше 50 га — третий этап аграрной реформы), которые были поддержаны трудящимся крестьянством. Упорная борьба за их осуществление велась вплоть до февральских дней 1948 г. Массовое движение крестьян под руководством КПЧ стало важным фактором развития революции.

По мере обострения классовой борьбы происходила политическая дифференциация и в средних городских слоях. И здесь Коммунистическая партия в течение 1947 г. завоевала значительные позиции, особенно среди мелких ремесленников, технической интеллигенции и в научных кругах. Часть средних городских слоев заняла выжидательную позицию, и лишь небольшая группа (прежде всего богатые ремесленники и верхушка государственных чиновников) участвовала в осуществлении замыслов реакции.

Ориентация КПЧ на завоевание большинства народа сохранилась вплоть до февраля 1948 г. Не было оснований для ее изменения, так как она имела позитивные результаты. Однако конкретная обстановка требовала определенных корректив при осуществлении политической линии КПЧ. Во второй половине 1947 г. международное положение ухудшилось. Усилилась агрессивность американского империализма. Принятием плана Маршалла завершился процесс распада антигитлеровской коалиции. Мир разделился на два лагеря. Все это оказало влияние на внутриполитическое развитие в Чехословакии. Особенно сильно на экономической и политической жизни страны сказался неурожай 1947 г. Оба эти фактора действовали как катализаторы, ускоряя процессы, происходящие в обществе, способствовали поляризации сил и обостряли классовые конфликты. Возросло социальное напряжение, которое перекинулось и на политическую сферу.

Во второй половине 1947 г. классовая борьба вступила в новый этап. Чехословацкая буржуазия, политически и идейно связанная с международной буржуазией, воодушевленная наступлением американского империализма, начала создавать антикоммунистические блоки, злоупотреблять экономическими трудностями и подготавливать выступление против народно-демократического строя. Рабочий класс осознавал опасность, исходящую из саботажа и контрреволюционной деятельности буржуазии, поэтому на действия реакции отвечал мобилизацией собственных сил. Коммунистическая партия, с одной стороны, последовательно стремилась выполнить до выборов все задачи Созидательной программы, включая разработ-

ку и принятие новой конституции, а с другой стороны, выдвигала новые требования (третий этап аграрной реформы, налог на миллионеров, дальнейшая национализация), которые ослабляли экономические и политические позиции буржуазии и вызвали массовое движение за их узаконение и осуществление.

В стране нарастал внутривластный кризис, который вначале проявился в Словакии, где Демократическая партия имела большинство в словацких представительных органах, а часть ее функционеров участвовала в нелегальной антигосударственной деятельности. В ходе борьбы за разрешение политического кризиса в Словакии осенью 1947 г. Коммунистическая партия Словакии посредством общественных организаций, прежде всего Революционного профсоюзного движения, удалось вовлечь в борьбу против реакции широкие слои трудящихся, независимо от их партийной принадлежности. Победа словацких трудящихся, проявившаяся в ослаблении политических позиций буржуазии в Словакии, оказала благоприятное воздействие на дальнейшее развитие политической обстановки в общегосударственном масштабе. Коммунистическая партия приобрела ценный опыт, который ей пригодился в решающем столкновении в борьбе за власть.

Значительный вклад в уточнение тактики КПЧ внес пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 28—29 ноября 1947 г. На нем была подробно проанализирована международная и внутривластная обстановка, вскрыты причины напряженных отношений в Национальном фронте и сделан вывод, что буржуазия готовится к наступлению против народно-демократической власти с целью изменить соотношение сил еще до выборов в Национальное собрание и что, вероятно, она попытается вызвать правительственный кризис и установить чиновничье правительство. К. Готвальд предупреждал реакцию о последствиях такого шага, подчеркнув, что подобная попытка будет расцениваться как реакционный путч со всеми вытекающими из этого последствиями [3, sv. 14, s. 241—242]. Выход из этой ситуации КПЧ видела в укреплении сотрудничества с левыми группами в некоммунистических партиях и в создании широкого Национального фронта против реакции. Она выразила свое отношение к каждой политической партии отдельно и определила способ оказания помощи левым силам. Однако и в данный период Коммунистическая партия не ориентировалась на немедленное решение вопроса о власти, а придерживалась линии выполнения Созидательной программы и завоевания абсолютного большинства голосов на ближайших выборах, которые должны были состояться в мае 1948 г. В интересах углубления процесса дифференциации и обеспечения поддержки КПЧ со стороны широких слоев трудящихся К. Готвальд предложил на пленуме ЦК КПЧ, чтобы партия использовала при подготовке выборов единый список кандидатов Национального фронта. Ноябрьский пленум ЦК КПЧ и последующий пленум ЦК КПС 4 декабря 1947 г. уточнили линию партии, внося некоторые коррективы в тактику ее осуществления. Однако это не изменило общую стратегию перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую. Пленумы разоблачили реакционные планы буржуазии и мобилизовали партию и трудящихся на грядущие классовые бои. Хотя позиция КПЧ в феврале 1948 г. определялась конкретной обстановкой, в значительной мере она руководствовалась тактическим планом, намеченным на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ 1947 г. [12].

Опасаясь победы КПЧ на выборах, реакционные силы решили вызвать правительственный кризис. 20 февраля 1948 г. 12 министров от национально-социалистической, народной и демократической партий подали в отставку под предлогом, что министр внутренних дел не выполнил постановление правительства от 13 февраля. По замыслам реакции правительственный кризис должен был ускорить выборы в Национальное собрание, на которых коммунисты потерпят поражение, поскольку правительственный кризис подорвет их авторитет, а досрочные выборы не дадут им времени подготовить и узаконить многие мероприятия, важные для предвыборной агитации. При этом делалась ставка на некоммунисти-

ческое большинство в правительстве и парламенте. Конечной целью реакции было возобновление порядков, господствовавших во время буржуазной Чехословацкой республики.

Хотя коммунистическая партия первоначально хотела решить вопрос о власти на ближайших выборах, однако после начала контрреволюционного путча она вынуждена была нанести буржуазии сокрушительный удар уже в ходе правительственного кризиса. Ввиду невозможности исключить попытки вооруженного выступления наиболее реакционных сил, по решению руководства КПЧ, во время февральских событий создавались вооруженные формирования рабочего класса — Народная милиция. В готовности находился и Корпус национальной безопасности, в котором коммунисты имели решающий перевес. В Словакии активно выступили и бывшие партизаны. 25 февраля 1948 г. в условиях революционного подъема президент республики Э. Бенеш принял отставку министров трех политических партий и подписал декрет о пополнении правительства новыми членами.

10 марта 1948 г. К. Готвальд от имени правительства возрожденного Национального фронта провозгласил в Законодательном национальном собрании программу действий правительства. На следующий день парламент выразил доверие правительству и тем самым окончательно был разрешен февральский правительственный кризис в соответствии с парламентскими нормами.

Февральской победой рабочего класса завершился процесс перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую. Вопрос о власти как основной вопрос революции был решен в интересах рабочего класса, который осуществлял ее в союзе с остальным трудовым народом. Тем самым был открыт путь к социалистическим преобразованиям во всех сферах общественной жизни. Организатором этой победы была КПЧ, которая творчески применила революционную теорию, избрала правильную стратегию и тактику и доказала способность к политическому руководству массами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ďurčanský F.* Právo Slovákov na samostatnosť vo svetle dokumentov. Zv. 1. Buenos Aires, 1954, s. 662—663.
2. *Unor 1948 očima vítězů i poražených o třicet let později.* Köln, 1979.
3. *Gottwald K.* Spisy. Bratislava.
4. *Bouček M.* Stratégia a taktika KSČ v procesů přerůstání národní a demokratické revoluce revoluci socialistickou.— *Teorie socialismu*, 1986, č. 2, s. 41—42.
5. *Cesta ke Květnu*, d. I, sv. 2. Praha, 1965.
6. *Bouček M., Klimeš M.* Národní fronta Čechů a Slováků v letech 1946—1948.— In: *Sborník historický*, č. 20. Praha, 1973, s. 195.
7. *Zápotocký A.* Nová odborová politika. Praha, 1948, s. 25.
8. *Bouček M., Klimeš M.* Ľudovodemokratické Československo — výsledok revolúcie rokov 1944—1948.— In: *Za nové Československo*. Bratislava, 1972.
9. *Шмераль Б.* Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ.— В кн.: *Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1977, с. 276.
10. *Sněm budovatelů.* Protokol VIII řádného sjezdu KSČ ve dnech 28—31. března 1946. Praha, 1946, s. 63—71.
11. *Na rozhraní dvou epoch.* Praha, 1968, s. 87.
12. *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny Unora 1948. Praha, 1973, s. 35—36.

ТИТОВА А. А.

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОГО БЛОКА ПОЛЬСКОГО СЕЙМА ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1925 ГОДА

Польша принадлежала к числу европейских стран, где в течение всего межвоенного двадцатилетия сохранялся значительный объем нерешенных задач буржуазно-демократического характера, главной из которых была ликвидация феодальных пережитков, тормозивших капиталистическое развитие, и в первую очередь — помещичьего землевладения [1]. Помещики составляли здесь 0,4% общего количества населения и 0,5% сельских жителей, но им принадлежало 10 498 114 га земельных угодий [2]. В то же время Польша была страной беднейшего крестьянства, ибо 65,6% всех хозяйств составляли участки до 5 га [3].

Интересы укрепления буржуазно-помещичьего государства вынудили польское правительство летом 1920 г. провести через сейм закон об аграрной реформе, однако практическое его применение фактически исключалось постановлением мартовской конституции 1921 г. о неприкосновенности частной собственности. К тому же в 1924—1925 гг. стихийно протекавшая и без того крайне ограниченная парцелляция земли сократилась почти вдвое по сравнению с 1922—1923 гг. [4]. В первой половине 20-х годов в польской деревне было 6,5 тыс. человек, лишенных земли, работы, стабильных средств существования; эмигрировало на заработки в течение 1919—1929 гг. более 1 млн человек [5, с. 33].

Анахроничная аграрная структура, земельный голод, аграрное перенаселение и неразвитость промышленности, широкая эмиграция — все это превращало аграрную проблему в одну из наиболее острых социальных проблем, которая к тому же тесно переплеталась с национальной. Революционное решение аграрного вопроса в Советской стране оказало большое влияние на развитие крестьянского движения в Польше, стимулировало выступления крестьян за аграрную реформу [6, с. 89—91]. В результате развернулась упорная борьба между сторонниками аграрной реформы и ее противниками, которая особой остроты достигла во второй половине 1925 г., накануне принятия сеймом закона о земельной реформе.

Следует отметить, что ни тот ни другой лагерь не имел строго очерченных границ. Помещики и связанный с ними католический клир как реакционная сила стремились сохранить и упрочить позиции крупного землевладения и, оказывая существенное влияние на общественно-политическую жизнь, тормозили развитие польского общества. Торгово-промышленная буржуазия была заинтересована в расширении землеоборота. Она видела в этом средство оживления экономической жизни деревни и укрепления ее связей с городом. Кроме того, увеличение прослойки кулаков должно было укрепить ее социальную базу в деревне. Поэтому торгово-промышленные круги и их представительство в сейме — Народ-

но-национальный союз (эндеция) — высказывались за проведение аграрной реформы, способ и масштабы которой определялись их политическим союзом с помещиками и сводились к поощрению добровольной частной парцелляции.

На сделку с буржуазно-помещичьим блоком шла правая крестьянская партия ПСЛ-«Пяст», которая, выступая от имени всего крестьянства, на практике защищала прежде всего интересы зажиточной его части. Правые людовцы стояли на позициях национализма, поддерживали политику дискриминации национальных меньшинств и военное осадничество на территории Западной Украины и Западной Белоруссии [7; 8, с. 42]. В конечном итоге к ним примкнула Польская социалистическая партия (ППС) [9].

Некоторые крестьянские партии, и прежде всего Союз крестьянских партий ПСЛ-«Вызволене» и «Едність Людова» (Звензек польских стронництв людовых — СКП), объединяя в своих рядах представителей различных слоев крестьянства, выдвигали требования передачи помещичьей земли в первую очередь малоземельным, безземельным и батракам. Эта партия в 1925 г. выдвинула требование конфискации помещичьей земли, но в дальнейшем не проявила последовательности в этом вопросе [5, с. 39; 10, с. 63—65].

Политические партии славянских нацменьшинств требовали ликвидации польской колонизации украинских и белорусских территорий и решения земельного вопроса с учетом интересов местного населения [11].

Все реформистские рабочие и мелкобуржуазные крестьянские партии исключали революционные действия как метод решения аграрной проблемы и стремились осуществить свою программу парламентским путем. Большие надежды на сейм независимой республики возлагали и широкие массы крестьян.

Коммунистическая партия Польши выдвигала программу экспроприации помещичьих владений и проведения земельной реформы в интересах и силами самих крестьян. Коммунисты использовали трибуну сейма для разоблачения буржуазно-помещичьей политики и соглашательских позиций социалистов и людовцев. Последовательная и смелая защита коммунистами крестьянских интересов способствовала привлечению на их сторону всех радикальных сил. В процессе борьбы за аграрную реформу в середине 1925 г. в сейме сложился блок партий: Коммунистическая депутатская фракция (КДФ), Независимая крестьянская партия (Незалежна партия хлоска — НКП), Белорусская рабоче-крестьянская громада (БРКГ), выступавших за революционное преобразование аграрного строя [10, с. 65—66].

Незавершенность буржуазно-демократических преобразований в аграрной области, преобладание крестьянского населения, усиление капиталистической эксплуатации в деревне и широкое движение за аграрную реформу создавали объективные условия для совместного выступления пролетариата и крестьянства [8, с. 40—41]. От того, в какой степени будут использованы эти условия политическими силами, выступавшими за демократическое решение аграрной проблемы, зависел объем и характер аграрных преобразований, в конечном счете — судьбы всего революционного движения в стране.

Законопроект, принятый сеймом 20 июля 1925 г. за основу, предполагал проведение аграрной реформы путем развития и регулирования частной парцелляции. Однако даже такое, крайне ограниченное решение проблемы вызвало острое сопротивление помещиков. Широкую кампанию, направленную против земельной реформы, возглавило представительство крупных земельных собственников в сейме — клуб Христианско-национальной партии. Его председатель Э. Дубанович, протестуя против утверждения законопроекта, внес предложение об отставке председателя сейма М. Ратая [12, 239, 1. 51].

В помещичьих кругах все более обнаруживалось стремление к разрыву политического союза с эндецией и созданию собственной организации, одним из основных направлений деятельности которой должна была

стать борьба против принятия аграрного закона. Особенно явно эти тенденции проявились в выступлениях делегатов проходившего 10—12 сентября 1925 г. в Варшаве первого съезда землевладельцев [13; 14, 15 IX; 15; 16, s. 336; 17, s. 226—227].

В этой обстановке состоялось обсуждение законопроекта в сенате. Интересно отметить, что основная борьба развернулась между представителями ПСЛ-«Пяст», заинтересованными в принятии закона, и эндеции, которая под давлением помещичьих кругов высказалась за пересмотр проекта [14, 18 IX]. Опасаясь того, что принятие аграрного законодательства вновь будет отложено на неопределенный срок, сенаторы ПСЛ-«Пяст» направили свои усилия на то, чтобы склонить представителей эндеции к поддержке проекта. При этом они подчеркивали, что проведение новых выборов под лозунгом аграрной реформы имело бы для буржуазии нежелательные последствия, вытекающие из неизбежной радикализации программных требований партий, в том числе и по аграрному вопросу [17, s. 232]. Борьба в сенате при обсуждении законопроекта об аграрной реформе привела к серьезным уступкам в пользу помещиков, в том числе и со стороны левых сил [18]. Сенат внес 162 поправки к законопроекту [16, s. 340]. Они были пронизаны стремлением законсервировать крупные земельные владения. От parcelляции освобождальсь сады, заложенные до 1 июля 1925 г., пожертвованные имения, предусматривалось увеличение земельного максимума для различного рода специализирующихся хозяйств, помещичьих владений в Западной Украине и Западной Белоруссии [19, № 2145].

В ноябре—декабре 1925 г. изменилась политическая обстановка в стране в связи с приходом к власти коалиционного правительства, и разработка аграрного закона вошла в завершающую стадию.

Спад курса польского злотого и таможенная война с Германией вызвали новые экономические трудности и рост безработицы. Критическое отношение в обществе к реформам Грабского, неудачи в Локарно и антиправительственные манифестации офицеров в районе Сулеювка, резиденции Пилсудского, — все это свидетельствовало о глубоком политическом кризисе. Левые реформистские и мелкобуржуазные партии сейма, в том числе и ППС, выразили вотум недоверия правительству Грабского. Сейм в течение нескольких недель безрезультатно пытался создать правительство парламентского большинства. В этой ситуации господствующие классы в целях стабилизации внутривнутриполитического положения пошли на создание кабинета широкой коалиции в составе эндеции, христианских демократов, ПСЛ-«Пяст», Независимой рабочей партии и ППС, который возглавил граф А. Скиншинский. Основным направлением деятельности нового правительства объявлялась борьба за укрепление курса польской валюты и упорядочение госбюджета. Одним из условий успешного сотрудничества правящих партий по претворению в жизнь этой программы выдвигался их отказ от своих «специфических» требований [12, 225, I. 6—7; 20], что в глазах масс должно было придать кабинету надклассовый, общенациональный характер.

Выступая с программным заявлением в сейме, премьер-министр заявил, что аграрная политика правительства основана на убеждении, что все политические партии, несмотря на разногласия по вопросу о содержании земельной реформы, признали ее необходимость, и обещал направить усилия правительства на реализацию обсуждаемого в сейме законопроекта. Содержание программной декларации премьер-министра находилось в явном противоречии с практическими мерами правительства. В предварительном проекте государственного бюджета на первый квартал 1926 г., в частности, предусматривалось сокращение расходов министерства аграрных реформ, что неизбежно должно было вызвать замедление темпов реализации аграрного закона [12, 255, I. 8, 258, I. 40—41].

В поддержку правительства и представленного им проекта госбюджета голосовали депутаты партий, составлявших коалицию. Несмотря на различное отношение к масштабам и способу решения аграрной проб-

лемы, депутаты этих партий не касались ее в своих выступлениях. Фактически это означало одобрение аграрной политики правительства.

Мотивируя поддержку правоцентристской коалиции, социалисты ссылались на тяжелое экономическое положение государства и оправдывали ее стремлением добиться улучшения положения пролетариата, а также защитой демократических свобод и парламентской демократии [12, 255, 1. 18—19, 258, 1. 40—41]. Последнее было намеком на неудавшуюся в ноябре 1925 г. попытку пилсудчиков захватить власть, воспользовавшись правительственным кризисом. Ситуацию в ППС, выступавшей вместе с правницей и центром, очень точно охарактеризовал современный польский историк-марксист Г. Слабек: новый закон значительно лучше старого, который «много обещал, но ничего не дал» [24].

В ответ на это лидеры левых мелкобуржуазных крестьянских партий делали акцент на необходимость отделения крестьянского движения от рабочего. Выступая с критикой программы правительства, депутат сейма от Союза крестьянских партий говорил: «...оказывается, возможен союз между рабочими партиями и так называемой буржуазией и союз этот осуществляется за счет крестьянской шкуры... Для нас (в таком случае. — А. Т.) открывается новая перспектива — стремление к сотрудничеству со всеми крестьянскими партиями сейма. Создание единого крестьянского фронта в сейме является необходимостью» [12, 255, 1. 21] (подробнее см. [22]). При голосовании в связи с поправками сената в сейме депутаты клуба СКП применили тактику обструкции и тем самым выразили свой протест против реакционного проекта [12, 246, 1. 5—10, 263, 1. 12]. В то же время одним из условий вступления партии в правительственную коалицию было названо устранение из проекта поправки сената, предусматривавшей в государственном бюджете расходы на вознаграждение помещиков [12, 255, 1. 21].

На прочих позициях защиты интересов крестьянства, последовательной борьбы за демократическую аграрную реформу стояли только партии революционного крыла сейма. Депутаты Коммунистической депутатской фракции, Независимой крестьянской партии и Белорусской крестьянско-рабочей громады прежде всего разоблачали буржуазно-помещичью сущность аграрной политики правительства. Выступая при обсуждении экспозе премьер-министра, коммунист Ф. Приступа говорил: «Правительство Хиено-Пяста-ППС не только не даст крестьянам землю без выкупа, но, напротив, оно будет продолжать политику циничных насмешек над земельным голодом, от которого страдает крестьянство всего Польского государства, и прельщения аграрной реформой, которая крестьянству даст только обещания» [12, 255, 1. 33]. Представитель БКРП П. Волошин подчеркивал, что программа правительства носит националистический характер, так как она предусматривает продолжение колонизации восточных окраин [12, 255, 1. 28—29].

Большое место в выступлениях революционных депутатов занимала критика партий левого крыла буржуазного лагеря. Депутат НКП С. Балин прямо заявил, что соглашательская позиция левых вытекает из отсутствия у них позитивной программы по аграрному вопросу, что, прикрываясь фразами о различиях во взглядах на аграрную проблему, они фактически помогают буржуазии и помещикам претворять в жизнь их программу: «Беспрограммность ППС мы можем объяснить только тем, что за каждую программу нужно бороться, а ППС теперь может только служить» [12, 259, 1. 53—54]. Представители революционных сил вскрыли суть, показали ограниченность и вредность лозунгов людовцев об отделении крестьянского движения от рабочего. Если социалисты, по мнению Балина, были явными соглашателями, то Союз крестьянских партий, Крестьянский союз (Звензек хлопски) и Радикальная крестьянская партия (Радикальне стронництво людове) — это скрытые соглашатели, которые боятся капиталистов и помещиков и потому призывают к созданию единого крестьянского фронта, который фактически будет направлен против рабочего класса и крестьянства национальных меньшинств [12, 259, 1. 53; 23].

Деятельность революционного блока сейма в 1925 г. разворачивалась в условиях усиления репрессий властей против коммунистов [24, с. 128—130] и сложной ситуации в самой коммунистической партии вследствие фракционной борьбы.

Еще на II съезде в 1923 г. польские коммунисты признали рабоче-крестьянский союз необходимым условием победы социалистической революции, особенно в Польше, стране с преобладающим крестьянским населением и серьезными пережитками феодализма в экономическом и социальном строе. Тогда же был принят курс на создание единого фронта путем сплочения вокруг рабочего класса трудового крестьянства и демократической интеллигенции под лозунгом рабоче-крестьянского правительства, которое рассматривалось как переходный, демократический этап в диктатуре пролетариата [6, с. 279—282, 290—291]. Решения II съезда свидетельствовали о творческом применении польскими коммунистами опыта Великой Октябрьской социалистической революции и переходе Компартии Польши на марксистско-ленинские позиции. Однако доктринерские взгляды не были до конца преодолены, о чем свидетельствовало наличие ультралевой уклони и его влияние на политику партии в 1923—1925 гг.

После II съезда в Компартии Польши развернулась острая дискуссия по тактическим и организационным вопросам, которая затормозила претворение в жизнь его решений.

Исходя из поспешной оценки текущего момента как непосредственно предшествующего революции, ультралевая группировка во главе с Ю. Лещиньским-Леньским отвергала какие-либо соглашения и блоки с другими, в том числе и левыми, партиями, выдвигала лозунг активизации борьбы за рабоче-крестьянское правительство, причем трактовала последнее как «популярный синоним диктатуры пролетариата» [24, с. 118]. Эта группировка не выступала против аграрной программы II съезда. Однако ее идейно-политическая платформа нашла отражение в решениях июльского пленума ЦК КПП 1924 г., которые рекомендовали учитывать обособленность интересов безземельных и малоземельных крестьян [25, с. 53—54], что свидетельствовало об отходе от линии II съезда, признавшего середняка потенциальным союзником пролетариата в революции. На этом положении, в частности, базировалась принятая II съездом новая аграрная программа партии, суть которой выражалась в лозунге «Земля — крестьянам!».

Следствием усиления левосектантских тенденций было признание III съездом партии (1925) как оппортунистической линии единого фронта работы коммунистов в сейме, выдвижение концепции единого фронта рабочего класса снизу, отказ от сотрудничества с лидерами ППС в деле организации и проведения экономических и политических акций [24, с. 123—125; 26, с. 396—397], а также переход к тактике индивидуального террора.

Затянувшаяся дискуссия и ошибочные установки нашли отражение в политической практике. В частности, КДФ, лишившаяся в конце 1924 г. вследствие репрессивных действий властей сразу двух своих лидеров — С. Ляньдучко и С. Круликковского, так и не пополнилась новыми депутатами, что, без сомнения, не способствовало ее деятельности в сейме как раз в то время, когда он по сути оставался единственной возможностью легальной работы коммунистов.

Однако вопреки трудностям революционный блок активизировал свою деятельность по укреплению союза рабочих и крестьян. Одним из основных направлений деятельности КДФ, НКП, БКРГ стала борьба под лозунгом создания рабоче-крестьянского правительства, в задачу которого, в частности, входило проведение аграрной реформы путем конфискации помещичьих, церковных и монастырских земель и бесплатного наделения ими крестьян. В связи с этим большое значение придавалось работе по привлечению на сторону революционных сил социал-реформистских и мелкобуржуазных крестьянских партий сейма. Депутаты НКП неоднократно обращались к СКП, Крестьянскому союзу, Украинскому и Бело-

русскому клубам с призывом создать оппозиционный рабоче-крестьянский блок [12, 256, I. 27, 259, I. 58; 23, s. 113—115].

Решающее значение для консолидации революционных сил в борьбе за демократическое решение аграрного вопроса имело принятие руководством Коммунистической партии Польши ленинской концепции рабоче-крестьянского союза и рабоче-крестьянского правительства, что было результатом преодоления догматических интерпретаций марксизма. Большое значение в деле идейно-политического сплочения революционного крыла сейма имели решения проходившей в поябре — декабре 1925 г. IV конференции КПП. На конференции большая часть руководства партии высказалась за ленинскую оценку исторической роли рабоче-крестьянского правительства как этапа на пути к диктатуре пролетариата при перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Партия вернулась к тактике единого фронта и склонялась к концепции широкого союза рабочего класса со всеми демократическими силами. Следствием преодоления ультралевого уклона была инициатива, с которой выступил Крайовый секретариат ЦК КПП, предложив сотрудничество в сейме и вне его СКП, Крестьянскому союзу, НКП, БКРГ и партиям славянских национальных меньшинств на широкой демократической платформе защиты интересов рабочих, крестьян, угнетенных народов Польши [25, s. 109—110]. В начале 1926 г. депутатские мандаты КДФ были вручены видным деятелям Компартии А. Варскому и Е. Сохацкому-Чешейко.

IV конференция впервые четко провозгласила союз пролетариата с середняком [27]. Конференция констатировала, что в деревне усиливается борьба между помещиками и кулаками, с одной стороны, а с другой — безземельным, малоземельным и средним крестьянством, положение которого неуклонно ухудшается и которое все более склоняется к поддержке революционной борьбы пролетариата. В условиях развивающегося процесса расслоения крестьянства, радикализации его настроений задача коммунистов состоит в борьбе за массы безземельных, малоземельных крестьян и середняков, причем особое значение придавалось отрыву последних от кулаков, их сплочению с пролетариатом [28, s. 398, 403]. Коммунисты поставили вопрос о середняке как о таком слое крестьян, который под угрозой неизбежного разорения радикализуется и должен быть не только нейтрализован, но перетянут на сторону революции [26, s. 395]. Следствием изменения отношения к середняку был отказ от внесения в аграрные требования партии строго определенного земельного максимума. IV конференция подчеркивала, что в условиях углубления экономического кризиса, возрастания угрозы порабощения Польши иностранным капиталом, явного сотрудничества социалистов с реакцией и противопоставления лидерами левых мелкобуржуазных крестьянских партий крестьянства пролетариату особую актуальность приобретает лозунг борьбы за рабоче-крестьянское правительство, которое и должно будет провести радикальную земельную реформу. Ближайшая задача партии состояла в мобилизации трудящихся масс на борьбу за реализацию обсуждаемого в сейме аграрного закона при одновременном разоблачении его буржуазно-помещичьей сущности. В отношении к крестьянским партиям КПП руководствовалась стремлением укрепить в них радикальные течения и сплотить последние с революционным блоком [28, s. 404—408].

Таким образом, IV конференция предотвратила соскальзывание партии на сектантские позиции, ее решения свидетельствовали об укреплении в КПП марксистско-ленинского курса. Однако время все же было упущено.

Многолетняя борьба в сейме по аграрному вопросу завершилась принятием 28 декабря 1925 г. закона об аграрной реформе [29], который носил характер компромисса между помещиками, буржуазией и зажиточным крестьянством. В соответствии с ним ежегодно в течение 10 лет при полном вознаграждении помещиков должно было парцелироваться 200 тыс. га земли. Парцелляция должна была проводиться частными

лицами и товариществами. Участие в ней государства сводилось к контролю за выполнением ежегодного парцелляционного плана.

Закон 1925 г. по сравнению с законом от 15 июля 1920 г. создавал для помещиков более благоприятные условия парцелляции своих владений, так как разрешал продажу земли по рыночным ценам. Переход земли в руки безземельного и малоземельного крестьянства серьезным образом затруднялся. Приобретение ее оказывалось возможным только для зажиточных слоев деревни. Закон облегчал помещикам сохранение значительной части своих земельных владений, так как в ряде случаев предусматривал увеличение земельного максимума до 700 га. Он дискриминировал коренное польское население восточных воеводств. Установление для этих районов значительно большего земельного максимума — 400 га (на остальной территории страны он составлял 60 и 180 га), а также поощрение польской колонизации сокращало фонд парцеллируемой земли и затрудняло доступ к ней местного населения.

Отказ реформистских и мелкобуржуазных партий от сотрудничества с коммунистами в деле защиты принципов демократической аграрной реформы, их идейный разброд, а также прямое сотрудничество с буржуазией обусловили антидемократическое содержание закона.

Эти партии апеллировали к сейму и правительству, а не к массам. Они отказались отстаивать требование конфискации помещичьих земель, выдвинутое революционным крестьянским движением, предусматривали вознаграждение помещиков, выкуп земли крестьянами, контроль государства, т. е. в конечном итоге представителей господствующих классов буржуазии и помещиков за проведением аграрной реформы. Это была «...программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать „улучшить“ положение крестьянства при сохранении основ современного общества» [30].

Коммунистическая партия Польши в решении аграрного вопроса продемонстрировала творческое применение марксистско-ленинской аграрной теории и опыта Великой Октябрьской социалистической революции к конкретно-историческим условиям Польши. Коммунисты использовали трибуну сейма для разоблачения буржуазно-помещичьей политики, укрепления союза рабочих и крестьян, их подготовки к революционному переустройству общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яжборовская И. С. Проблемы развития Центральной и Юго-Восточной Европы и разработка политической линии коммунистического движения. — Советское славяноведение, 1985, № 4, с. 7—8.
2. Gałka B. W. Miejsce i rola ziemiaństwa w strukturze społeczno-ekonomicznej II Rzeczypospolitej. Zarys problematyki. — Dzieje najnowsze, 1985, № 1, s. 37—38.
3. Zakrzewski A. Wiśń, chłop i ruch ludowy w II Rzeczypospolitej. — Nowe drogi, 1978, № 9, s. 48, 50.
4. Małyško J. II Rzeczpospolita w liczbach. Gospodarka. Warszawa, 1985, s. 31.
5. Jachytek J. Myśl polityczna PSL «Wyzwolenie». 1918—1931. Lublin, 1983.
6. Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг. М., 1967.
7. Тимова А. А. Позиции польских политических партий в сейме по вопросу об аграрной реформе (ноябрь 1922 г. — май 1923 г.). — Проблемы всеобщей истории. МГУ, 1976, с. 244—246.
8. Носкова А. Ф. К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. — Советское славяноведение, 1981, № 2.
9. Тимова А. А. Позиция Польской социалистической партии по вопросу аграрной реформы в 1924—1925 годах. — Советское славяноведение, 1984, № 6.
10. Тимова А. А. Позиции политических партий Польши при обсуждении законопроекта об аграрной реформе (июнь — июль 1925 г.). — Проблемы славяноведения. Вып. 30. Львів, 1984.
11. Stronictwa i związki polityczne w Polsce. Zabr. i oprac. A. Bęlickowska. Warszawa, 1925, s. 529—531.
12. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Sprawozdania stenograficzne.
13. Rzeczpospolita, 1925, 9, 10 13 IX.
14. Dziennik Wileński, 1925.
15. Pamiętnik Pierwszego Walnego Zjazdu zrzeszonego ziemiaństwa Polski odbytego w Warszawie w dniach 10—12 IX 1925. Warszawa, t. I, s. XXXV—XXXVI, 8—9; t. II, s. 167—241.

16. *Rataj M.* Pamiętniki. 1918—1927. Warszawa, 1965.
17. *Rudnicki Sz.* Działalność polityczna polskich konserwatystów. 1918—1926. Warszawa, 1981.
18. Chłopska prawda, 1925, № 20, s. 3—4.
19. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Druki.
20. *Głąbiński St.* Wspomnienia polityczne. Peplin, 1939, s. 543.
21. *Słabek H.* Miedzywojenna PPS wobec spraw chłopskich (w swietle własnej prasy).— Z pola walki, 1983, № 1, s. 11.
22. *Sałkowski J., Szaflik J. R.* Klasa robotnicza i ruch robotniczy w programach i działalności ruchu ludowego.— Z pola walki, 1984, № 1—2; *Jachymek J.* Sojusz robotników i chłopów w myśli politycznej stronnictw ludowych (1918—1939).— Wieś współczesna, 1984, № 5.
23. Wybór publicystyki Niezależnej Partii Chłopskiej. Warszawa, 1975.
24. *Czubiński A.* Komunistyczna Partia Polski. 1918—1938. Zarys historii. Warszawa, 1985.
25. *Kolebacz B.* Komunistyczna Partia Polski. 1923—1929. Problemy ideologiczne. Warszawa, 1984.
26. *Wojtas A.* Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej, 1918—1948. Warszawa, 1983.
27. *Borkowski J.* Od Waryńskiego do Witosy. Ruch robotniczy a chłop i ludowcy w Polsce. Warszawa, 1984, s. 241.
28. IV Konferencja Komunistycznej Partii Polski. 24 XI — 23 XII 1925. Protokoły obrad i uchwały. Cz. II. Warszawa, 1972.
29. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej, 1926, № 1, poz. 1.
30. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 272.

ШЕРЕМЕТ В. И.

БАЛКАНЫ И ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ: ОТ БАЛТА-ЛИМАНСКОЙ КОНВЕНЦИИ ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Период реформ 1830-х — 1850-х годов в Османской империи, известный под названием первого этапа танзимата, приходится на период завершения первой промышленной революции в Западной Европе и на время усиления торгово-промышленной экспансии Англии, Франции, Австрии в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Актуальность и важность исследования политических и экономических отношений османского государства и ведущих промышленных держав Запады в этот период очевидны. Наиболее полное представление о характере таковых отношений дают фритредерские торговые договоры 1838—1854 гг., заключенные Османской империей с державами Европы. При этом необходимо учитывать активизацию процессов переходного периода от феодализма к капитализму, охватившего в исследуемые годы провинции, расположенные в европейской Турции.

Торговые договоры Высокой Порты, заключенные ею в период завершения промышленной революции в Западной Европе, оказались в числе важных внешних факторов переходного периода от феодализма к капитализму народов Юго-Восточной Европы, которые, освобождаясь от османской зависимости, осуществляли задачи социально-созидательные, национально-освободительные и государственно-восстановительные, подвергаясь при этом мощному воздействию тех форм экономических отношений с державами, которые были заложены в период османского господства, в частности, на первом этапе танзимата. Именно в эти годы на процессы переходного периода в социально-экономическом развитии европейских территорий Османской империи негативное влияние оказало формирование зависимости Турции в целом и по регионам. Структурные элементы этой зависимости прослеживаются в системе внешнеторговых соглашений Высокой Порты.

Что касается расположенных на Балканах провинций Османской империи, то их вовлечение в складывавшийся мировой капиталистический рынок, нараставшее во второй трети XIX в., определялось рядом факторов. Из них наиболее важными были: завершение промышленного переворота в Западной Европе, развитие капиталистических отношений на Балканах, активизация политической и экономической экспансии великих держав в зоне Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья. К середине XIX в., когда выявились особенности переходного периода для большинства балканских земель, проявились и основные черты становления зависимости Османской империи: экономическое воздействие держав, выразившееся прежде всего в серии договоров о торговле и судоходстве 1838—1854 гг., в которых капиталистические

принципы «свободной торговли» сочетались с обновленными средневековыми капитуляциями; усовершенствование западноевропейскими державами коллективного контроля над соблюдением Высокой Портой капитуляционного режима в целом, особенно в районах интенсивного экономического развития; распространение под воздействием великих держав различных капитуляционных иммунитетов главным образом для лиц из местного населения на Балканах и в приморских городах Западной Анатолии, представлявших торгово-политические интересы держав. Это влекло за собой выпадение большей части немусульманских подданных в контактных зонах, там, где шел наиболее активный экономический и социо-культурный обмен, из-под полной юрисдикции Высокой Порты¹; использование державами в своих целях отдельных привилегированных групп населения балканских провинций; нарастание финансово-таможенной и валютной обособленности многочисленных, особенно на Балканах, представителей капиталистических держав и связанных с ними покровительствуемых лиц — подданных Османской империи; наконец, неравноправные военно-политические соглашения периода Крымской войны и последующее финансово-политическое подчинение. Следует также отметить, что традиционный капитуляционный режим утратил двусторонний характер «державы — Порты» и трансформировался в многосторонний по форме, но также капитуляционно ограничительный по содержанию. Это произошло не как итог Крымской войны и принятия Османской империи в «концерт европейских держав» на Парижском мирном конгрессе, а двумя десятилетиями раньше и было проявлением одного из методов экспансии капитализма на Балканах и на Ближнем Востоке.

Общая стратегия торговых соглашений западноевропейских стран с Османской империей заключалась в том, чтобы под видом установления равноправного партнерства на принципах свободной торговли заставить Высокую Порту устранить правительственный контроль над экспортно-импортными операциями, открыть обширные балканские районы для западноевропейских торговцев. Интенсивность вторжения капитализма и степень его деформирующего воздействия на преобразования возрастали на фоне поисков турецкими правящими кругами средств подновления режима угнетения нетурецких подданных. Внешнеторговые монополии в Османской империи и капитуляционные торговые ограничения для иностранцев стали первыми объектами воздействия европейских дипломатических и торговых представителей в Константинополе в эпоху промышленного капитализма.

В первой трети XIX в. наиболее разработанную и обширную систему капитуляционных соглашений с Высокой Портой имела Франция. Их общий смысл заключался в неподсудности османским властям иностранцев по делам торгового и уголовного характера. Это относилось также к тем европейским подданным, чьи интересы в Османской империи представляла Франция — скандинавских, итальянских, центральноевропейских государств. Кроме того, широкое развитие получила консульская служба Франции и продажа французскими дипломатическими представителями в Турции документов на реальные, а нередко и фиктивные консульские и агентские должности османским подданным, получавшим в результате этого двойное гражданство (Турции и Франции) вместе с семьями, причем в XIX в. нередко наследственно. Особой благосклонностью Франции пользовались подданные Османской империи — католики, проживающие в приморских городах Европейской Турции, Западной Анатолии и на Леванте [3, с. 15—16; 4, с. 21—24, 383—385; 5, р. 30—33].

Австрия, добившаяся вслед за Францией от Порты права предоставлять статус покровительствуемых лиц османским подданным и иммунитет для тех из них, кто был связан предпринимательской деятельностью с австрийскими торговцами, особое внимание обращала на Дунайские кня-

¹ Если немусульманское население Европейской Турции составляло в 1830—1840-х годах до 61% всего населения, то лица, огражденные различного вида капитуляционными иммунитетами, составляли в свою очередь 8—10% всех немусульман [4, р. 229; 2, р. 103—105].

жества, Сербию, Боснию, Герцеговину. Поскольку Австрия в 30—50-х годах XIX в. не могла соперничать с промышленным потенциалом Англии и Франции и соответственно с их экспортными возможностями, австрийская консульская служба и консульские агенты из местного немусульманского населения основное внимание уделяли развитию речного и морского транспорта на Дунае и в Черном море [6, р. 49—50].

Права наибольшего благоприятствования и выдача паспортов на двойное гражданство, что гарантировало неподсудность, которыми пользовались граждане Франции и Австрии в Османской империи с XVIII в., содействовали разрастанию института покровительствуемых лиц среди экономически наиболее развитых балканских подданных Высокой Порты.

Французские и австрийские капитуляционные соглашения имели преимущественно коммерческую ориентацию. Как писал К. Маркс, «Россия была первой державой, включившей в 1774 г. составленную по примеру Франции капитуляцию в договор, а именно Кайнарджийский договор» [7, т. 10, с. 169]. Торговый договор 1783 г. между Россией и Турцией, просуществовавший до 1846 г., был первым ее договором с европейской державой, в котором принцип наибольшего благоприятствования носил взаимообязывающий характер, отвечавший взаимовыгодности торгового обмена. Только русская консульская служба обязывала своих консулов принимать коммерческие иски османских подданных к русским торговцам и фиксировать все торговые сделки у турецких судей-кади [8, с. 105—106].

В турецкой историографии последних лет негативно оцениваются все те договоры Османской империи XVIII—XIX вв., вплоть до Крымской войны, которые содержат ссылку на прецедент капитуляционных соглашений. В их число без учета отличительных черт и особенностей попали Кючук-Кайнарджийский договор с Россией 1774 г. и торговые договоры 1783 и 1846 гг. [9, с. 512, 516—527]. Известно, однако, что два последних договора содержали статьи, включенные по настоянию турецкой стороны и отражавшие торговые интересы Порты.

Цельзя также согласиться с И. Валерштайном и Р. Касаба, которые в своей работе о периферийном развитии Османской империи, возлагают равную ответственность за ее отставание на все европейские державы. Они называют Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., наряду с Белградским 1740 г. теми вехами, которые изменили смысл капитуляционных соглашений Высокой Порты с Западной Европой, открыли последней дорогу для вмешательства во внутренние дела Османской империи [10, р. 336—354]. В действительности подлинный прорыв во внешнеторговой политике Высокой Порты, в определенной степени оградившей балканские, как и другие свои окраинные владения от внедрения европейского промышленного капитализма, совершила Англия в 30-х годах XIX в.

В турецкой историографии отмечалось, что Англия после 1675 г. и вплоть до начала XIX в. в меньшей степени, чем Франция, Австрия и Россия, пользовалась правами наибольшего благоприятствования [11, с. 1—24; 12, с. 199; 13, р. 355]. В отличие от Франции, считавшейся до капитуляции 1740 г. покровительницей всех католиков — подданных султана, и России, признававшей с 1774 г. покровительницей православных османских подданных, Англия вплоть до 1838 г. не оказывала формального покровительства какому-либо этно-религиозному миллету и опиралась на торговцев любого вероисповедания. С 40-х годов она оказывала предпочтение балканским протестантам.

Вторжение Англии в систему капитуляционных соглашений осуществлялось на новой основе — силе и авторитете промышленного капитализма, присваивавшего все права и привилегии, полученные державами в предшествующий период. С середины 30-х годов Великобритания начала оказывать все возрастающее воздействие на правительство Турции с тем, чтобы заставить Порту сократить или устранить вовсе правительственное вмешательство в экспортно-импортные операции, обеспечить свое влияние в реформах, которые начали осуществляться в экономической и политической жизни страны. Турецкие историки пишут, что подготовка англо-ту-

редкого договора 1838 г., воплотившего замыслы британских фритредеров, проходила в условиях обострения Восточного вопроса [14; 11, с. 20—24]. Но при этом следовало бы учесть, что именно Англия в значительной степени содействовала нарастанию напряженности в отношениях между султаном и правителем Египта в эти годы.

С 1834 г. английская дипломатия начала готовить такое соглашение с Турцией, которое позволило бы, во-первых, нейтрализовать или подменить собой союзный Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. между Россией и Турцией и, во-вторых, оказывать влияние на ход преобразований в Османской империи. Выполняя указания Дж. Г. Пальмерстона, английский посол в Константинополе Дж. Понсонби сообщал Порте, что правительство и лично король Англии поддерживают идеи реформ в первую очередь для христианских подданных. На протяжении 1836 — начала 1838 гг. британская дипломатия не раз привлекала внимание Порты к необходимости укрепить отношения Турции с Англией перед угрозой возможной реализации Россией своего права (по договору 1833 г.) ввести войска на турецкую территорию или нового столкновения Порты с правителем Египта Мухаммедом Али [15]. Торговые представители Англии обрушили на Порту потоки жалоб на мнимые и действительные нарушения местными турецкими властями на Балканах торговых соглашений с Англией, произвольное завывшение экспортных пошлин. В качестве первого шага к новому договору британская дипломатия добилась издания фермана о запрете мсвопольных ограничений на ряд сельскохозяйственных продуктов на сирийской территории. Балканы остались как бы в стороне, но лишь на первый взгляд [16, с. 135—149].

Ставшие теперь известными турецкие материалы позволяют предположить, что в Константинополе были недовольны тем, что Россия поддерживает, согласно Ункяр-Искелесийскому договору, строго оборонительные действия султана в отношении правителя Египта и призывает к сохранению status quo, тогда как Махмуд II был готов заключить любой союз, который помог бы ему разгромить мятежного пашу [17, с. 92—106]. В Константинополе опасались также сближения России с Францией, захватившей Алжир и поддерживавшей Мухаммеда Али; не исключали там и возможности прямой поддержки Россией Мухаммеда Али. Балканский аспект в политической жизни Порты занял подчиненное положение. Англия тем временем выжидала.

Рационалистически мыслившие Мустафа Решид-паша, его ближайший помощник Нури-эфенди и другие государственные деятели понимали, что продолжение широких реформ в административной и хозяйственной жизни страны есть непременно условие равноправных отношений с Европой и успешной борьбы за сохранение империи. Наметки будущего документа о реформах (Гюльханейского хатт-и шерифа от 3 ноября 1839 г.) его вдохновитель и основной автор Мустафа Решид-паша сделал еще в 1837 г. и заверил Пальмерстона, что Турция продолжит реформы, облегчит положение христиан [14, с. 123, 125; 11, с. 11—12]. Не случайно, что торговые договоры с Англией и затем с Францией (август — ноябрь 1838 г.) оказались всего лишь годом отделенными от Гюльханейского указа, провозглашавшего равенство подданных перед законом без различия вероисповедания и национальной принадлежности. Они представляются двумя частями общего акта, знаменовавшего важные преобразования в наиболее развитых областях империи, включая Балканы.

В отечественной и зарубежной историографии обычно рассматривается лишь заключительный, краткий, около месяца, этап подписания договора в Балта Лимане (Константинополь) — июль — август 1838 г. В действительности переговоры по поводу торгового договора были длительными и многоэтапными, что было вызвано наступательной тактикой Англии. В 1834 г. ввиду истечения срока действия англо-турецкого торгового соглашения 1820 г., подтвердившего англо-турецкий договор 1809 г., Высшая Порта предложила пересмотреть таможенные ввозные тарифы, составлявшие в 30-х годах не 3%, а фактически (с учетом инфляции и оценок по объявлению) 1—1,5%, в обмен на расширение списка экспортируе-

мых в Англию турецких товаров. Турецкие предложения были в целом благожелательно встречены Пальмерстоном, но постепенно стали обрабатываться многочисленными контрпредложениями политического характера — такими, как открытие, по аналогии с Ункяр-Искелесийским договором 1833 г., Дарданелл для английских военных кораблей; закупка паровых машин и всех видов оружия в Англии; приглашение английских инструкторов в армию и специалистов на предприятия, расположенные в Европейской Турции. В ходе переговоров выяснилось, что Порты надеялась на заключение наступательного военного союза. Решид-пашу, однако, сдерживало строгое указание султана не допустить при заключении договора с Англией ухудшения русско-турецких отношений. Высокую Порту настораживало также повышенное внимание Англии к казенным мануфактурам и требование увеличить число консульских представителей на Балканах [18, д. 50, л. 74—75]. В Лондоне турецкие предложения, касавшиеся ограждения интересов турецкой торговли в Европе, были дополнены английскими: разрешить английским торговцам после уплаты трехпроцентной пошлины вести оптовую и розничную торговлю не только в морских портах в соответствии с договором между Англией и Турцией от 1809 г., но и во внутренних районах всех провинций Османской империи, включая балканские. Английская сторона настаивала на уничтожении системы монополий на всей территории империи, включая Египет и Балканы.

Ознакомившись с английскими предложениями, султан Махмуд II считал, что они не соответствуют интересам Турции. Однако решающее влияние на дальнейший ход переговоров оказали события в Леванте.

В мае 1838 г. Мухаммед Али потребовал для Египта независимости. Махмуд II сознавал, что без иностранной помощи ему не справиться с грозным противником. Турецкие дипломаты в Лондоне и Константинополе продолжали искать способ связать торговый договор с активной помощью Англии, возлагая надежды на молодую королеву Викторию. В Лондоне, в свою очередь, учитывали, что независимый Мухаммед Али становится опасным соперником Англии в Сирии и Палестине, может оказать влияние на политическую и торговую жизнь на Балканах. Укрепление власти Мухаммеда Али на обширной территории от Нила до Персидского залива в Лондоне воспринимали как угрозу планам Англии как в Восточном Средиземноморье, так и в зоне Персидского залива [19, № 277; 20, р. 114—119; 21, р. 722].

В июле 1838 г. англо-турецкие переговоры были активизированы. Наконец, 16 августа 1838 г., т. е. за 14 месяцев до Гюльханейского хатт-и шерифа, был подписан договор о торговле и мореплавании. Он вступал в силу с 1 марта 1839 г. Срок действия устанавливался в 7 лет, была предусмотрена возможность продлить его еще на 7 лет. Как писал русский посланник А. П. Бутенев, этот документ под названием «Дополнительная конвенция к капитуляциям, предоставленным Османской империей Великобритании», распространялся в дипломатических кругах в Константинополе, что и породило его распространенное название «англо-турецкая торговая конвенция 1838 года» [18, д. 45, л. 106; 8, с. 283].

Договором (конвенцией) предусматривались: ликвидация системы монополий, что было затем повторено в хатт-и шерифе 1839 г.; отмена притупительных закупок, что уже было частично введено после Адрианопольского мира в отношении зерновых из Дунайских княжеств; формальный отказ Высокой Порты от государственных регламентаций в ряде отраслей производства. Свободная торговля иностранцев и подданных Османской империи на всей ее территории могла отныне осуществляться без ограничений. Капитуляционная 3% ввозная пошлина дополнялась 2% таможенного сбора; устанавливалась 9% вывозная пошлина, дополненная 3% таможенным сбором. При этом сохранялись прежние высокие ставки налогов на внутреннюю торговлю и на ремесленное производство, а общая 12% вывозная ставка превышала общую 5% ввозную ставку. Фактически в договорном акте международного характера закреплялось складывавшееся с начала XIX в. преимущество ввоза в Османскую империю иност-

ранных товаров по сравнению с вывозом турецкой продукции сельского хозяйства и ремесел.

Особо следует отметить, что принципы свободной торговли и экономического либерализма вступили в силу в отношениях Османской империи и Англии, а затем и других европейских держав до того, как стали нормой в самой Англии. Османская империя объективно содействовала завершению промышленного переворота в Великобритании и других странах Европы. Включившись, однако, в систему международных экономических связей эпохи промышленного капитализма на неравноправной, подчиненной основе, турецкое правительство, по существу, стимулировало углубление зависимости не только на малоазиатской, но и на балканской территории. Капитуляционный режим приобрел новые черты, характерные для эпохи промышленного капитализма. К ним относился прежде всего принцип наибольшего взаимного благоприятствования, нереальный для торгового обмена столь формационно далеко отстоявших партнеров, как промышленная Англия и позднефеодалная Турция, но вполне надежно закрепивший преобладание торговых представителей Англии на всей территории Османской империи. Бесплатный транзит английских товаров через все находившиеся под юрисдикцией Порты территории, включая балканские и их водные пути, был дополнен еще одним важным для британской коммерции положением. Английские торговцы получали отныне все те преимущества, которыми пользовались французские коммерсанты с 1740 г. и русские купцы по статье VII Адрианопольского договора 1829 г.

Англия первой из промышленных держав обрела практически бесконтрольное право на вывоз сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в любых объемах, добилась выхода на емкие рынки сбыта Османской империи, простиравшиеся от Дуная до Трабзона, получила реальную возможность воздействовать на экономическое развитие балканско-ближневосточного региона.

Деловые круги Великобритании сочли договор 1838 г. столь благоприятным для промышленности Англии, что Торговая Палата Манчестера, крупного центра текстильной промышленности, направила благодарственные послания Дж. Г. Пальмерстону, Дж. Понсонби и Мустафе Решид-паше.

Русская дипломатия заняла в 1838 г. выжидательную позицию в отношении торговых конвенций Порты с западноевропейскими державами. По мнению К. В. Нессельроде, которым руководствовались русские дипломатические представители в Турции и в Западной Европе, англо-турецкая конвенция должна была нейтрализоваться благоприятными отношениями России с Портой, сложившимися на основе союзного договора 1833 г. Движимый идеей русско-английского сближения, К. В. Нессельроде предложил дипломатическим представителям России за рубежом уклончиво оценивать англо-турецкую конвенцию, исходить из трудности введения ее в жизнь ввиду разногласий между Портой и Лондоном по военным вопросам и отсутствия в конвенции видимой антирусской направленности. Интерес Англии к Балканам отчетливо не проявлялся, что также успокаивало Петербург. К. В. Нессельроде считал, что не следовало «придавать этому документу первостепенной важности» [18, д. 40, л. 360, д. 170, л. 282—283]. Серия просчетов и ошибок царской дипломатии по Восточному вопросу нарастала.

Английское правительство вполне устраивала линия Петербурга в оценке Балта-Лиманской конвенции. Вместе с тем осенью — зимой 1838 г. Дж. Пальмерстон в беседах с русским послом К. О. Поццо ди Борго умалчивал об обширных планах торгового проникновения на Балканы. Пальмерстон отвлекал собеседника к «отдаленным предметам», подчеркивал, что на восточном берегу Черного моря «русская политика излишне прямолинейна», что побережье можно было бы через широкую систему свободной торговли приобщить «к благам европейской цивилизации». Из Петербурга русским дипломатам за рубежом срочно предписали «поддерживать самые общие беседы на сей предмет, дабы избежать несогласия

с Лондоном», но самым строгим образом ограждать от происков Англии восточное побережье Черного моря. Военный договор Турции с Англией мог бы, как полагал К. В. Нессельроде, послужить своего рода противовесом договору 1833 г. и угрожать русскому влиянию в Османской империи в целом и на Балканах в частности. Поскольку этого не произошло, всякие опасения «на коммерческий предмет» были сняты [18, д. 50, л. 359—360].

Следует, впрочем, отметить, что Англия не могла, не вызвав осложнений с другими европейскими державами, реализовать полученные преимущества. Проект торговой конвенции с Турцией был предварительно согласован с Францией. В Париже выражали опасение по поводу усиления британских торговых позиций в Восточной Европе, но подписали 26 ноября 1838 г. совпадавшую во всех основных положениях с английским вариантом конвенцию с Портой. Однако во Франции высказывались большие опасения по поводу распространения принципов «свободной торговли» на Османскую империю. Они были связаны со слабым ростом ввоза французских товаров в Османскую империю и ее балканские земли по сравнению с вывозом, т. е. пассивностью оборота. По данным югославского историка В. Поповича в канун Февральской революции 1848 г. ввоз Франции составлял около 13 млн франков, вывоз втрое больше — 39 млн франков [22, с. 11]. Падо подчеркнул, что франко-турецкая торговая конвенция 1838 г. была опубликована во Франции вместе с двумя предшествовавшими капитуляциями — 1740 и 1802 гг. [23]. Вскоре последовали договоры с другими державами. Еще до конца 1838 г. при поддержке английской дипломатии Австрия получила согласие Порты на исключение Дунайских княжеств, Сербии, Боснии и Герцеговины из сферы действия фритредерского договора Порты с Англией. Это несколько ослабило неблагоприятное впечатление в Австрии от англо-турецкого соглашения. Впрочем, уступку английской дипломатия уравновесила за счет Турции: морская и речная (по Дунаю) торговля австрийскими товарами должна была осуществляться преимущественно на английских судах.

Австро-турецкая конвенция на принципе свободной торговли была согласована в 1838 г., но Вена откладывала ее подписание. Австрийские коммерсанты предпочитали пользоваться принципом наибольшего благоприятствования, подтвержденным Высокой Портой в 1815 г., и англо-австрийскими соглашениями о судоходстве в турецких водах, позволявшими Австрийской судоходной компании пользоваться более низким англо-турецким тарифом, а также английским флагом для торговых судов. Взамен Англия получила право перевозки грузов по Дунаю и в целом, в том числе по речной системе балканских территорий [24, р. 128—133]. Однако австрийским торговцам сотрудничество с Англией на водных коммуникациях Османской империи представлялось недостаточно выгодным. В январе 1839 г. группа австрийских коммерсантов и лиц двойного подданства, которые вели крупные операции на Балканах и в Западной Анатолии, направили посланнику Австрии в Константинополе памятную записку. В документе содержалось требование к австрийской дипломатии в Османской империи пресекать, опираясь на капитуляции, любые попытки Высокой Порты ограничить деятельность австрийских коммерсантов на балканских, левантйских (Сирия и Палестина) и малоазиатских (зона Трабзона — Тебриза) территориях. Это обстоятельство представляется важным для оценки значения Балкан в торговой политике Порты, если учесть, что с начала 1834 г. вторая после адрианопольской по объему сделок белградская таможня, доходы от которой целиком поступали в султанскую казну, перешла под контроль князя Милоша Обреновича. В марте 1834 г. Высокая Порта согласовала с Сербией порядок транзитного следования европейских товаров на турецкую территорию и соответственно вывоз сельскохозяйственной продукции из Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии через белградскую таможню с ушлатой 3% пошлины в пользу казны Сербии. Высокая Порта в виде ежегодной компенсации получала более двух миллионов курушей [25, с. 169].

Заключение Высокой Портой договоров о свободной торговле было

с надеждой встречено в торговых кругах как Сербии, так и других балканских земель. Однако вскоре выяснилось, что Дунайские княжества изъяты из сферы действия фритредерских договоров. Что же касается Сербии, то потребовались упорные совместные демарши перед Высокой Портой белградских таможенных властей, попечительства иностранных дел Сербии, а также торговцев из Битола, Адрианополя, Пловдива и других торговых центров Европейской Турции, чтобы пресечь посылки Таможенного управления Османской империи взимать дополнительные взносы с товаров, продаваемых в Сербии или провозимых через белградскую таможню. В ноябре 1845 г., наконец, последовал султанский ферман о распространении на сербских торговцев принципа наибольшего благоприятствования, о предоставлении им права платить рыночную пошлину один раз, в Белграде, даже если торговые операции будут осуществляться в других областях Османской империи [26, с. 115]. Согласно ферману, товары, следовавшие транзитом по выгодным, кратчайшим путям Сербии из Австрии, других стран Центральной Европы в Константинополь и Салоники и в обратном направлении, пошлиной в Белграде не облагались. С товаров и продукции, произведенных на балканских землях или на собственно Турецких территориях, т. е. в Анатолии, и предназначенных для вывоза за рубеж или на продажу в Сербию, взималась 12%-я пошлина, предусмотренная договорами Порты с европейскими державами. Отличие состояло в том, что из 12% — 9 взимались в пользу турецкой казны, а 3% в пользу казны Сербии. В основном этот порядок существовал вплоть до провозглашения независимости Сербии. К защите Сербии нередко прибегали торговцы Дунайских княжеств и Западной Анатолии, стремившиеся избежать злоупотреблений со стороны турецких таможенных служб. Торговцы из Европейской Турции и даже из городов Западной Анатолии стремились получить разрешение торговать под коммерческим флагом Сербии, которой в 1830 г. было Портой предоставлено исключительное право на торговые операции на всей территории Османской империи [27, с. 565—567]. Собственный коммерческий флаг Сербии (полученный ею вслед за о. Самос и о. Родос), дополненный красной звездой, сохраняется в качестве флага Социалистической республики Сербии [28, с. 136].

Сосредоточив внимание на переговорах с главными внешнеторговыми партнерами, Порта не сумела обеспечить взаимовыгодные условия в торговых соглашениях с другими европейскими странами: Испанией, Португалией, Немецким таможенным союзом. Торговые отношения Османской империи с США регулировались вплоть до 1862 г. на основе договора 1830 г., подписанного в Константинополе благодаря активной поддержке русской дипломатии, добившейся для американских торговцев равных прав с англичанами — обстоятельство, которое американская историография обычно опускала [29, с. 172; 30, р. 12—13].

Отдельно в серии фритредерских по форме, капитуляционных по сути торговых договоров Османской империи могут рассматриваться подписанный ранее англо-турецкого соглашения договор «О дружбе и торговле» с Бельгией (3 августа 1838 г.), а также торговые договоры с Россией (1846) и Грецией (1855). По первому из них, включавшему положение о соблюдении взаимной торговой заинтересованности, Османская империя попала в число держав, признавших молодое бельгийское государство, и тем самым демонстрировала готовность признавать все акты общеевропейского уровня как коммерческого, так и политического характера. В двух других со стороны Порты была предпринята попытка усилить контроль за деятельностью иностранных коммерсантов и лиц двойного подданства, торговавших на ее территории [31, р. 276—281, 371; 32].

Позже всех европейских государств к новой системе торговых договоров присоединилась Греция. Только в 1855 г. — в разгар Крымской войны — был подписан договор о торговле и судоходстве, предоставивший торговцам обеих держав взаимные права наибольшего благоприятствования [31, р. 437—447]. Переговоры между Грецией и Турцией начались еще в 1834 г. и были продолжены после заключения англо-турецкой конвенции 1838 г. Затем прерывались и вновь возобновлялись. На Констан-

тинополь и Афины оказывали столь мощное давление силы, боровшиеся за влияние в Юго-Восточной Европе, что заключение торгового договора между странами, подданные которых были связаны теснейшими экономическими узами со времен средневековья, оказалось в полной зависимости от согласованности позиций Франции, России и Англии. Разногласия Турции и Греции выходили за пределы торговых отношений. Одновременно с борьбой великих держав они отражали конфликт бывшей феодальной метрополии и молодого суверенного государства, развивавшегося по буржуазному пути.

Необходимо отметить, что поддерживая освободительное движение греков — османских подданных на о. Крит и в других районах Европейской Турции, Греция в ходе переговоров добивалась восстановления населенных греками территорий, оставшихся под турецким управлением. Это требование рассматривалось в Константинополе как проявление русского влияния, что уводило далеко в сторону собственно торговые переговоры.

В то же время Порты считала, что затягивание ею греко-турецких торговых переговоров, особенно в период второго турецко-египетского конфликта 1839—1841 гг., может быть способом отдаления вмешательства держав в греко-турецкие разногласия. Она требовала от греческого правительства в качестве предварительного условия выплаты стоимости вакуфного и недвижимого имущества турок, покинувших Греческое королевство после 1830 г.

Одновременно Порты предприняла в ходе переговоров попытку несколько ослабить петлю капитуляционного режима. Лица, избравшие подданство независимого греческого государства, не должны были, по мнению Порты, получать двойное подданство и соответственно все те иммунитеты, которыми пользовались граждане других европейских держав в Османской империи. Высокая Порты отвергала также требование Греции включить в торговый договор право для подданных Греции или для греков, обладавших двойным гражданством и проживавших в Турции, быть членами цехов ткачей, обувщиков, портных, ювелиров, судовладельцев, т. е. теми, которым обеспечивалась правительственная поддержка. Поскольку эта же позиция была закреплена в русско-турецком договоре 1846 г. и далеко выходила за рамки собственно торговых переговоров, она была чревата для держав акциями Порты против всех лиц, покровительствуемых европейскими державами. Ф. Гизо и сам Луи Филипп оказали давление на Мустафу Решид-пашу в Париже, а посланники Англии и Франции в Афинах — на греческих министров.

Турцию и Грецию параллельно и одновременно уговаривали сохранить сложившееся положение — как в территориальном вопросе, так и в статусе лиц наиболее благоприятствуемых, защищенных капитуляционными привилегиями, активно развивавших коммерческую деятельность как в той, так и в другой стране [33, р. 97, 101—108; 14, с. 492—493, 495, 498]. Урегулирование греко-турецких отношений для английской и французской торговой буржуазии представлялось делом второстепенным по сравнению с собственными торговыми интересами на Балканах и в Восточном Средиземноморье, тем более в связи с перспективой усиления в 1844—1848 гг. средиземноморского направления политики России [34, с. 188—190]. Торговый договор между Грецией и Турцией был подписан в период войны 1853—1856 гг., когда самостоятельность действий греческого правительства была парализована англо-французской оккупацией Пирея, а Турция была связана военными соглашениями и не могла противиться капитуляционным в своей основе условиям договора, который поставил греко-турецкие торговые отношения под контроль Англии, Франции и Австрии. Сложилась система торговых договоров Порты с европейскими державами. Ее оформление было начато под выдвинутым ею условием военной помощи; завершено — в условиях военно-политического блока Османской империи с западноевропейскими державами в 1854—1856 гг. В эти военные годы союзники фактически контролировали и направляли экономическую и политическую деятельность султанского правительства.

Упомянутые торговые договоры Османской империи предоставлением

ряда новых прав ипостранным подданным и лицам двойного гражданства, торгующим на внутриимперских местных рынках, укрепили режим капитуляций. При этом сколько-нибудь действенного контроля за деятельностью таких лиц турецкая администрация не установила. В 1840—1850-х годах сложился своеобразный концерт держателей турецких капитуляций, существенно расширившийся за счет стран Центральной и Северной Европы и США, ранее получавших капитуляции временного характера, либо пользовавшихся торговым флагом одной из великих держав. Отныне все торговые договоры европейских государств с Османской империей были заключены с учетом требований эпохи промышленного капитализма, дополнялись взаимными соглашениями европейских правительств, например, австро-английскими — об исключении Дунайских княжеств из зоны свободной торговли, о навигации по Дунаю и др. Создавалась возможность согласованных коллективных действий в случае выступления Османской империи против одного из своих торговых партнеров, что и применялось неоднократно после 1860 г. Особо следует подчеркнуть, что основная серия соглашений была оформлена, когда внимание турецких властей от балканских проблем было отвлечено борьбой с Мухаммедом Али, высадкой англо-австрийского десанта в Сирии и, наконец, работой Лондонской конференции 1841 г. по проблемам Черноморских проливов.

В экономическом и политическом проникновении великих держав в Европейскую Турцию наступал новый этап. Балканские, наиболее развитые территории Османской империи быстро втягивались в капиталистический внешнеторговый обмен, что имело объективно прогрессивный характер, способствовало ускорению темпов переходного периода от феодализма к капитализму. Прежде всего потому, что в ходе этого процесса могло осуществляться объективное перенесение первичных производственных отношений, присущих передовым капиталистическим странам, в складывавшуюся систему межгосударственных отношений, определяемых К. Марксом, как вторичные, третичные производственные [7, т. 12, с. 735]. Этот процесс осуществлялся, во-первых, через политику Англии, Франции, Австрии (других стран Западной Европы в меньшей степени) как собственно внешнюю, так и торговую в балканском регионе Османской империи. Во-вторых, еще более длительно и многократно опосредованно через связи западноевропейских держав и Османской империи, например, с Россией, с Грецией, с малыми государствами Центральной и Западной Европы.

Два (только из числа основных) обстоятельства не позволили в полной мере реализоваться этому позитивному процессу в середине XIX в.: нерешенность (либо незавершенность) ряда задач революционно-освободительного движения народов Европейской Турции в 1830—1850-х годах, а также фактически закрепленная на Парижском мирном конгрессе неравноправность Османской империи в экономических и политических связях с европейскими державами. Постепенно превращая Османскую империю из субъекта в объект формируемой системы межгосударственных связей, западноевропейские правительства закрепляли воспроизведение одного системного качества межгосударственных отношений эпохи капитализма — предотвращение появления на международной арене новых государств как равноправных членов. Зависимый экономический тип развития, сложившийся в период османского владычества, был заложен в структуру экономики бывших европейских территорий, добившихся независимости во второй половине XIX в.

В политике капиталистических держав на Балканах и на Ближнем Востоке в эпоху завершения промышленного переворота сталкивались две противоречивые тенденции. Ведущая — превращение Османской империи в обширную периферийную зону свободной конкуренции, «удобно» расположенную между метрополиями в Европе и их афразийскими колониями. Вторая, приобретающая в отдельные периоды главенствующее значение, — раздел между капиталистическими державами европейских территорий Высокой Порты прежде, чем они обретут независимость в ре-

зультате национально-освободительного движения. Обе тенденции были противоречивы по своей сути. Первая — объективно стимулировала дальнейший рост буржуазных отношений в балканских областях империи, что в свою очередь ускорило распад османского конгломерата. Для воплощения в жизнь второй тенденции требовалось недостижимое согласие всех европейских держав. Их противоречия отчетливо проявились в период подготовки и заключения упомянутых торговых договоров. Для балканских территорий единственным способом преодолеть зависимое развитие метрополии — Высокой Порты — явились национально-революционные освободительные движения 1870—1880-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Panzac D.* Les bases démographiques de l'affrontement turco-égyptien de 1830—1840.— In: *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman*. Paris, 1983.
2. *Rosenthal S.* The Politics of Dependence: Urban Reform in Istanbul. Westport (Connect.) — London, 1980.
3. *Мандельштам А. И.* Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа. СПб., 1906.
4. *Ястржембский В.* О капитуляциях в Османской империи. Харьков, 1905.
5. *Venoit A.* Etude sur les capitulations entre l'Empire Ottoman et la France. Paris, 1890.
6. *Voicu L.* Austria și Principatele Române în vremea războiului Crimeii (1853—1856). București, 1972.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.
8. *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986.
9. *Yerasimos St.* Azgelişmişlik sürecinde Türkiye. C. 1. Istanbul, 1977.
10. *Wallerstein J. et Kasaba E.* Incorporation into the World Economy: Change in the Structure of Ottoman Empire 1750—1839.— In: *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman*. Paris, 1983.
11. *Tengirşenk Y. K.* Tanzimat devrinde Osmanlı devletinin haricî ticaret siyaseti.— In: *Tanzimat*. Istanbul, 1940.
12. *Сет Ж.* Türkiye'de kalmışlığın tarihi. Istanbul, 1971.
13. *Turgay A. Ü.* Ottoman British Trade through Southeastern Black Sea Ports During the Nineteenth Century.— In: *Economie et Sociétés dans l'Empire Ottoman*. Paris, 1983.
14. *Kaynar R.* Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat. Istanbul, 1954.
15. *Тодорова М. Н.* Англия, Россия и тanzimat. М., 1983, с. 52—53.
16. *Шеремет В. И.* Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в.— В сб.: *Актуальные вопросы политики США и Англии в новое и новейшее время*. Л., 1975.
17. *Дулина Н. А.* Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.
18. Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, 1838.
19. *Great Britain Parliamentary Papers*. London, 1840.
20. *Hoskins H. L.* British Routes to India. London, 1966.
21. *Hitti P. K.* History of the Arabs. London, 1970.
22. *Поповић В.* Политика Француске и Аустрије на Балкану у време Наполеона III. Београд — Земун, 1925.
23. *Capitulations et traités entre la France et la Porte Ottomane 1740, 1802, 1838*. Paris, 1841.
24. *Coons R.* Steamships, Statesmen and Bureaucrats. Wiesbaden, 1975.
25. *Мишић Д.* Трговина Србије 1815—1839.— Экономска библиотека Полита, књ. 9. Београд, 1959.
26. *Джамбазовски К.* Влияние автономии сербского княжества на транзитную торговлю балканских народов на территории княжества в первой половине XIX в.— *Balkanica*, 1. Beograd, 1970.
27. Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове. Београд, 1983.
28. *Enciklopedija Jugoslavije*, sv. 5. Zagreb, 1952.
29. *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
30. *Shotwell J. T., Deak F.* Turkey and the Straits. New York, 1940.
31. *Noradounghian G.* Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. T. 2. Paris—Leipzig — Neushatel, 1900.
32. Торговый трактат между е. в. императором всероссийским и е. в. императором османским. Гельсингфорс, 1847.
33. *Lettres de J. G. Eynard relatives à la Grèce 1841—1843*.— In: *Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève*, № 4. Genève, 1916.
34. *Дамьянов С.* Фрепската политика на Балканите 1829—1853. София, 1977.

К ИСТОРИИ ОБРАЗА ШВЕЙКА

Известно, что многие герои Ярослава Гашека, в частности, в его знаменитой комической эпопее «Похождения бравого солдата Швейка», носят имена реально существовавших лиц. Это, например, и поручик Лукаш, и капитан Сагнер, и кадет Биглер, и старший писарь Ванек и т. д. В данном случае прототипами послужили однополчани писателя, служившие вместе с ним в австрийской армии во время первой мировой войны. Пародийная история этой части, получившая под пером Гашека широкий обобщающий смысл, — один из важных пластов его сатирического романа. Все упомянутые лица, к стати говоря, здравствовали и ко времени появления этой книги (1921—1923), а некоторые из них были живы и после второй мировой войны. Уже в 60-х годах журналисты впервые побеседовали с бывшим кадетом Биглером, который проживал в это время в Дрездене и сообщил между прочим, что совсем недавно познакомился с романом Гашека и что он ему понравился. О собственной военной службе он заявил, что она правдиво воспроизведена в романе. В 60-е годы были записаны и воспоминания о Гашеке бывшего фельдкурата Эйбла (в романе Ибл). На одном из вечеров, посвященном Гашеку и проходившем в Доме советской науки и культуры в Праге весной 1983 г. (отмечалось столетие со дня рождения Гашека), присутствовал сын Ванека, унаследовавший от отца и его гражданскую профессию — он служил в той же лавке москательных и аптекарских товаров в Карлупах под Прагой, которую вел и его отец, о чем упоминается в романе Гашека. Однако еще и в межвоенный период сведения о прототипах отдельных героев основного произведения чешского писателя и их фотографии проникали в печать и получили известность на родине писателя. В общих чертах хорошо известны даже биографии некоторых из них.

Все это не означает, что Гашек просто делал зарисовки с натуры. Творческий процесс у него гораздо сложнее и богаче. Он не только создавал паржированные портреты реальных лиц, но и многое домысливал, развивал, преобразовывал, синтезировал, доводил до гротеска и т. п., а иногда, сохраняя имя человека, с неподражаемым озорством приписывал ему вообще вымышленное поведение [1]. Но как бы то ни было, от романа тянутся многочисленные нити к реальным лицам.

Естественно, возникает вопрос, а как обстоит дело со Швейком, главным героем Гашека, обогатившим сокровищницу наиболее ярких персонажей мировой литературы? Получить ответ на этот вопрос, пожалуй, не менее интересно, чем узнать, например, существовали ли реальные прототипы Ходжи Насреддина, Тиля Уленшпигеля или Санчо Пансы.

Как известно, образ Йозефа Швейка впервые появился в рассказах Гашека в мае 1911 г. Некоторые современники писателя были убеждены, что имя для своего героя он позаимствовал у чешского землевладельца и реакционного политика, депутата имперского парламента от аграрной партии, человека верноподданнических проавстрийских настроений Йозефа Швейка [2; 3]. По некоторым данным этот Швейк был и печальником

Гашека во время его недолгого пребывания на действительной военной службе в 1906 г. (впрочем, сам факт службы документально пока не подтвержден). Гашек якобы хотел посмеяться над этим политиком, уподобив его своему герою, страдающему навязчивой манией «служить государю императору до последнего издыхания». Чешский сатирик довольно часто прибегал к подобному озорному приему, приписывая своим комическим персонажам имена известных лиц и ставя тем самым последних в смешное положение, достигая юмористического или сатирического эффекта. Вполне правдоподобно, что так же он мог поступить и на этот раз.

Однако двадцать лет назад появилась другая версия происхождения имени главного героя Гашека. В одном из популярных чешских журналов появилась полуочерковая статья Я. Веселого [4, с. 22—28], содержащая почти сенсационные сведения. Он сообщал, что на протяжении двенадцати лет у Гашека был знакомый или даже друг по имени Йозеф Швейк, о котором он никому не рассказывал (по словам А. Лонгена, а также И. Магена нечто подобное с Гашеком случалось: он порой водил компании с совершенно разными людьми, не знакомя их друг с другом). Сам Йозеф Швейк после появления рассказов Гашека, а тем более романа с героем, носившем его имя, якобы не хотел (по вполне понятным причинам) привлекать к себе внимание и старался держаться в тени. Если он оказывался при посторонних в обществе Гашека, то обычно выдавал себя за его родственника и не называл своего настоящего имени. Познакомились они якобы в мае 1911 г. Гашек случайно встретился и разговорился в трактире «У чаши» с отцом Швейка, и тот привел его к себе домой, где сын жил вместе с родителями. Квартира их находилась на той же улице Боиште, что и трактир, ставший позднее знаменитым благодаря роману Гашека. В этом трактире завязывается сюжетное действие романа в день объявления войны. Здесь же Швейк назначает свидание саперу Водичке «в шесть часов вечера после войны».

Знакомство Гашека с молодым пражским ремесленником якобы и дало импульс возникновению образа Швейка. Реальный Швейк в начале 1911 г. находился на действительной службе, но сумел так зарекомендовать себя, что уже через два месяца его отправили домой. Воспоминания Швейка об этом, рассказанные им Гашеку, будто бы и стимулировали создание образа солдата, который, то ли прикидываясь, то ли по слабости ведет себя, словно пародируя верноподданного воина и обнаруживая то полную непригодность к военной службе, то необыкновенное рвение «служить государю императору», а чаще всего то и другое одновременно. Первый рассказ, по версии Веселого, был создан Гашеком на квартире у Швейка и даже записан его рукой.

Но Веселый не отождествляет полностью образ Швейка с портретом реального прототипа. По его словам, Швейк и сам подчеркивал разницу между собой и героем Гашека: «Когда в 1914 г. меня призвали на службу в австрийскую армию, я тут же оказался в числе саботажников и сачков и стал играть умного дурака по принципу „глупостью против военных глупостей“. На фронте я прослыл титулованным идиотом. Разумеется, я не умел так гладко проскочить через все трудные ситуации и конфликты, как герой в романе Гашека. У меня не было такого запаса притворства, красноречия и хитрости, хотя и я всегда любил шутку и никогда не посрамил развлечения» [4, с. 22].

После первого знакомства Гашек и Швейк время от времени встречались. Частично будто бы совпали и пересекались их пути и в годы первой мировой войны. Оба они оказались в русском плену и сначала даже в одних и тех же лагерях для военнопленных — в Дарнице под Киевом, где Швейк устроился поваром: во время регистрации пленных он приписал себе эту специальность, здраво рассудив, что справится с обязанностями лагерного кашевара. Позднее Швейк, как и Гашек, вступил в чехословацкие добровольческие части, сформированные в России, находился в действующей армии. В первых числах июня 1917 г. он участвовал в боях у Зборова и позднее, уже в Чехословакии, дважды был награжден за это — первый раз в 1924, второй — в 1947 г.

Однако самое поразительное в рассказе Швейка, переданном Я. Веселым, начинается дальше. Когда Гашек ушел в Красную Армию, Швейк оставался в чехословацком корпусе. И вот судьба якобы свела их при совершенно исключительных обстоятельствах, какие чаще встречаются в детективных романах. 8 июня 1918 г. войска чехословацкого корпуса заняли Самару. Командование 4-го полка выдало ордер на арест чехов, служивших в Красной Армии, в том числе и на политкомиссара Ярослава Гашека, обвиняемого вместе с другими в государственной измене. В случае ареста Гашека ждал неминуемый расстрел. Ко всему прочему белочехам будто бы стало известно, что Гашек (не успевший отойти с частями Красной Армии) скрывается в последнем доме предместья Самары, носившего название Слободка. По случайному совпадению в вооруженную команду, которой было приказано доставить Гашека «живым или мертвым», попал и Швейк. Кроме него на задание были посланы Балцар (командир), Троян и Худоба. На окраине Слободки патруль остановился под кленом у большого дома. Швейк вызвался пойти вперед, чтобы другие оставались пока на страже. Балцар согласился, Швейк с карабином в руках прошел через ворота. Во дворе мужик отбивал косу, а в окне Швейк увидел фигуру Гашека, который быстрым движением сунул руку в карман, по-видимому, хватаясь за пистолет. Но Швейк сказал ему, что он здесь не один и что если Гашек немедленно не скроется, предупредив мужика, чтобы тот запирался и все отрицал, то будет арестован. Гашек успел скрыться. «До сих пор не пойму,— говорил впоследствии Швейк,— я ему спас жизнь или он оставил меня в живых» [4, с. 22].

Новая встреча Гашека со Швейком произошла якобы уже в Праге, после возвращения писателя на родину, в январе 1921 г. Они вновь сошлись на квартире у Швейка, который, однако, переселился к этому времени на Варшавскую улицу. 6 января 1923 г. никому не известный Швейк якобы присутствовал на похоронах Гашека в Лишнице — единственный из его пражских друзей (другие поздно узнали о смерти или не смогли приехать).

Статью Веселого сопровождает целый набор фотографий Швейка, относящихся к разным периодам его жизни: перед уходом на действительную службу в начале 1911 г., в австрийской армии в 1914 г., перед отправкой на фронт в 1915 г., в чехословацких легионах в России в 1918 г.; помещена также последняя его фотография.

Известно, что Гашек любил отыскивать необычные человеческие типы и водить дружбу с такими людьми, используя свои наблюдения в литературном творчестве. И тем не менее статья Я. Веселого во многом была неожиданной. Оказывается, столько лет никто не знал о близком знакомом или даже друге Ярослава Гашека, носившем то же имя, что и его главный герой! Это казалось невероятным, а публикация загадочной. К тому же ее автор, судя по всему, пожелал остаться в дальнейшем неизвестным и в последующие двадцать лет никак не дал знать о себе (даже во время столетнего юбилея Гашека в 1983 г., который отмечался в Чехословакии очень широко). Словно ожила атмосфера гашековских мистификаций, которых столько было связано с его именем еще при жизни писателя. Оговоримся также, что в статье встречаются отдельные пассажи, которые явно не выдерживают критики и уже с первого взгляда кажутся малоубедительными. Автор, например, пытается представить себе мысли Гашека, которые бродили у него в голове при возникновении замысла рассказа о Швейке, и передает их словно они точно известны. Конечно, подобные «вживания в образ» имеют мало общего с точной информацией. Не исключено, однако, что это лишь чисто внешние наслоения, лишь способ подачи материала, его литературной обработки, ибо, с другой стороны, автор статьи прекрасно осведомлен о фактах жизни Гашека, в том числе, не лежащих на поверхности в литературе о нем. Кроме того для мистификации статья слишком богата точно указанными фактами и датами, многие из которых легко поддаются проверке. Так например, если исследователям удалось установить имена и местожительство предков Гашека, начиная с XVI в., то, конечно, легко выяснить, действительно ли на пражской

улице, которую называет Веселый, немногим более двух десятилетий назад проживал человек по имени Йозеф Швейк, а возможно и поныне проживают его родственники. Впрочем, частично это сейчас уже выяснено. Р. Пытлик в своей книге о Гашеке, изданной в 1971 г., добавил к сведениям Веселого, что Гашек в детстве одно время жил на углу улиц Боиште и Сокольской и был знаком со Швейком-отцом, который позднее стал дворником в том доме, где помещается трактир «У чаши» [5, s. 202; 3, s. 6]. В свою очередь А. Кнеспл подтвердил проживание Йозефа Швейка на улице Боиште, д. 463 по метрическим записям [2].

Нами была предпринята попытка проверить выборочно некоторые факты, сообщенные Веселым и касающиеся пребывания Швейка в России. Начать было предпочтительно со списка чехословацких легионеров, получивших, по утверждению Я. Веселого, в 1924 и 1947 гг. награды за участие в битве у Зборова (июнь 1917 г.). Во-первых, казалось, что этот материал более доступен, а кроме того, с его помощью можно было сразу получить подтверждение целой суммы фактов.

В чехословацком Военно-историческом архиве в Праге имеется «Персональный вестник Министерства национальной обороны» (он печатался типографским способом). В номере от 19 июля 1947 г. в официальном сообщении, подписанном министром обороны Людвиком Свободой и озаглавленном «В память битвы у Зборова были награждены:», содержится полный алфавитный список лиц, удостоенных награды «Зборовской памятной медалью». Черным по белому здесь напечатана и фамилия Йозефа Швейка с указанием воинского звания: «ефрейтор зап(аса) Швейк Йозеф» («svob(odník) v zal(oze) Svejik Josef») [6]. Этим документом сразу подтверждается и существование в австрийской армии чешского солдата по имени Йозеф Швейк, и его служба на восточном фронте во время первой мировой войны, и его пребывание в русском плену (а следовательно и в лагерях военнопленных), и служба в чехословацких добровольческих частях в России, и участие в битве у Зборова, в которой, между прочим, участвовал и Ярослав Гашек, награжденный за эти бои в октябре 1917 г. серебряной Георгиевской медалью «За храбрость».

Более того, оказалось, что в том же архиве, в так называемой «Картотеке легионеров» имеется целое дело Йозефа Швейка — папка с вложенными в нее документами, которые отражают его службу в чехословацких добровольческих частях в России и содержат некоторые общие сведения о нем. В папке хранится послужной список Швейка за № 4405, его анкета, некоторые документы о перемещениях, зачислениях, откомандированиях, медицинских освидетельствованиях и т. д. С особым чувством читаешь эти листы — даже при полном сознании того, что это, может быть, только однофамилец героя Гашека, — и узнаешь, что в России Швейк ходил по улицам Киева, Ташкента, Тюмени, Иркутска, Владивостока...

Прежде всего привлекает внимание анкета Швейка, подписанная его собственной рукой. Приводим текст в полном виде в переводе с чешского:

Фамилия	Швейк	Личный номер	20899
Имя	Йозеф		
	правосл(авное) Александр		
	отчество ¹ Йозеф		
День, месяц и год рождения	22 ноября 1892 Дубы, Кладно		
Место приписки	Жижелице н/Св. (над Свитавой. — С. Н.).		
	Полит. администр. район. Повый Быдзов		
Место последнего пребывания на родине (родители, родственники)	Прага, II, Боиште, 463. Катержина Швейкова		
Номер полка в австрийской армии	— 36 п.п. (пехотный полк. — С. Н.)		
Звание там же	— ефрейтор		
Профессия	— пекарь		
Образование	— мещ(анская) школа		

¹ Это русское слово воспроизведено латинскими буквами.

Политическая принадлежность на родине (Сокол) — (прочеркнуто. — С. Н.)
Женат или холост — (перечеркнуто косой линией слово «холост». — С. Н.)
Когда и где взят в плен — 14.V.15. Сенява
Место последнего пребывания в плену — Ташкент
Когда зачислен в чешское войско — 25.VI.1916
Номер полка 3 и роты 5 чешского войска и звание в нем — Рядовой
Личная подпись Йозеф Швейк [7].

Анкета заполнена не ранее апреля 1917 г., так как в 3-й полк Швейк был переведен только в последних числах марта 1917 г. Это видно из послужного списка, который хранится в том же деле и достаточно подробно отражает прохождение Швейком военной службы в чехословацких частях в первый год пребывания в них [7]. Из этого списка мы узнаем, что он вступил в эти части добровольцем 24 июня 1916 г. и был зачислен сначала «в нестроевой состав резервной роты» первого стрелкового полка, 30 сентября «переведен из нестроевой роты» в 3-ю, а затем 26 октября в 11-ю роту. Отмечено также, что 6 декабря 1916 г. Швейк перешел в православную веру и получил второе имя — Александр. Дальше сведения относятся уже к 1917 г. В самом конце марта его перевели из 1-го в 3-й стрелковый полк и зачислили в 5-ю роту. Зафиксировано также, что в апреле он дважды получал «отпуск в Киев» — сначала на две недели (с II по 24), затем на 21 день (с 28 апреля). На записи о возвращении Швейка из второй поездки в Киев 21 мая 1917 г. список обрывается. Добавим, что все записи подкреплены отсылками к соответствующим приказам с указанием номера и параграфа.

Из других материалов, которые хранятся в деле и относятся главным образом уже к завершающему этапу военной службы Швейка, наибольший интерес представляет документ, озаглавленный «Прохождение службы» [7] и составленный в Иркутске (на чешском языке). Он состоит из нескольких пунктов. В первом из них говорится: «Прибыл в штаб чешского войска на Руси от тайного разведывательного отделения в Тюмени, зачислен в постоянный состав с прикомандированием к тайному отделению штаба чехословацкого войска на Руси — 8 апреля 1919 г.» (имеется ссылка на приказ 29 § 6). Все это звучит весьма внушительно, но из дальнейшего видно, что служил Швейк при штабе корпуса всего лишь в транспортной роте. Следующий пункт, помеченный 2 июля 1919 г., информирует, что Йозеф Швейк «медицинской военной комиссией, заседавшей 14—19 июня, признан временно неспособным к полевой службе и определен к эвакуации». Дальше сообщается: «Эвакуирован на родину, исключен из списков транспортной роты при штабе». Стоит дата — 14 июля 1919 г. Наконец ниже, уже после подписей под документом, сделана приписка: «13 августа 1919 г. Эвакуирован на родину с транспортом № 8 пароходом Гельферон». Морские транспорты с чехословацкими легионерами, как известно, отправлялись из Владивостока.

В папке хранится целый набор медицинских документов 1919 г., удостоверяющих, что Швейк, как сказано в копии свидетельства о болезни (на русском языке), «одержим» разными заболеваниями, «резким неврозом сердца», сильной тахикардией, «упадком питания и малокровием», головокружениями и т. п., в связи с чем он «признан подлежащим увольнению вовсе со службы как совершенно к ней неспособный. Носить оружие не может. Зачислению в ополчение второго разряда не подлежит. Следовать пешком может. В сопровождающем не нуждается» [7]. Трудно сказать, действительно ли Швейк тогда так сильно болел (похоже, что он лежал даже в госпитале) или же, стремясь скорее вернуться на родину, нашел способ преувеличивать тяжесть своего состояния. Во всяком случае остается фактом, что потом он прожил еще без малого полсотни лет и скончался, когда ему шел восьмой десяток. Вернемся, однако, к нашей теме.

Мы не случайно привели относительно подробные выдержки из архивных материалов о Швейке. Дело в том, что основные биографические сведения, зафиксированные в этих документах, полностью совпадают с теми, что содержатся в статье Веселого. В ней, например, сообщается,

что Швейк умер в возрасте 73-х лет в мае 1965 г. В документах архива несколько раз приводится дата рождения Швейка — 22 ноября 1892 г. Следовательно в 1965 г. ему было как раз 73 года. Автор статьи утверждает, что перед первой мировой войной Швейк проживал в Праге на улице Боиште (это же подтверждено, как мы помним, А. Кнеслом и Р. Пытликом). В анкете из архива указан тот же адрес. На вопрос «Место последнего пребывания на родине (родители, родственники)» дан ответ: «Прага, II, Боиште, 463, Катержина Швейкова». Имя Катержины Швейковой — еще одно совпадение. В статье Веселого упомянуто, причем несколько раз, что мать Швейка звали Катержиной. Помещена даже ее фотография, на которой она снята с внучками Мартой и Индрой. С другой стороны, в анкете не упомянут отец Швейка. В ответе на вопрос о совместно проживавших родителях и родственниках названа только мать. И это опять-таки хорошо согласуется со статьей. В ней сказано, что отец Швейка умер от гриппа в возрасте 66-и лет в январе 1914 г., т. е. за полгода до начала первой мировой войны и мобилизации сына. Оба источника одинаково указывают имя отца — Йозеф. В анкете Швейка-младшего значится: «отчество — Йозеф». Аналогичные соответствия можно проследить и дальше. В статье говорится, что Швейк попал в русский плен и прибыл в лагерь военнопленных в Дарнице под Киевом за четыре месяца до Гашека. Как известно, Гашек сдался в плен 24 сентября 1915 г. Следовательно, у Швейка соответствующее событие должно приходиться на май. В графе анкеты с вопросом «Где и когда взят в плен» читаем: «14.V.15. Сенява». Разница с Гашеком четыре месяца десять дней. (Для характеристики настроений в 36-м полку, в котором, как мы убедились теперь, служил и Швейк, добавим, что в мае 1916 г. на русском фронте добровольно сдался в плен более полутора тысяч солдат и офицеров этого полка. Императору после этого не оставалось ничего другого, как объявить полк расформированным. Чешские части австрийской армии вообще не отличались благонадежностью, но 36-й полк в этом отношении особенно выделялся и почти не уступал пальму первенства 28-у пехотному полку, который месяцем раньше перешел на сторону русских в полном составе.) Далее Веселый упоминает, что Гашек и Швейк в одном и том же, 1916 г., стали воинами «заграничного чехословацкого войска». Давно установлено, что Гашек вступил в чехословацкие добровольческие части в России в июне 1916 г. Из послужного списка и анкеты Швейка следует, что он был зачислен в эти части 24—25 июня 1916 г. Совпадает не только год, но и месяц. Наконец, содержание статьи Веселого показывает (да автор и подчеркивает это), что в отличие от Гашека Швейк не был в Красной Армии, а все время служил в чехословацком корпусе. Это же подтверждают и архивные материалы.

Все эти совпадения не могут, конечно, носить случайный характер. Они не оставляют сомнений в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. Необходимо при этом подчеркнуть, что в статье Веселого нет никаких признаков его знакомства с описанным архивом и обращения к нему. Все говорит за то, что два эти источника независимы друг от друга. Веселый всецело исходит из воспоминаний самого Швейка, записанных им с его слов (некоторые куски приводятся даже как цитаты и взяты в кавычки), из рассказов его близких, а также из материалов, хранившихся в семье Швейков. В статье упоминается, например, семейный альбом (из него скорее всего заимствованы и фотографии), какие-то «памятные записки» отца Швейка. Вообще, совпадая в основных моментах, оба источника не покрывают, а взаимодополняют друг друга. В статье Веселого содержится целый ряд сведений, которые отсутствуют в архивном деле Швейка, и наоборот. В архивной папке мы не находим не только ни одной фотографии, но, например, и даты смерти Швейка, которую приводит Я. Веселый, указывая даже день и место панихиды (22 мая 1965 г., Страшницкий крематорий в Праге). В архиве зафиксирована только одна профессия Швейка — пекарь, в то время как автор статьи утверждает, что Швейк владел «девятью ремеслами», т. е. специальностями. В свою очередь в архивных документах несколько раз встречается второе имя

Швейка — Александр и объясняется, что он получил его в России, сменив вероисповедание и став православным. У Веселого на этот счет нет пикаких упоминаний. В его статье нет сведений о пребывании Швейка во время плена в Ташкенте. Ничего не говорится о болезни Швейка, о времени и маршруте его возвращения на родину. По обо всем этом мы узнаем из архива.

К сожалению, в архивном деле Швейка не получил отражения более всего интересующий нас вопрос — о непосредственном знакомстве Гашека со Швейком. Если иметь в виду прямые сведения, то на этот счет по-прежнему располагаем только свидетельствами Я. Веселого. Архив позволяет установить лишь тождество Швейка, о котором пишет Веселый и который по его словам был знаком с Гашеком, и солдата с личным номером 20899, служившего в чехословацком корпусе в России. Конечно, подтверждение значительной части информации Веселого дублирующими сведениями, причем имеющими строго документальный характер, серьезно повышает вероятность достоверности и остальных фактов, сообщенных им. Кроме того, из сопоставления статьи и архивных материалов можно извлечь некоторые дополнительные доводы в пользу знакомства Гашека со Швейком.

После того, как установлено, что реальный Швейк проживал на улице Боиште неподалеку от трактира «У чаши», создается впечатление, что Гашек и в самом деле не случайно связал своего героя с этими местами, тем более, что в повести «Бравый солдат Швейк в плену» (1917) автор дважды прямо называет своего героя Швейком «с Краловских Випоград» [8, s. 5, 73], а улица Боиште и расположена на Краловских Випоградах. В романе же в числе улиц, где жил Швейк, прямо названа Боиште.

Далее. Знакомство в общих чертах с маршрутом передвижения Швейка в России, сначала в составе военнопленных, а затем чехословацких добровольческих частей, подтверждает возможность его встреч с Гашеком в Дарнице, у Зборова и в Самаре. Весьма вероятно и не упомянутое Веселым общение Гашека со Швейком в добровольческих частях на Украине летом и зимой 1916—1917 гг. Как мы помним, в послужном списке Швейка указано, что он вступил в чехословацкие добровольческие части 24 июня (по анкете — 25 июня) 1916 г. и был зачислен в нестроевой состав резервной роты 1-го полка. Спустя всего пять дней там же проходил медицинскую комиссию и был зачислен в ту же роту и тоже (к его великому огорчению) в нестроевую часть Ярослав Гашек. «Все добровольцы в количестве 81 человек были 29 июня 1916 г. определены в резервную роту, однако Гашек — в ее нестроевую часть», — констатирует Я. Кржижек, основываясь на документах [9, s. 64]. Правда, в отличие от большинства добровольцев этой роты, оставленных на какое-то время в Киеве для прохождения военной подготовки, Гашек был направлен писарем в штаб 1-го полка, который располагался в местечке Березно. Однако встречи его со Швейком могли происходить и позднее. Напомним, что с 30 сентября 1916 г. до апреля 1917 г. Швейк служил в строевых подразделениях своего полка. В том же полку этой осенью и зимой большую часть времени находился и Ярослав Гашек (хотя и с периодическими выездами в Киев — в редакцию журнала «Чехослован»): «В период с сентября 1916 по февраль 1917 г. Гашек по большей части проводил время на фронте в 1-м полку, подразделения которого воевали в Пинских болотах Белоруссии, в районе реки Стоход», — пишет Я. Кржижек [9, s. 75]. Сравним у Пытлика: «Большую часть времени он находился среди состава 1-го полка, размещенного недалеко от станции Сарна» [5, s. 276]. Вероятность встреч Гашека и Швейка, оказавшихся однополчанами, по-видимому, достаточно велика. И кто знает, случайно ли именно в это время писатель возвратился к образу Швейка и стал работать над повестью «Бравый солдат Швейк в плену». В середине февраля 1917 г. автор читал рукопись повести в редакции журнала «Чехослован» в Киеве. Любопытно начало повести: Гашек предваряет основное повествование обращением к Швейку, оказавшемуся в России: «До чего же ты дошел, мой brave солдат Швейк! В „Народной политике“ и других официальных газетах твое имя появилось в соседстве с

несколькими параграфами уголовного кодекса. Все, кто знал тебя, с удивлением прочитали: „В соответствии с § 183—194, статьей 1334, пункт „с“ и § 327 Военного уголовного кодекса Императорский королевский уголовный земский суд в Праге, отделение IV, постановил конфисковать имущество Йозефа Швейка, сапожника, последнее место проживания на Краловских Виноградах, за преступление в виде перехода на сторону врага, государственной измены и подрыва военной мощи государства“² [8, s. 5].

Что касается самарского эпизода, то известный теперь в общих чертах маршрут передвижений Швейка в России не исключает и этой встречи. Стала известна также одна заслуживающая внимания подробность. Архив показывает, что до прибытия в Иркутск из Тюмени Швейк находился в распоряжении тайного разведывательного отделения. Можно предполагать, что в нем же он служил за восемь—десять месяцев до этого, когда войска белочехов находились в Самаре. В этой связи небезынтересно, что по версии Веселого арестовывать Гашека были посланы в Слободку «члены разведки первого батальона» Балпар, Швейк, Троян и Худоба.

И еще одно обстоятельство. Фамилия Швейк относится к числу редких. Исследователи смогли обнаружить пока что всего пять—шесть человек с этой фамилией во времена Гашека, и все они (кажется, за исключением одного непроявленного случая) связаны с двумя упомянутыми семьями, да и родословные этих семей приводят в конце концов к общим предкам. При этом единственным Швейком, обстоятельства жизни которого напоминают судьбу героя Гашека, как раз оказывается Йозеф Швейк с улицы Боиште (его Станислав не был в плену в России).

Конечно, все изложенные доводы не носят характер обязывающих доказательств. Это лишь некоторые соображения в пользу достоверности статьи, воспроизводящей воспоминания Швейка. Вместе с тем имеются не только «за», но и «против». Версия Веселого о происхождении образа Швейка в определенных моментах противоречит, например, известному свидетельству жены писателя Ярмилы Майеровой. Она связывала рождение этого героя с теми двумя фразами, которые Гашек однажды вечером, придя домой, набросал на клочке бумаги: «Идиот на действительной. Сам попросил, чтобы его освидетельствовали и признали, что он годен к заправскому несению военной службы...» (запись сохранилась до наших дней) [11]. Между тем Веселый утверждает, опираясь на воспоминания Швейка, что начальный рассказ цикла был сочинен при первой встрече Гашека со Швейком на квартире у последнего. Казалось бы, после этого уже не было нужды записывать замысел. Правда, это обстоятельство еще допускает какие-то объяснения. Нельзя, например, полностью исключить, что идея была записана уже после появления первого рассказа. Дело в том, что если тема «идиот на действительной», общая для всего цикла, присутствует уже в первом рассказе Гашека о Швейке, то «темы» медицинского освидетельствования в нем нет. Слабый намек на нее появи-

² Безотносительно к нашей теме не лишено интереса, что формулировки состава преступлений даются Гашеком в точном соответствии с тем, как они зафиксированы в «Военном уголовном кодексе» Австрийской империи. Точно указаны писателем и параграфы. Так, § 183—194 этого кодекса касаются дезертирства, § 327 — сговора с военным противником. Нам не удалось найти лишь статью 1334. Учитывая, что в кодексе вообще нет четырехзначной нумерации, можно предполагать в данном случае ошибку памяти, опisku или типографскую оечатку. Не исключено, что имелся в виду § 334, касающийся государственной измены, и соответственно пункт «с» этого параграфа.

Для иллюстрации приводим текст двух параграфов (в переводе с немецкого): § 183 гласит: «Тот, кто в нарушение воинской присяги полк, корпус или служебное подразделение, к которому он принадлежит, или определенное ему место пребывания самовольно и с намерением навсегда уклониться от военной службы покинет или с такими же намерениями прочь удалится, виновен в дезертирстве» [10, s. 138]; § 191 предписывает: «Дезертир, который у противника военную службу принимает или с этим намерением дезертирует, будучи задержан перед его переходом к противнику или доставлен позднее, приговаривается к смерти через повешение» [10, s. 149]. Этот параграф, как мы видим, в полной мере относится к Гашеку и Швейку (Гашек, по-видимому, наизусть знал эти параграфы «Военного уголовного кодекса»).

ется лишь во втором рассказе, написанном неделей позже, а по-настоящему она зазвучала только в третьей новелле, написанной еще неделю спустя. Запись темы на клочке бумаги вполне может соответствовать этой стадии работы, если акцент делать на второй фразе: «Сам попросил, чтобы его освидетельствовали...». В этом случае первая фраза выглядит как заглавие темы, вторая, как ее развитие. Гашек мог взять на заметку идею определенного ее поворота. Однако Швейк утверждал также, что первый рассказ цикла был и записан его рукой под диктовку Гашека. Но то же самое говорила о себе и Я. Майерова. Это уже совсем непримиримое противоречие. Изменила кому-то память? К сожалению, рукописи рассказов Гашека о Швейке не обнаружены, что не позволяет проверить эти утверждения.

Повторим, однако, что если даже версия Я. Веселого верна не только в общем и целом, но в деталях и подробностях, было бы наивно думать, будто Швейк в рассказах Гашека, не говоря уже о романе, просто и есть зарисовка реального Швейка. Предпосылки возникновения этого героя существовали в творчестве Гашека уже давно — существовали в виде особого интереса писателя к стихии пародии, розыгрыша, мистификации, шутовства (рассказы о Швейке не случайно родились в атмосфере буффонадной комической мистификации, когда Гашек инсценировал вместе с друзьями создание партии умеренного прогресса в рамках закона). Существовали предвестники и в виде плутоватых плебеев, изобретательно находящих новые и новые способы дурачить и обманывать господ и их прихвостней и ставить власти в смешное положение. Правда, до 1911 г. Гашек ни разу не связывал типы таких героев с антимилитаристской темой, не изображал их в обстановке австрийской армии. С другой стороны, и позже образ Швейка развивался, видоизменялся, обогащался, в том числе за счет новых впечатлений.

По единодушному мнению исследователей в дальнейшем развитии этого образа несомненно сыграло роль, например, знакомство Гашека с денщиком поручика Лукаша Франтишекком Страшлипкой (1890—1949), с которым Гашек встретился в армии во время первой мировой войны [5, s. 258; 12, s. 76]. Они служили в одном 91-м полку. Вместе со Страшлипкой Гашек сдался в плен на русском фронте 24 сентября 1915 г., близ селения Хорупаны — в полторастах километрах к северо-востоку от Львова, в районе Дубно. При этом Страшлипка прихватил с собой и вещи поручика Лукаша. Может быть, как раз этот эпизод и подсказал Гашеку соответствующие строки в его романе: «Если случилось, что офицер, чтобы не попасть в плен, спасался бегством, а денщик попадал в плен, то последний никогда не забывал захватить с собой и офицерские вещи, которые отныне становились его собственностью и которые он берег как зеницу ока» [13].

Лукаш, избежавший плена, написал вскоре родственникам Страшлипки, жившим в Гостивицах под Прагой, письмо, в котором сообщал об исчезновении денщика вместе с вещами и провизией. Родственники Страшлипки сочли себя обязанными возместить ущерб, причиненный папу лейтенанту, и стали носить родителям Лукаша в Прагу молоко, которое в голодное военное время ценилось на вес золота.

Дальнейшая судьба Страшлипки сложилась иначе, чем у Гашека, и пути их разошлись. Страшлипка не служил, подобно Гашеку, в чехословацких добровольческих частях. Из лагерей военнопленных он попал на работы в деревню, состоял машинистом при молотилке, косил сено, заготавливал дрова. В апреле 1918 г. он оказался среди тех австрийских солдат, которых обменяли на русских военнопленных (к лету 1918 г. в Австро-Венгрии насчитывалось свыше полумиллиона бывших военнопленных, вернувшихся домой в соответствии с условиями Брестского мира). Однако насладиться домашним покоем ему не довелось: его вновь мобилизовали и отправили на фронт — теперь уже итальянский, где военные действия продолжались и после того, как Россия вышла из войны и заключила мир. Некоторое время Страшлипка продержался истощенным на «вшебойке», как называли тогда дезинсекционные пункты, а затем

дезертировал и с немалыми приключениями, когда нужно было проявлять недюжинную смекалку и изворотливость, добрался до Праги. Вместе с братом они обзавелись фальшивыми документами и приняли поистине швейковское решение — пробираться на русскую границу, чтобы снова вернутся в плен. Им удалось благополучно достичь Львова; там их арестовали, но они сумели бежать, устроив пролом в помещении, куда их посадили. В конце концов братья действительно очутились где-то в пограничье и, нанявшись батрачить у кого-то из крестьян, дождались окончания войны. Только в ноябре 1918 г., после того, как Австро-Венгрия распалась и было образовано самостоятельное чехословацкое государство, они возвратились домой. Позднее бывший однополчанин Гашека работал каменщиком, машинистом на железной дороге, одно время содержал маленький трактир, но прогорел. В Гостивицах его до сих пор вспоминают добрым словом как одного из организаторов строительства Дома рабочих, открытого в 1927 г.

Все приведенные сведения были почерпнуты от ближайших родственников Страшлипки и друзей его семьи, прежде всего от его сестры Барбары, которая в шутку называла себя «сестрой Швейка». Их рассказы были записаны в июне 1966 г. [14]. Родственники Страшлипки уверили, что после первой мировой войны он встречался в Праге с Лукашем, а в Карлухах под Прагой со старшим писарем Ванеком, который вернулся к своей прежней работе аптекаря. Встречался якобы он и с Гашеком. Но насколько последнее достоверно, судить трудно.

Внешне Страшлипка отличался от того образа Швейка, к какому мы привыкли по роману Гашека и иллюстрациям Йозефа Лады. Он был высокого роста. У него отнюдь не лунообразная физиономия, но те же невыпуклые синие глаза. Он не лишен был чувства юмора и замашек комика (после войны он играл даже в любительских спектаклях). Бросается в глаза проворность, с какой он умел выходить из трудных положений. Иными словами, кое в чем он был похож на Швейка. Серьезным доводом в пользу того, что Гашек взял что-то от Страшлипки для своего героя, может служить то обстоятельство, что под своей фамилией Страшлипка не фигурирует в романе, хотя изображено (по большей части с сохранением подлинных имен) все окружение Лукаша, включая не только офицеров, но и денщиков, и писаря, и телеграфиста, и повара и т. д. Создается впечатление, что какие-то черточки Страшлипки действительно вобрал в себя образ Швейка, благодаря чему и не было надобности изображать еще и самого Страшлипку.

И все же Швейк не был слепком и с денщика Лукаша. Ведь Швейк появился в творчестве Гашека еще задолго до его знакомства со Страшлипкой. Впечатления от Страшлипки могли лишь добавить какие-то особенности, дать новую пищу для воображения, пополнить и обогатить этот образ. Впрочем, есть одна особенность не только этого персонажа, но и романа в целом, которая почти наверняка восходит именно к Страшлипке. Речь идет о рассказах Швейка «к слову», которыми изобилует роман. Лукаш вспоминал, что Страшлипка имел обыкновение по всякому поводу рассказывать анекдоты, которые обычно он начинал словами: «Знал я одного...». У Гашека есть даже фронтное стихотворение, в котором он также упоминает об этих анекдотах:

Но самый страшный бич резервной роты
Страшлипковы седые анекдоты [8, с. 318].

(Пер. О. Малевича).

Как видно, побасенки Страшлипки не вызывали восторга у Гашека. Но сам тип солдата, который постоянно комментирует происходящее рассказами о всевозможных историях, впоследствии очень пригодился ему. Очевидно, знакомство с таким типом помогло Гашеку не только выработать один из принципов построения образа Швейка, но и одновременно подсказало способ введения в роман материала, не связанного с основным действием. Раньше этот способ не применялся Гашеком не только в его

рассказах о Швейке, по и в повести «Бравый солдат Швейк в плену», несмотря на то, что она была написана им уже после знакомства со Страшлипкой. По-видимому, воспоминания о Страшлипке «сработали» позднее, когда Гашек начал писать роман. (Не помогла ли тут и новая встреча со Страшлипкой, если она действительно состоялась, как утверждают родственники?) Именно в романе впервые активизирована роль Швейка как рассказчика. С первых же страниц Швейк становится здесь рассказывающим героем. Таким он не был ни в цикле новелл, ни в повести. Помимо постоянных разглагольствований словоохотливого Швейка в романе более полуторасот его сюжетных рассказов, своего рода коротких вставных новелл. Наряду с пародийной историей воинской части и похождениями самого Швейка они — важнейший компонент романа. Стоит изъять их, и роман получит совсем иной вид. По содержанию рассказы Швейка — целая энциклопедия жизненного опыта плебса, того самого опыта, который и противостоит в романе официальной картине мира. Проникнутые духом народного юмора и занимающие важное место в произведении, вставные повеллы Гашека по сути своей сопоставимы с народными или полународными повествованиями типа сказаний о Ходже Насреддине, «Тысячи и одной ночи», «Декамерона» Боккаччо и т.п. Образно говоря, Страшлипка-Швейк в чем-то породнился с Шехерезадой.

Роль Страшлипки в формировании образа Швейка лишний раз подтверждает синтетичность этого образа, а одновременно и правдоподобность того, что в нем могли получить отражение какие-то черты и других реальных людей, в том числе, Йозефа Швейка с улицы Боиште на Краловских Виноградах в Праге. В целом, однако, этот вопрос требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nikolskij S.* Poetika hry v dílech Jaroslava Haška.— *Česká literatura*, 1986, č. 4, s. 348—363.
2. *Knesl A.* Josef Švejk a ti druzí.— *Večerní Praha*, 1983, 28—31 III.
3. *Pytlík R.* Jaroslav Hašek (Kapitoly z praktické švejkologie).— *Dikobraz*, 1983, 11 V, s. 6.
4. *Veselý J. R.* Haškův přítel Josef Švejk.— *Květy*, 1968, č. 35, 7 IX.
5. *Pytlík R.* Toulavé house. Praha, 1971.
6. *Vojensko-historický archiv.* Praha. Osobní věstník Ministerstva národní obrany, 19 července 1947, № 54, s. 455.
7. *Vojensko-historický archiv.* Praha. Kartoteka legionářů. «Josef Švejk».
8. *Hašek J.* Spisy, sv. 13—14. Praha, 1973.
9. *Křížek J.* Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957.
10. Das militär Strafgesetz über Verbrechen und Vergehen... sammt Verordnungen. Wien, 1901.
11. *Majerová J.* Jaroslav Hašek.— In: *Lidský profil Jaroslava Haška.* Praha, 1979, s. 265.
12. *Hoření Z.* Jaroslav Hašek novinář. Praha, 1983, s. 75.
13. *Gašek Я.* Собрание сочинений в 6-и томах. Т. 5. М., 1984, с. 389.
14. *Matoušek Z.* Putování za Švejkem.— *Svoboda*, 1966, č. 141—165, s. 3—4.

СЛАВЯНСКАЯ САФО (о поэзии Марии Павликовской-Ясножеевской)

С именем Марии Павликовской-Ясножеевской (1891—1945) связано одно из оригинальных явлений в польской поэзии XX в., и след, оставленный ею, столь же значителен, как и Анны Ахматовой — в русской поэзии. Поэтесса высокой культуры, автор пятнадцати сборников (среди них лучшими считаются «Поцелуи», 1926; «Балет вьюнков», 1935; «Кристаллизация», 1937), Павликовская, несмотря на неоднозначность оценок довоенной критики, получила признание поэтов-современников, как скандритов (с которыми ее связывали дружеские узы), так и авангардистов. Интерес к поэзии Павликовской возрастает в послевоенные годы. С 50-х годов начинают выходить собрания ее сочинений, а вслед за ними ассе и исследовательские статьи в газетах, журналах, книгах. О ней пишут К. Выка, А. Сандауэр, Ю. Пшибось, М. Яструп, Е. Квятковский и др. И в наши дни творчество Павликовской продолжает привлекать к себе внимание польских критиков и исследователей [1, с. СХХ—СХХV]¹. Советский читатель знаком со стихами М. Павликовской по переводам А. Ахматовой [2—4] и по недавно опубликованным переводам Н. Астафьевой (не только стихов, но и поэтической прозы) [5]. Поэтический и человеческий образ польской поэтессы воссоздается в заметках Б. Ф. Стахева [2, с. 273—274], В. А. Хорева [6; 7, с. 180], В. Британишского [5, с. 174—176]².

О высокой оценке ее поэзии на родине свидетельствует неизменно повторяющееся в целом ряде статей сравнение с Сафо: как Ахматову наша критика неоднократно называла «русской Сафо», так и Павликовскую вслед за Ю. Пшибосем (словами Я. Кохановского, обращенными к дочери) польская критика называет «Сафо славянской».

Павликовская обладала чистым и сильным лирическим голосом. Как и у Сафо, одной из главных ее тем была тема любви. Никто до ее предшественниц, польских поэтесс, не писал так откровенно и одновременно с такой деликатностью и тактом о таинстве любви.

Древнегреческой поэтессе Павликовская посвятила великолепный цикл «Розы для Сафо» и стихотворения, вошедшие в сборник «Кристаллизация», имитирующие фрагменты уцелевших стихов Сафо³. В одном из стихотворений «Сожженные рукописи» она сама говорит о своей связи с греческой поэтессой:

Когда на черных кострах
Жгли строки Сафо поблеклые,

¹ Представлена библиография важнейших изданий и работ о Павликовской до 1980 г.

² Когда данная статья готовилась к печати, вышел сборник избранной поэзии Павликовской («Стихи», М., 1987) с предисловием В. Британишского.

³ Павликовская была и автором переводов-реконструкций «Фрагментов» из Сафо.

Дымы взметнулись, как розы,
Тяжелые, хоть быстролетные,
Облаком плыли в веках.
Я с ветром вдохнула их в легкие —
Стихи не рассыпались в прах⁴.

(Перевод Н. Астафьевой)

Знаменательна в этом стихотворении строка: «Я с ветром вдохнула их в легкие» — восходящая к орфическому учению (изложенному в песнопениях, которые дошли до нас во фрагментах), согласно которому «душа, носимая ветрами, появляется из Вселенной при выдыхании» [8, с. 391], т. е. вдыхая душу мира с ветром, человек обретает собственную душу. Приведенная выше строка в соединении с заключительной может быть прочитана следующим образом: польская поэтесса обретает душу Сафо как собственную.

Легендарный образ Сафо, опоэтизированный Павликовской в сборнике «Кристаллизация», органически вошел в ее поэзию. С ним связана любимая стихия поэтессы (а в ее лирике значимы все четыре стихии) — стихия воды, в которой, подобно К. Бальмонту, Павликовская видела женственное начало. Вслед за Фалесом Милетским [9, с. 5, 7, 8, 18, 19] она связывала с водой понятие о праматерии, «стихии, одновременно космогонической и эсхатологической, начале и конце всего живого» [1, s. LXXX]: «О калии дикие, ирисы/Вы, что начинаете там, где я кончаю... (цикл «Akwatyki»⁵, V, сб. «Кристаллизация»). Из морской пены рождается Афродита, покровительница Сафо (и Павликовской), в море (по легенде) уходит, кончая жизнь самоубийством, сама Сафо (цикл «О морской пене», навеянный «Гимном к Афродите» Сафо). Такова «родословная любви», которая для Павликовской столь же ценностна, как сама жизнь.

У Сафо заимствовано и определение *Glukirikos* (греч. «сладко-горький», «Розы для Сафо», IV), ставшее ключевым словом поэзии Павликовской. В миниатюре «Горький залив» (сб. «Поцелуи») поэтесса отождествляет себя с «сиреной из горького залива», которую «выловил» «силач-морьяк» из воды-«плача» (античный образ сирены выступает здесь в более поздней версии полуженщины-полурыбы, сливаясь с образом польской сирены-русалки). Образ, появляющийся в пуанте и несущий основную смысловую нагрузку, строится на метафорическом столкновении «сладкоголосия, гармонии» (связанной с образом сирены) и — «горечи» женских слез (это противопоставление еще более непосредственно выражено в миниатюре «Сирены» из того же сборника, где сладостный аромат сада контрастирует с плачем морских сирен, так как «море — горькое», обыгрывается солоно-горький вкус морской воды).

Сладко-горькой была не только любовь в изображении поэтессы. В поэзии Павликовской с ее интенсивностью переживания есть тонкость и острота чувства, — «терпкость» в соединении со своеобразной проличностью. Именно эту дополнительную окраску обретает образ сирены, ставший одним из любимых образов-символов поэтессы, неоднократно возникающий в ее поэзии. Образ сирены как олицетворение женственности (сирене противопостоят в «Горьком заливе» морьяк с его мужской «силой») и стихия воды образуют семантическое единство. В том, что вода самая близкая для нее стихия, Павликовская признается в «программном» (если можно применить это определение к ее, чуждой декларативности, поэзии) стихотворении «Генеалогическое древо» (сб. «Сырой шелк», 1932), называя водную стихию своей «отчизной», а себя отождествляя на этот раз с Русалочкой из одноименной сказки Андерсена.

⁴ В оригинале эта строка читается: «Począ nie poszła w las». Используется поговорка, аналога которой нет в русском языке, поэтому в переводе, несмотря на смысловую точность, утрачена «игра» буквального и переносного значений, характерная для пуанта Павликовской. Первоначально заключительная строка звучала непосредственно: «Może Safo zarłacze przeze mnie» («Может быть Сафо заплачет моими слезами»).

⁵ Авторский неологизм.

Итак, стихия воды, стихия мифологизированная, по-женски увлекающая, пленяющая глубиной, таинственностью и свободой, не внушающая ужаса, ибо «спасательный пояс не нужен сирене» («Безопасность», сб. «Поцелуй»). Даже в мотиве утопленника акцентируется не момент гибели, трагического разрыва с жизнью на земле. В воду уходит не только от отчаяния утраты любви («Утопленницы», сб. «Париж», 1928), но и от стремления приобщиться к иной, незнакомой, таинственной стихии («Утопленник», сб. «Профиль белой дамы», 1930).

Отблеск поэзии Сафо оставил свой след и в стихии огня. Подобно водной, стихия огненная знаменует собой в поэзии Павликовской начало и венчает конец любви. В «огне» сторают письма былой любви, над которыми плачет нежная и женственная Саламандра, закутываясь в огненный шарф, так как из печи внезапно пахнуло холодом («Саламандра», сб. «Веер», 1927). Если стихотворение «Саламандра» мифологизировано (Саламандра как дитя огня — параллель сирене, символу воды) и романтизировано (хотя появление слова «печь» снижает романтизацию, но не отвергает ее окончательно), стихотворение «Письмо» (сб. «Поцелуй»), где варьируется тот же мотив, повторяется та же лирическая ситуация «сожжения» писем, «заземлено»: оно построено на столкновении двух планов, — «высокого» (знаком которого является любовь, любовь как «горение») и «низкого» (знаком его становится «печь», куда без сожаления бросаются письма былой любви). Анафорический ряд в первых двух строках («В печь, тетрадь любви! В печь, письма — целая грудка!») в соединении с интонацией императива, графически выраженной двумя восклицательными знаками, поддерживает «заземленность» и шуточный характер стихотворения. Концовка («из огня возникшие, в огонь обратитесь»), перефразирующая известное библейское изречение, построенная по тому же принципу замены метафорического значения поминативным, окончательно снижает «высокий» план.

В отличие от Бальмонта, для которого огонь был любимой стихией («Огонь, — писал русский поэт, — есть истинная всемирная стихия, и кто причастился Огня, тот слит с Мировым») [10, с. 32], носителем света и тепла, приобщающим к солнечной энергии, в восприятии Павликовской эта стихия неоднозначна, и в ее поэзии она выступает в различных функциях. Это не только, говоря словами Бальмонта, источник «сокровенный», знаменующий собой рождение любви, но и губительный. И этим знаком огонь отмечен не только в стихах о любви. Но при этом гибель от огня может стать и символизацией причастности к высшему бытию («Самоубийство дуба», сб. «Спящий экипаж», 1933) — и в этом польская поэтесса соприкасается с русским поэтом. А претерпевая метаморфозу, преобразованный в дым, огонь неожиданно становится источником жизнетворящим («Сожженные рукописи»).

Со стихией воды тесно взаимодействует и одновременно противостоит ей, по принципу женского — мужскому, стихия воздуха. Недаром в стихотворении «Самый прекрасный сон» (сб. «Лесная тишина», 1928), этом полусне-полуяви (а Павликовская любила писать о явлениях и состояниях на границе сна и действительности, реального и ирреального), «полет» уподобляется «плаванию в воздухе», а лирическая героиня вновь отождествляет себя с «сиреной», носительницей «женского» начала, рядом с которой появляется образ ее возлюбленного, — пилота. Возникают ассоциации с античным мифом о Зевсе и Леде, который трансформируется у Павликовской (вместо Зевса, спускающегося к воде, — Леда, поднимающаяся в воздух). Олицетворяя собой начало «мужское», образ пилота одновременно является знаком реальности «двойной», мира реального вообще и мира личного (последний муж поэтессы, Ясногевский, был летчиком). Тема «плавания» в воздухе — это не только романтическое противостояние земле, но и тема авиации, к которой поэтесса обращается в стихотворениях «Аэроплан» (сб. «Поцелуй»), «Возлюбленная летчика» (сб. «Профиль белой дамы») и др. Так вторгается в поэзию Павликовской цивилизация. С годами стихи будут наполняться трагизмом («Эпитафия летчикам», «Мгла» сб. «Спящий экипаж», 1933), свидетельствуя о том, что

цивилизация может быть и опасной, а в военных циклах «самолет», стихии — воздуха и огня, окажутся враждебными человеку, будут нести гибель всему живому на земле.

Самые сложные отношения существуют у Павликовской с землей. Прикосновение к ней «ранит» Русалочку-поэтессу («Генеалогическое древо»). Возникает противостояние водной стихии — земной как «мягкого» физического тела — «твердому», в оппозицию по тому же принципу включаются воздух и, отчасти, огонь. Физическим явлениям, как мы увидим в дальнейшем, отводится существенная роль в мировосприятии Павликовской. Но земля и «дышит» ее грудью («Вздохи», сб. «Поцелуй»), земля это не только стихия, вносящая диссонанс и гармонию сфер в более поздних стихах («Гармония сфер», сб. «Кристаллизация»), но и мир, с которым тесно связана жизнь лирической героини Павликовской, и окружающая ее природа. Оригинальность «славянской Сафо» — в совершенно особом видении мира, где любое бытие — звезды, деревья, птицы, цветка или человека оказывается удивительным образом «сцепленным» друг с другом. Поэтессу увлекали проблемы биологии (ботаники, орнитологии), психологии и философии. Истоки ее мировосприятия польские критики и исследователи возводят к Шопенгауэру и Ницше, к Бергсону и философским системам древней Индии, ищут параллелей с Метерлинком [1, с. I—III, LVIII—LXXX]. Этот ряд можно дополнить именами первых греческих философов, — упомянутого ранее Фалеса Милетского с его представлением о воде как о начале всего существующего, в восприятии которого не было принципиального различия между психическими и физическими явлениями и «душа» была присуща всем вещам, как присуще движение и активность [9, с. 3—24]; Пифагора с его учением о «переселении душ» [9, с. 60]. Для Павликовской вообще характерно тяготение к натурфилософии и дохристианским верованиям древних, в том числе славянских народов, что нашло отражение в приведенных выше оппозициях стихий, естественно трансформированных [11] (ср. семантику противопоставлений у славян в древний период).

В стихотворении «Творец» (сб. «Веер») рисуется образ совсем не христианского Бога, а какого-то поэтического («...тот, кто мне жизнь отберет, не вскрикнет от печали и страха./ Полетит за мотыльками, рассмеется навстречу цветам и заснет в воздухе, в сети новых запахов...»). Он двоится между творцом и возлюбленным, свидетельство тому — возникающий здесь мифологический образ Ахилла, смертельно ранившего Пентеселею, а затем влюбившегося в нее. Место Бога-творца у Павликовской занимает Натура, Богиня-мать, которая мыслится ею как одушевленная целостность всей природы (что было свойственно представлениям первобытных народов, — «Натура», «Juvenilia», «Мать Натура», сб. «Сырой шелк»). Поэтесса ищет у нее защиты и трагические военные годы: «Натура, о всемогущая, будь мне сегодня отчиной!» («К Натуре», сб. «Роза и горящие леса», 1940).

Мир поэтессы претерпевал изменения. «Солнечные», сенсуалистские ранние сборники «Воздушные замки» (1922) и «Розовая магия» (1924), ошеломляющие читателя ощущением «живой» материи, ее тепла, формы и объема предметов и особенно «оргией» цвета, из средства поэтизации становящегося поэтическим объектом, сменили более притупленные по краскам, более аскетичные, однако обретающие большую остроту и тонкость переживаний, более пластичные и одновременно тяготеющие к интеллектуализации стихи последующих сборников (например, «Поцелуй»). А они в свою очередь уступили место многозначным, с символическими проекциями сборникам конца 20—30-х годов («Париж», «Спящий экипаж», «Кристаллизация»), и, наконец, трагическим, «оголенным», непосредственным по своей выразительности военным циклам. Безусловно, эта линия развития в значительной степени выпрямлена нами, ибо для поэзии Павликовской характерна и «цикличность», варьирование излюбленных тем и образов. Есть в ней и определенная целостность, выраженная в тяготении к природе, представляющей подчас совершенно самостоятельное существование, аналогичное человеческой жизни (пейзажной лирики в собст-

венном значении этого слова почти нет у польской поэтессы), существование, как у Лесьмяна, ранимое (хотя природа Павликовской лишена лесьмяновской деформации). Но если говорить точнее, мир в поэзии Павликовской это своеобразный синтез явлений нравственных, психических, физических. В этом удивительном «союзе» сцепленные между собой природа и человек ощущают боль друг друга, взаимно пронзенные тревогами: здесь, пользуясь лесьмяновскими словами, не только «человек тоскует по природе, но и природа тоскует по человеку» [12, s. 498].

«Сцепленность» человека с природой и — шире — с окружающим миром была свойственна в русской поэзии И. Анненскому. В поэзии Павликовской так же, как и в поэзии Анненского, нет дуализма, присущего романтикам и символистам, природа не противопоставлена повседневному миру. Но у польской поэтессы, как у представительницы более позднего поэтического поколения, нет в этой сцепленности человека с предметным миром «мучительности». У Анненского одушевлен мир природы и вещей, у Павликовской центр тяжести перенесен на природу (хотя могут персонафицироваться и неодушевленные предметы — «письмо», «телеграмма» из стихотворений с одноименным названием, сб. «Поделуи»).

Природа у польской поэтессы наделена не только, как у Анненского, человеческим «страданием» («анютины глазки на кладбище еще искривлены гримасой недавней смерти» — «Анютины глазки», сб. «Сырой шелк»), но и человеческим «состраданием» («Мгла», сб. «Спящий экипаж»). Если в стихотворении «Олень» (сб. «Сырой шелк») душевное движение исходит от человека к природе, в стихотворении «Мгла», напротив, от природы — к человеку. В начальных строках: «Искаленный самолет висит на дубе. Его обступили листья, как безмолвные зеваки...» сравнение «подавляет» метафору — природа поставлена на одну плоскость с человеком. В заключительных строках сравнение снимается, уступая место метафоре. Персонафикация создает иллюзию непосредственно замены человека природой, при этом сохраняется острота переживания, присущая человеку: «Мгла рвет одежду на соснах, скорбная виновница» (так раздирали свои одежды плакальщицы во время похорон в древности).

Высокое уравновешивается с «земным», любая повседневная мелочь может обрести лирическую окраску, любая принадлежность быта — стать объектом эстетизации («Стеклянные туфельки», сб. «Воздушные замки»). То, что недавно относилось к сфере высокой поэзии, оказывается «заземленным», но при этом не утрачивает поэтичности, а, напротив, поражает эффектом повизны («Пернатый», сб. «Розовая магия»). Повседневная ситуация под пером Павликовской преобразуется в «фейерверк неожиданностей» [13, s. 16—17]:

Вот светлый нимб: галактики сиянье.
Песнь соловья — со звездами слиянье,
Прочь от земли стремящаяся трасса...
В яasmine — шелест.
Кошка серой масти
Мечтает:
«Распевающее мясо
Даст знак сейчас — где на него напасть мне».
(«Недоразумение», сб. «Балет вьюнгов». Перевод А. Ахматовой)

Эффект неожиданности ощутим в лирической теме, в образно-стилевой системе, в интонационно-ритмическом рисунке и даже в рифме. Первые три строки написаны в стиле высокой поэзии, в особенности это относится к двум первым строкам, аналогичным в интонационно-синтаксическом отношении, эта аналогия выделена в оригинале анафорой («ото-ото» 'вот—вот') и смежной рифмой (сохраненной и в переводе). Но в нарочитой романтизации этих строк чувствуется едва уловимая ирония. Третья строка, хотя семантически и связана с первыми, синтаксически выпадает из их симметрии, предвещая неожиданность. Неслучайно она окажется свя-

запной рифмой со строкой: «Распевающее мясо», образуя семантически контрастную пару.

С четвертой строки поэтесса разрушает грань между сферой «высокой» и «обыкновенной», именно в ней — эффект неожиданности: «в жасмине — шелест», предвещающий появление кошки, стерегущей соловья. Этот эффект обозначен разрывом (графически выраженным тире) и дополнительной паузой (выраженной многоточиями), нарушающими плавное течение стиха, ломающими метр, снимающими рифму. «Пауза внутри языкового или метрического сегмента, — пишет И. Левый, — воспринимается как неожиданный разрыв контекста, что создает ощущение незавершенности и ожидание продолжения» [14, с. 92]. Здесь передано не столько ощущение незавершенности, сколько предчувствие неожиданного, эффект ожидания продолжения, после чего следует продолжение, но эффект ожидания остается неразрушенным.

Образы природы не только остро-визуальны: «включены» еще и движение, звук, шорох. Наблюдения зафиксировали моментальность происшедшего, создавая иллюзию подлинности. Мир эмпирический вытесняет «высокую» сферу, а афористическая концовка окончательно подавляет ее. Но именно в этой заземленности — оригинальность стихотворения.

Высокое не только заземляется, эти два плана взаимопроникают, как в стихотворении «Ночная бабочка» (сб. «Поцелуй»):

Кресло, книги, свеча, окруженная мраком,
Вдруг вскрик взбудоражил мрак.
Полуночица-бабочка в пламени ярком
Сгорает, как Жанна д'Арк.

(Перевод Н. Астафьевой)

Здесь не только одушевлена бабочка, падевшая «человеческой болью», не только ее гибель предстает в некоем героико-трагическом ореоле, но происходит и обратный процесс — с образа Жанны д'Арк как бы «снимается» этот ореол, и за героикой становится ощутимой глубина чисто физического страдания⁶. Сфера человеческого духа и сфера будничного одинаково ценны для поэтессы, они разомкнуты друг для друга, сопряжены. Физические явления поставлены на одну плоскость с психическими:

Берез золотые брызги.
Холодно, как от последнего письма.
А солнце — как кто-то близкий,
который, озябнув, уходит. Ближится зима.

(«Октябрь», сб. «Поцелуй». Перевод Н. Астафьевой)

Казалось бы, стихотворение об осени, но лишь первая строка является непосредственно пейзажной зарисовкой. Уже начиная со второй строки («Холодно, как от последнего письма»), сконструированной по смежности значений (так будут дальше выстраиваться все последующие строки), уравновешены два начала: природы, как физического явления, осеннего холода и человеческого переживания. Непосредственное значение «скрепляется» с переносным, метафорическим. Следующие строки поддерживают эту взаимосвязь. Последнее полустихие в оригинале («Lesz liście...» — «Летят листья...»), возвращая к первой строке, как будто отдаляет мир природы и мир человека (природа на миг главенствует), но связанное рифмой со второй строкой (в оригинале «list» — «письмо») по принципу окказиональной омонимии, — оно вновь акцентирует эту «сцепленность».

Итак, синтез, «союз» человека и природы. Однако посредством тонкого переплетения, «наложения» образов природы и человеческих чувств достигается двойной эффект: одухотворения природы и раскрытия характера собственно человеческих переживаний. Здесь нет, как, впрочем, и в дру-

⁶ Иначе интерпретирует эту миниатюру К. Квитковский, акцентируя шуточный характер поэтизации, что, с нашей точки зрения, противоречит контексту поэзии Павликовской [15, с. 106].

гих стихах о любви, романтизации. Вся история любви остается в подтексте. Однако, благодаря прозрачности «паложения», легко угадывается происшедший разрыв, но при этом сами чувства приглушены, затаены. Переданы не «сиюминутность» переживания, не «момент его остроты» (как у Ахматовой), а отстоявшаяся боль.

Подобно Анненскому и Ахматовой, в поэзии которой «истончились» неодушевленные предметы [16, с. 64], мир природы у польской поэтессы достигает высшей степени «духовности»:

Dąb samotnik spoglądał dokoła
z pogardą!

Poznał życie, kto widział
generacyj tyle!

Nagle zdał z nieba piorun,

Jak złocisty sztylet —

I wbił go sobie w pierś twardą.

Отшельник дуб смотрел вокруг
с презрением!

Он познал жизнь, столько поколений
прошло перед ним!

Внезапно он снял с неба молнию —

Золотой кинжал —

И вошел в крепкую грудь.

(«Самоубийство дуба», сб. «Спящий экипаж»)⁷.

Поэтесса обращается к образу мирового древа, играющему особую роль в европейской и национальной литературной традиции. Дуб выступает в двух функциях: как объект, знак реального физического явления, — дерева, пораженного молнией, и в персонифицированном значении, как субъект, причем на первый план выдвинуто второе значение. Образ дуба романтизирован. Он уподоблен романтическому герою, в стихотворении представлен типичный конфликт гордого одиночки, бросающего вызов окружению. «Самоубийство» дуба — разрешение этого конфликта. Но образ дуба, — что характерно для Павликовской, — и мифологизирован. В языческой культуре греков и римлян культ дуба связан с величайшим из богов, богом неба, дождя и грома, — Зевсом-Юпитером, у славян — с богом грома Перуном [17, с. 156, 158]. Пронзая себя «золотым кинжалом-молнией», дуб не только гибнет, но и приобщается к наивысшему бытию, символом которого выступает огонь (ср. еще: самосожжение как нравственное очищение). Так, являясь глубокой символической проекцией, образ дуба соединяет все четыре стихии: по вертикали он взаимодействует с воздухом и огнем, по горизонтали — с землей и водой. Казалось бы, в стихотворении целиком поддерживается высокий стиль... Но, убивая себя «молнией», то есть атрибутом высшего божества и, вместе с тем, собственным, дуб убивает самого себя «собой» же. Стихотворение, таким образом, обретает характер парадокса, происходит развенчание романтизации. при этом очень точное, или, говоря иначе, план романтический, ирреальный взаимодействует, пересекаясь, с реальным.

Природа в восприятии Павликовской — и источник динамизма: поэтесса откровенно «завидует» деревьям, которые в «урагане, шуме» могут излить свою энергию, скрытые в них могучие силы («Ураган», сб. «Поцелуш»).

При всей своей целостности этот мир многолик. «Натурфилософия» польской поэтессы, соединенная с мифологией, а в военных циклах с космогонией, магия и спиритизм — это поэтическое «зеркало», в котором отразилась неутоленная жажда познания. Павликовская стремится проникнуть в таинство природы и любви (эротические стихи), постичь глубинную и сокровенную суть явлений, проследить процесс старения («Морщинки», «Женщина, которая ждет», «Под костелом», сб. «Поцелуш»), раздвинуть пределы уже познанного, увидеть «невидимое», еще нерожденное («Право нерожденных», сб. «Спящий экипаж»), назвать «невыразимое» («Гелиотроп», сб. «Розовая магия»), заглянуть за грань существующего. Для поэтессы, как уже говорилось, характерны: интенсивность переживания, ироничность, тяготение к эпиграмматической сжатости, афористичность стиха, когда значимым, весомым становится каждое слово, слово, не истаявшее в звуке, а являющее собой сгусток мысли, подчас парадок-

⁷ Подстрочный перевод автора статьи.

сальный,— черты, сближающие ее с Анной Ахматовой. Однако при всей интеллектуализации лирического переживания в центре поэтической системы Павликовской, как и русской поэтессы, стоит образ. Причем образ «почти всегда конкретен, связан с чувственным впечатлением, почти осязаем в своей изменчивой материальности» [18, с. 118].

Обращаясь в цикле «Розы для Сафо» к греческой поэтессе, которая «смела писать о розах, когда пылала история», Павликовская, в сущности говорила о себе самой. Но история не обошла ее поэзии. Справедливо пишет Е. Квятковский, один из глубоких исследователей творчества поэтессы, что «линия развития поэзии Павликовской — это также зашифрованные вехи истории двадцатилетия. Цветные, радостные сборники „Воздушные замки“ и „Розовая магия“ — период бурного упоения свободой молодого государства, период сенсуалистского прославления сегодняшнего дня ... Все более сгущающаяся атмосфера сборников тридцатых годов — нарастающий страх перед общественными конфликтами, фашизацией Европы, войной. И, наконец,— эхо катастрофизма в „Поэтическом дневнике“» [15, с. 101].

Время отразилось в прозаизации стиха Павликовской, захватившей глубинные слои не только образно-лексического, но и интонационно-синтаксического строя, в деромантизации, ироничности при одновременном тяготении к поэтическому эксперименту — художественных исканиях, объединивших поэтов ее поколения, как польских, так и русских.

Время преломилось в ее поэзии и «музыкально». Цикл «Дансинг» (1927) это не только оригинальная попытка передать поэтическим словом характер современных танцев (в цикле нашли отражение все модные танцы того времени), не только свойственный поэзии Павликовской синтез человека и природы, психических и физических состояний. В отличие от «младопольских» предшественников, которые в своих поэтико-музыкальных произведениях делали акцент на гармонию звучания, здесь акцент перенесен на ритм, передающий напряженность, драматизм времени. «Дансинг» (в противоположность, например, миниатюре «Ураган», где интенсивность переживания запечатлена в порывах-«вспышках», графически выраженных восклицательными знаками) написан на одном дыхании, без прописных букв и знаков препинания, с выделением ключевых в семантическом отношении слов.

Время врывается и непосредственно: в стихотворении «Мы, кони!», содержащем намеки на уличные бои во время забастовки 1923 г. в Кракове [1, примеч. к стих., с. 89], и «Enthauptet!» (греч.: «Отрублены!»), где Павликовская, подобно Горькому, подняла свой голос против возрождения в фашистской Германии средневековой казни, противопоставляя «хрупкие, как стебли, женские шеи» рукам тевтонских «мясников-палачей».

В 1939 г. «рухнуло» поэтическое небо славянской Сафо, «едва успевшей спеть часть своих счастливых песен...» [19, с. 432]. Павликовская вынуждена была эмигрировать. Случилось так, что пансионат «Ариадна» оказался ее последним пристанищем на родине, — так еще раз, теперь драматически, переплелись в ее поэзии реальность и мифология (стихотворение «Ариадна»). Поэтесса вошла в «Лабиринт» и в метафорическом, и в буквальном смысле, начался период эмигрантских скитаний, — Румыния, Франция, Португалия, наконец, Англия. Павликовская прощается со своей прежней поэзией, которая перед лицом страшной угрозы, нависшей над миром, кажется «забавой» — «открытой шкатулкой, полной кораллов, лент, блестящих камней», с поэзией, которая дарила ей «самые милые мгновения» и стически взывает к «ритму» как носителю «мужского», мужественного начала (в противоположность «женственной» рифме, связывающей строки в гармонические созвучия) — «ты, единственный, веди мою тоскующую мысль ровным шагом. По-воински твердо, до Возвращения» («Рифмы», сб. «Роза и горящие леса», 1940). Так войдет в ее поэзию война, а с ней история. И слово «Возвращение» до конца станет ключевым словом и будет писаться с прописной буквы.

На пороге войны Павликовская начинает писать «Поэтический дневник», позднее переименованный ею в «Военный дневник», где «каждый набро-

сок, каждое впечатление, каждое сравнение значительны, значительнее чем прекрасная конструкция, которая могла бы из них возникнуть» [1 LXXXVIII—LXXXIX]. Обращение к этой форме Квятковский связывает не только с расширением жанрового диапазона, но и с более глубокими изменениями в творчестве поэтессы, которые становятся заметными уже в 30-е годы (по сравнению с миниатюрами 20-х годов, построенными на образной целостности, часто завершающимися виртуозной концовкой), выразившимися в тяготении к фрагментарности, к «открытой композиции» [1, s. LXXX—XCV].

Резкой гранью разделена довоенная и военная поэзия Павликовской: и по своему мировосприятию, и по средствам поэтической выразительности. Изредка поэтесса, казалось бы, возвращается к своей прежней манере, например, в стихотворении «Быть цветком?» (сб. «Жертвенный голубь», 1941):

Расцветают. Молча громоздятся
На решетку сада, на шпалеры...
Пленики? Стагисты? Декорации?
Так легко их прославлять без меры,
Но цветом быть...

(Перевод А. Ахматовой)

Одушевленный образ цветка, один из любимых и частых образов поэтессы, лаконичный строй, паузы, вопросы как фиксация раздумий, пластичность двух первых строк и неожиданная концовка с ее педоговоренностью и затаенной печалью — все это как будто восстанавливает связь с предшествующей поэзией. Но в третьей строке, где, как и прежде, «слышится» живой, взволнованный голос поэтессы и как бы обретается былое единство: природа — человек — вещь, появляется слово «пленники». Всего лишь одно слово, но за ним возникает уже иной контекст.

В довоенной лирике природа и человек составляли некую гармонию (хотя и не лишенную диссонансов), теперь наступает разрыв, гармония уступает место хаосу. «Есть у природы, — пишет Павликовская в своих военных набросках, — как бы совесть, которая считается с правом на жизнь всех видов, которая ставит границы жестокости, в какой-то мере, увы, ею допускаемой. Ни одной из могучих бестий не дано было вознестись над другими, занять чересчур большое место. Только человеку — но он получил особые задатки, чтобы не быть бестией... Вы скажете: орлы, стервятники, совы, летучие собаки или вампиры. Нет, мы должны признать, что миру они чрезмерно не докучают... Мы можем быть благодарны ей (т. е. природе. — Н. Б.), что она сделала малыми тех крылатых, которые злобны и агрессивны... А теперь посмотрим правде в глаза и поблагодарим — с горьким сарказмом — человека, который ее создал, эту саранчу, вопреки законам природы! Современные боевые самолеты — вот она, саранча-гигант, и нельзя перестать сокрушаться, что люди ее создали и разводят... Она есть и будет угрозой для всего человеческого рода. Для всего живого, не только для людей... Эта саранча подрезает под корень цивилизацию, пожирает плоды труда» («Поэтический дневник», перевод Н. Астафьевой).

Мысли, возникающие в дневнике, получают одновременно воплощение и в поэзии, мотивы повторяются, перекрещиваются, «обнажая» измененное мировосприятие поэтессы, создавая ощущение еще более глубокого разрыва между человеком и природой. Она обращается к вечности («Попытка разъединения с миром», сб. «Последние стихи»). Природа, обладающая способностью к постоянному возрождению, — начало животворящее, человеческие же усилия обращены в прах — таков лейтмотив военных циклов.

С ним взаимодействует мотив отчужденности. «Слово „ближние“, — пишет Павликовская, — должно быть перечеркнуто цензорами всего мира. Оно слишком таинственно. Какая-то неизвестная нация...» («Военный дневник»; этот же мотив варьируется и в миниатюре «Ближние»).

сб. «Последние стихи»). Появляется сомнение в том, есть ли у человека душа, ибо сострадание и доброта остались «в другом измерении» («Поэтический дневник», см. также миниатюру «Мнение льва», сб. «Последние стихи»).

Обращаясь к себе самой, Павликовская одновременно ведет диалог с читателем, ее голос обретает публицистическую страстность: «Почему я пишу так, а не иначе?... Разве можно сейчас воспринимать мир как целостность, людей как один вид, звезды как нашу будущую родину? Простите, что душа моя вырывается за пределы сегодняшнего дня! Что я ищу утешения в синтезе, в сравнениях с природой... Разговариваю с землей и с каждым существом на военные темы. Это мне приносит утешение... Земля, мать человеческого рода, темная планета под ясной звездой, до каких пор ты будешь нести бремя своего страдания?» («Поэтический дневник»).

Павликовская не раз устремлялась в мечтах от земных горестей к своей «поэтической отчизне» — звезде небесной: «...я, звезда, / Падающая в жито, / Хочу задержаться, остаться в лазури ... между птицами и листьями» («Доброе рождение», сб. «Спящий экипаж»). Притяжение к ней стало более ощутимым, когда планета Земля стала диссонансом в космической гармонии. Ведется жестокая война, где «люди охотятся на людей», война, с которой у поэтессы связано предчувствие гибели человечества: «Люди с богатым воображением давно предвидели, чем будет эта новая война, которую непонятно даже, как назвать — потому что уже предыдущая носила титул „мировой“! А поскольку они верили в человечество, то успокаивали себя и других, говоря, что развитие техники убило войну, потому что никто не осмелится расколдовать страшные силы, дремлющие в ожидании завтра ... „Ведь это был бы конец света!“ — говорили они. И действительно так. В известной мере это своего рода конец света. Постепенное планетоубийство, начатое наиболее безумными» («Поэтический дневник», перевод Н. Астафьевой).

Но есть в теме войны у Павликовской и другой поворот и эмоциональный план, где земля являет лик не «злой матери» и не «темной планеты», а чего-то очень близкого и дорогого. Эту землю Павликовская не проклиняет, но хранит к ней привязанность. Скорбит по убитому снарядом ребенку, чей образ «жертвенного голубя» дал заглавие всему сборнику («Названия», сб. «Жертвенный голубь»). И хотя в этих стихах тоже сохраняется противостояние человека природе, но в этом противостоянии нет негативной окраски, за ним стоит лишь сострадание к человеческой боли:

Гром отгремел, явился солнца лик,
Куст розы, куст жасмина ожил вмиг,
Одни лишь куст — куст нервов человека —
После грозы изнеможенный, спик.

(«Безутешный куст».

Перевод Н. Астафьевой)

В военных циклах заметно тяготение к библейским мотивам; в отличие от довоенной поэзии, где они «заземлялись», здесь они сохраняют свой высокий смысл — «Физическая боль» (сб. «Последние стихи»). Поэтессе жалко каждого гибнущего на земле существа:

О розе ли жалеть, когда горят леса —
Жалеть ли о лесах, когда весь мир горит,
Когда планета вся становится Сахарой...
Планету ли жалеть, когда разверзся хаос,
Бог, бомбой взрывчатой земного шара,
Попавшей прямо в грудь ему, убит
И львом восстал, от гнева задыхаясь! —

Когда чернеет ночь, наш траур углубя...

И все же розу жаль мне... и себя...

(«Роза, леса и весь мир»,
сб. «Жертвенный голубь».
Перевод Н. Астафьевой)

В этих строках слышится эхо прежней лирики Павликовской, для которой ценностно каждое бытие, за чьей ироничностью по отношению к себе самой скрывалась душевная незащищенность.

Среди военных циклов особое место занимают стихи, связанные с темой родины, темой родного города — Кракова. К. Выка пишет, что по отношению к этой поэзии применимо «собственное местоимение *нашего города, ее города, моего города* (разрядка моя. — Н. Б.), города — „покинутого дома“» [20, с. 239]. Поэтесса создает целую серию стихов, посвященных городу своего детства, составивших самостоятельный цикл («На краковских Блонях», «Планта», «Ботанический сад на ул. Коперника» и др.) и примакающих к нему («Зеленый город», «Краков» и др.). Это стихи-ретроспекции, где, однако, ожившее прошлое не защищает от действительности, контрастируя с ее реалиями. Прием антитезы лежит в основе поэтической конструкции «Зеленого города». Образ Кракова «в листьях, блестящих после летнего дождя, вдвойне зеленых в свете месяца и изумрудного фонаря на Звезжинецкой», Кракова среди «жасминов чащи, леса каштанов, нашествия деревьев, роя птиц», настолько опозитивирован, что кажется почти нереальным. И в последней строке этот образ красоты и счастья разрушается голосом из реального мира: «громкое эхо немецкой команды».

С темой родины, родного города непосредственно связан мотив Возвращения, где уверенность сменяется тревогой, предчувствием его невозможности («Этой осенью», «Гадания», сб. «Последние стихи»).

Невозможное в реальности Возвращение становится возможным в воспоминаниях и снах:

Ветер по тайному знаку
Ломает на Висле льдины.
Во сне дохожу до середины
Моста Зодиака...
В замке часы глуховато
Пробили двенадцать раз.
Вот — дом, что моим был когда-то,
Внезапно в нем свет погас.
И сонных теней версипца
Стремится навстречу мне,
На мост, который мне снится,
Связующий нас во сне...
А утром сердце нещадно
Болят сквозь муку пройдя...
Сейчас бы компресс прохладный
Из краковского дождя!
(«Грены висляцкие». Перевод А. Азатовой)

Павликовской не суждено было вернуться в родной город. Она умерла на чужбине, в Манчестере, прожив всего лишь два месяца после победы. «Живым» вернулось на родину поэтическое слово славянской Сафо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maria Pawlikowska-Jasnorzewska. Wybór poezji. Opracował J. Kwiatkowski. Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdansk. 1980.
2. Польская поэзия в двух томах. Т. 2. М., 1963.
3. Польская лирика в переводах русских поэтов. М., 1969.
4. Азатова А. А. Голоса поэтов. М., 1965.

5. Иностранная литература, 1986, № 5.
6. КЛЭ. Т. 5. М., 1968.
7. История польской литературы. Т. 2. М., 1969.
8. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. I. М., 1976.
9. *Маковельский В.* Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Ч. 1. Казань, 1914.
10. *Бальмонт К.* Из записной книжки (1904).— Избранное. М., 1983.
11. *Иванов Вяч. Вс.* и *Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
12. *Leśmian В.* Szkice literackie. Warszawa, 1959.
13. *Flukowski S.* Wstęp do kś.: М. Pawlikowska-Jasnorzewska. Wiersze. Warszawa, 1971.
14. *Левый И.* Значения формы и формы значений.— Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
15. *Kwiatkowski J.* Szkice do portretów. Warszawa. 1960.
16. *Добин Е.* Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1938.
17. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1983.
18. *Głowiński М., Stawiński J.* Sapho słowieńska.— Twórczość, 1956, № 4.
19. *Jastrun М.* Między słowem a milczeniem. Warszawa, 1960.
20. *Wyka К.* Odeszli. Warszawa, 1983.

ДУХАН И. И

О ПРОГРАММЕ И СОСТАВЕ ИКОНОСТАСОВ БЕЛОРУССИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

История искусства Белоруссии XVII—XVIII вв. до недавнего времени была изучена весьма фрагментарно и еще сегодня содержит немало скрытых проблем и явных «белых пятен». Сложившееся положение становится особенно очевидным при сравнении с ближайшими славянскими соседями — Россией, Украиной и Польшей, — историография культурного развития которых в эпоху перехода от средневековья к новому времени включает десятки обобщающих работ. Систематическое же изучение изобразительного искусства Белоруссии данного периода восходит к 1960-м годам, причем развернулось оно по преимуществу в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР и в Художественном музее БССР. В это же время внимание историков искусства привлекли и многоярусные иконостасы XVII—XVIII вв. Однако эта тема в науке пока лишь наметилась, отчасти из-за немногочисленности аутентичных иконостасов, сохранившихся к настоящему времени только в нескольких деревянных храмах Полесья и в Никольском соборе в Могилеве. Причиной тому явилась массовая переделка иконостасов «старого устройства» и замена их новыми, которая началась с 1830-х годов в связи с ликвидацией униатской церкви и продолжалась до начала XX в. (одно из характерных проявлений национально-религиозной политики российского самодержавия в Северо-Западном крае). В результате из многих древних храмов навсегда исчезли традиционные комплексы.

Между тем многоярусные иконостасы занимали значительное место в системе храмового синтеза искусств в Белоруссии XVII—XVIII вв. Стольник П. А. Толстой, проезжавший в 1697 и 1699 гг. через белорусские земли Речи Посполитой, был восхищен иконостасами «резными, золочеными, великими, изрядной работы», которые он видел во многих храмах Могилева и других городов. Не случайно мастера из восточных районов Белоруссии, переселившиеся во время русско-польской войны 1654—1667 гг. в Русское государство, сразу же были привлечены к выполнению царских и патриарших заказов на сооружение грандиозных предалтарных ансамблей. К этим комплексам со времени И. Е. Забелина и К. В. Харламповича постоянно обращаются историки русского искусства XVII в.

В процессе эволюции внутреннего пространства храмов византийского типа приблизительно к XV—XVII вв. ярусный иконостас сменяет различные типы ранней алтарной преграды — темплона. Развитие последнего выразилось в увеличении числа чинов, расширении и упорядочении состава икон в них, переосмыслении архитектурной конструкции и т. д. В итоге сформировался тот многоярусный ансамбль, классическим примером которого служит иконостас 1405 г. Благовещенского собора Московского Кремля [1, с. 59—68].

На высшем этапе своего развития иконостас, программа которого раскрывается во множестве составляющих его икон, становится домини-

рующим центром соборного синтеза искусств. Воплощенная в зримых формах, символическая полифония иконостаса «оживает» в пространственном диалоге со всеми компонентами храмового действа — литургией, монументальной живописью, отдельными иконами и т. д. Оформившееся содержание иконостаса делает возможным исследование его программы и состава. Необходимо заметить, что отдельные иконостасы привлекли внимание местных историков и краеведов уже во второй половине XIX — начале XX в. [2, с. 6; 3, с. 196—197; 4, с. 52, 97—98, 140—142, 159—160, 465; 5, с. 19—25; 6, с. 97, 121; 7, с. 489; 8, с. 105—107, 115—117; 9, с. 17—19; 10, с. 224—228; II, с. 83—85, 142 и т. д.]. Они упоминались в ряде искусствоведческих и архитектуроведческих работ советского периода [12, с. 183—187; 13, с. 85; 14, с. 64—70, 87—88, 124; 15, с. 181—182, 245; 16, с. 21—23; 17, с. 112—113; 18, с. 328—329, 331—333; 19, с. 119; 20, с. 100; 21, с. 172—173]. Однако предметом специального изучения предалтарные комплексы Белоруссии стали только в работах Э. И. Ветер и Н. Ф. Высоцкой [22; 23; 24]. В статье «Об особенностях белорусского иконостаса» Э. И. Ветер впервые в отечественном искусствознании предприняла попытку определить характерные черты, «отличающие белорусский иконостас от известных нам русских и украинских» [22, с. 188]. Автор вводит в научный обиход ряд комплексов XVIII в. храмов Полесья, выявленных в процессе экспедиционной работы, а также анализирует и уже известные по публикациям иконостасы XVII—XVIII вв. В статье намечен интересный круг вопросов: композиционное своеобразие комплексов Белоруссии XVII—XVIII вв., «архаизмы» в их структуре, особенности состава деисусного чина, которые могут стать предметом дальнейшего изучения.

Цель данной работы — определить круг основных взаимосвязанных проблем программы и состава иконостасов Белоруссии XVII—XVIII вв. и проанализировать их в целом, не углубляясь (за редким исключением) в исследование частных вопросов. При этом, как следствие фрагментарной изученности темы, потребовалось введение новых архивных источников для характеристики рассматриваемых комплексов. Атрибуции и датировки, сделанные на основе источниковедческого анализа в процессе изучения сохранившихся иконостасов, либо их фрагментов, и фотографий ныне несуществующих, приводятся в основном уже в «снятом» виде.

Переломным моментом в развитии духовной культуры Белоруссии явилась Брестская церковная уния 1596 г. Она провозгласила объединение православной и католической церквей под главенством папы римского, с принятием главнейших католических догматов при сохранении православной обрядности [25; 26]. Развернувшаяся борьба православного населения против унии переплелась с противоборством православия и католицизма, экспансия которого была возглавлена с конца XVI в. иезуитами. В этих условиях в православной культуре наметились две тенденции. С одной стороны, в ситуации межконфессионального кризиса многие идеологи православия обращались в поисках опоры к наследию патристики, творениям византийских и древнерусских религиозных писателей. Особенным почитанием пользовались древние православные святые — «чудотворные» иконы «Эфесской (Корсунской) Богоматери» [27, вставка между с. 10—11, 14], «Купятицкой Богоматери» [28, с. 71—78], «Богоматери Минской» [29, с. 52—54, 188] и др. Эта традиционно-консервативная тенденция обусловила устойчивость медиевизирующих представлений, лежащих в основе формирования программы иконостасов Белоруссии XVII—XVIII вв.

С другой стороны, состояние межконфессиональной конфронтации требовало постоянного обновления эмоционально-художественного воздействия на верующих. Вот почему архитектурная композиция иконостаса, зооморфные мотивы и стиль его декоративной резьбы, а отчасти стилистические качества составляющих его икон столь чутко воспринимали непосредственное воздействие европейского маньеризма и барокко (ср. [30, с. 48—89]). Весьма существенно для культурной целостности того времени то, что обе тенденции тесно переплетались: в частности, введение некоторых аллегорических сюжетов и геральдических эмблем в традици-

онную программу (иконостас XVII в. Благовещенской церкви в Супрасле) свидетельствует о проявлении в ней барочных настроений.

Наиболее ранние известные нам упоминания об иконостасах Белоруссии содержатся в документах XVI в. К своеобразным переходным к иконостасу формам, генетически восходящим к темплону храмов византийского типа, можно отнести предалтарные преграды кафаликона и предела церкви Спаса Кобринского Спасовского монастыря, Успенской и Свято-Духовской церквей Лещинского монастыря в Пинске и др. По относительно подробной «пописи образов в церкви Спаса», составленной в 1549 г. [31, с. 492—494], главная предалтарная преграда кафаликона включала «деисус сполный на золоте», под которым находились «праздников господних образов пять, а десять невеликих» и ряд «наместных» икон с царскими вратами в центре. В пределе церкви Спаса и в Свято-Духовской церкви Пинского Лещинского монастыря преграды были двухъярусные и состояли из деисусного и «наместного» рядов. Предалтарный комплекс Успенского храма Лещинского монастыря в Пинске, по инвентарному описанию 1588 г. [8, с. 115—118], включал три ряда — «деисус стоячий позлотистый, девять образов», «праздников позлотистых двадцать» и местный с иконами «Спаса» и «Успения Богородицы», царскими вратами в центре, напоминая в целом главный комплекс церкви Спаса.

Таким образом, в XVI в. существовали весьма определенные структурные инварианты предалтарной преграды (например, двух- и трехъярусные). Важным источником, оказавшим влияние на их формирование, выступили, по-видимому, фресковые циклы апсид. Как убедительно показал М. А. Ильин, в процессе изменения убранства восточной части русских церквей на протяжении XII—XV вв. система росписей апсиды постепенно трансформировалась в иконостас, при этом «три основных части убранства византизирующих храмов XI—XII веков — трехчастный деисус, ехаристическое шествие в ряд отцов церкви — превратились в много-составной деисус с фигурами в рост» [1, с. 75—77]. Фрагментарная изученность монументальной живописи Белоруссии не позволяет в настоящее время сделать какое-либо обобщение по этому вопросу. Впрочем, некоторый свет на проблему местного генезиса иконостаса проливает роспись XII в. в восточной нише молельни Ефросинии в Полоцке с изображением в первом регистре четырех отцов церкви, во втором — семифигурного деисуса, включающего поясное изображение благославляющего Спаса с Евангелием в руке, слева и справа к которому предстоит в трехчетвертном повороте Мария и Иоанн Предтеча, архангелы Гавриил и Михаил, апостолы Петр и Павел. В третьем регистре — сюжетные сцены [32, с. 43—45].

Упоминание 1557 г. в Летописи Супрасльского монастыря: «иконнику, что деисус (под деисусом подразумевается иконостас в целом. — И. Д.) церковный золотом покладак и пророки и праздники и кивот и двери царские и икону жития Богородицы, дано за работу 36 коп. и 40 грошей...» [33, с. 49] — одно из самых ранних свидетельств развернутой программы иконостаса в Белоруссии, с включением пророческого ряда, который не встречался ранее в византийском темплоне [34, с. 130]. Очевидно, в XVI в. в Белоруссии одновременно существовали многоярусные и низкие архаизирующие предалтарные комплексы. Следует заметить, что подобная ситуация была характерна в то время и для Русского государства [35, с. 46—47].

В XVII в. при своеобразии программы и художественного решения различных иконостасов их состав является достаточно устойчивым. Иконостас для церкви в Борисове (Oltarz Głowy w Borisowie), изображенный на чертеже князя Богуслава Радзивилла (1620—1669)¹ [36, л. 1об.—2, 7] включает четыре ряда — пророческий², деисусный³, праздничный и местный.

¹ Чертеж выполнен очень тщательно — с указанием иконографии, прорисовкой резных деталей, нанесением размеров в «литовских локтях» модульной линейкой.

² Пророки Соломон, Даниил, Давид и клеймо-медальон без указания иконографии.

³ Справа от центральной большой иконы (указавшая в надписи на чертеже иконография не прочитывается) размещены апостолы Павел, Лука, Иоанн, Иаков, Симон, Филипп, слева — Петр, Матвей, Марк, Андрей, Варфоломей, Фома.

Сложная символическая программа разворачивается в иконостасах второй половины XVII в. — в Благовещенской церкви Супрасльского монастыря (иконостас 1640—1660-х годов сменил своего предшественника XVI в.), Никольской церкви одноименного монастыря в Могилеве (создан около 1672 г., ремонтировался в первой четверти XVIII в.) и Троицкой церкви Маркова монастыря в Витебске (создан в начале 1690-х годов, обновлялся в 1753 г. и позднее). Супрасльской комплексе состоял из пророческого чина, который продолжался и завершился «с правой стороны — изображение Моисея, показывающего израильтянам медного змия, а с левой — патриарха Иакова с лестницей, касающейся небес, с восходящими и нисходящими по ней ангелами», деисуса апостольского состава, дополненного соответственно «Поклонением волхвов» и «Сретением», и местного чина. Тенденцию к театрализации усиливало введение скульптуры и аллегорий, а включенные в состав иконостаса гербы магнатов Ходкевичей и архимандрита Н. Шибинского приносили момент светской славы, выполняли в сущности, репрезентативную функцию. В завершении всего ансамбля «ангел резной работы держит в руке перукотворный образ» [4, с. 140—141; 37, с. 173—174; 38, фото].

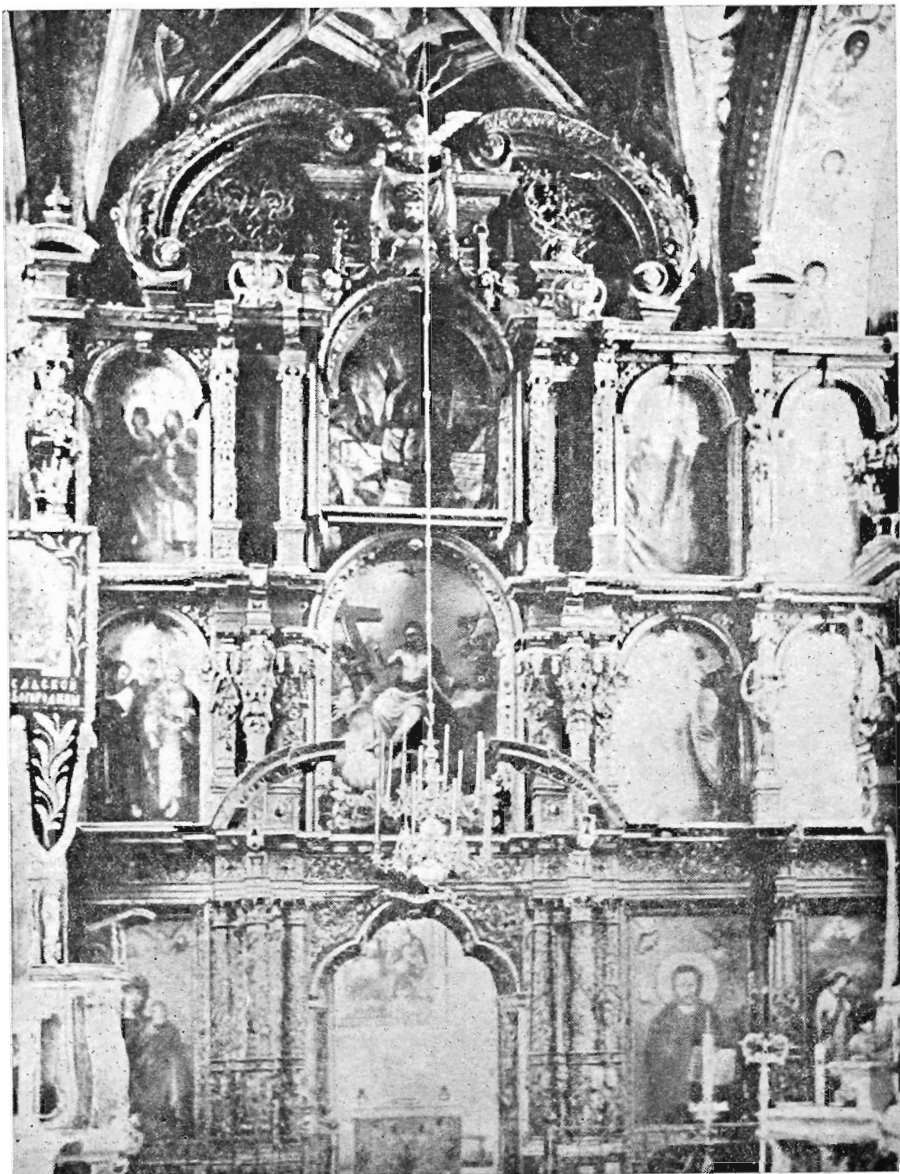
Весьма близкие по составу и архитектурной композиции иконостасы Никольской церкви в Могилеве (описания 1809 г. [39, ед. хр. 16, л. 2об.—4]; 1830 г. [39, ед. хр. 35, л. 7об.—9об.]; 1855 г. [39, ед. хр. 78, л. 5—7]) и Троицкой церкви в Витебске⁴ (описания 1822 г. [41, ед. хр. 37, л. 2—2об.] и 1833 г. [41, ед. хр. 49, л. 4—5об.]) включали пророческий, деисусный, праздничный и местный чины⁵.

В XVIII в. иконостасы традиционного типа получают от предшествующего столетия уже сложившуюся структуру и основной состав, «консервируют» и «репродуцируют» это наследие, внося в него лишь небольшие изменения⁶. Таковы сохранившиеся комплексы XVIII — начала XIX в. в храмах Полесья — Георгиевской церкви в г. Давид-Городке, Воскресенской церкви в д. Ольгомле, Пречистенской церкви в г. п. Шерешево, Спасо-Преображенской церкви в д. Олуш, Покровской церкви

⁴ Возможно, иконостасы Бояговленского и Никольского монастырей в Могилеве были взяты в качестве образца для иконостаса Троицкой церкви в Витебске. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что над сооружением витебского иконостаса трудились вместе с местными мастерами резчик из Могилева И. Могилевец [40, с. 9—10] и то, что белорусские магнаты Огинские — фундаторы Троицкой церкви в Витебске [41, ед. хр. 54, л. 62 об.], фундировали перед этим и Бояговленский собор в Могилеве.

⁵ В пророческом ряде могилевского и витебского иконостасов справа и слева от центральной, несколько смещенной вверх иконы «Богородицы на престоле», располагались полнофигурные изображения пророков. В центре деисусного чина в обоих иконостасах была установлена икона «Деисус с предстоящими Богородицей и Иоанном Предтечей». Порядок расположения икон возможно восстановить по достаточно поздним документам конца XVIII — середины XIX в. только в Могилевском иконостасе. Здесь по правую сторону от «деисуса с предстоящими» следовали парные полнофигурные изображения апостолов Павла и Иакова Заведеева, Андрея и Филиппа, Николая (?) и Иоанна Богослова, по левую — Петра и Матфея, Иакова Алфеева и Фаддея, Симона и Фомы. Праздничный чин в могилевском иконостасе фиксируется только в описании 1855 г., что делает проблематичным его аутентичность. В витебском иконостасе по описям конца XVIII — первой половины XIX в. праздники состояли из шести небольших клейм, в которых были размещены сгруппированные по две иконы (слева направо): «Рождество Богородицы» и «Введение во храм Богородицы», «Рождество Христово» и «Богоявление», «Сретение» и «Благовещение», «Вход в Иерусалим» и «Воскресение», «Вознесение» и «Сошествие Св. Духа», «Преображение» и «Успение Богородицы». Состав местного ряда в Могилевском и Витебском иконостасах в основных чертах совпадает. В центре находились резные по дереву царские врата с изображением в шести клеймах Благовещения (Мария и Архангел Гавриил) и четырех евангелистов, над короной врат размещались иконы «Тайная вечеря». На раскрепованном покое в своеобразных «нишах», образованных фланкирующими колоннами ажурной резьбы, стояли «наместные» иконы. Справа от царских врат находились иконы «Христос Вседержитель» в серебряной ризе и храмовая («Светитель Николай» в Могилеве и «Троица (Ветхозаветная)» в Витебске), разделенные южными вратами, слева — в серебряных ризах «Богоматерь с младенцем» и «Воскресение», между которыми располагались северные врата.

⁶ Например, композиция, структура рядов иконостаса второй половины XVIII в. из Георгиевской церкви в г. Давид-Городок в целом аналогичны иконостасу XVIII в. церкви в г. Борисове, изображенному на чертеже кн. Богуслава Радзивилла.

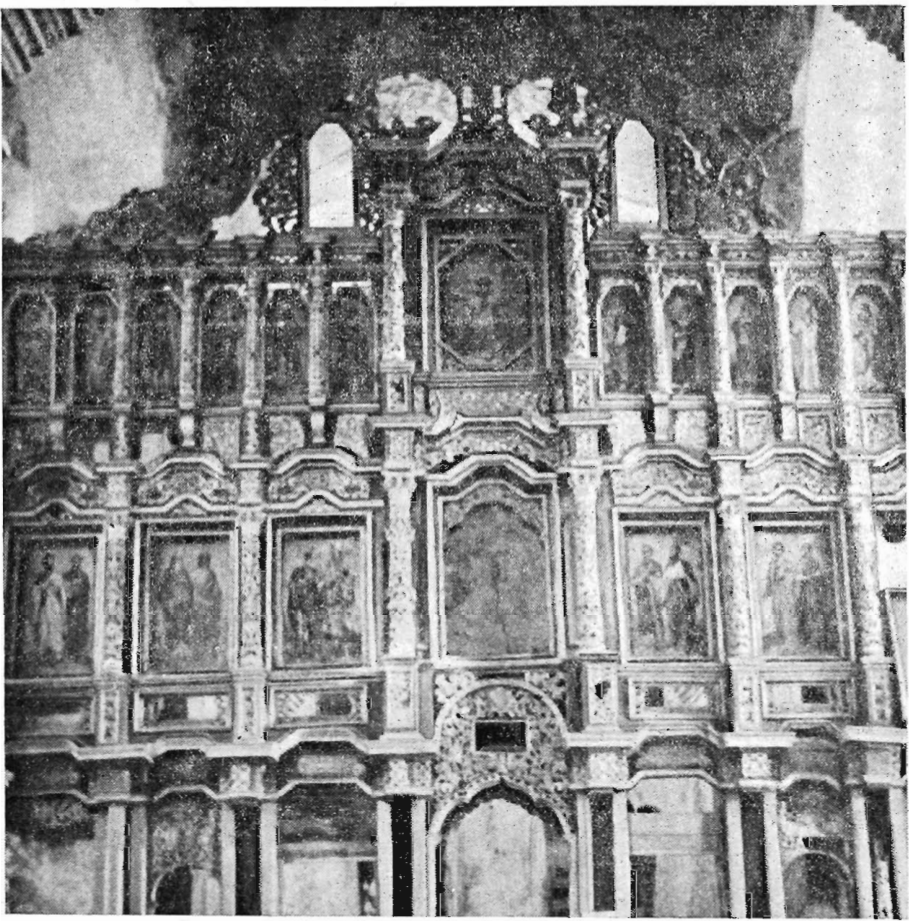

Иконостас 1640—1664 гг. Благовещенской церкви Супрасльского монастыря (фото начала XX в.)

в д. Березовичи, включающие пророческий (Давид-Городок, Олуш, Березовичи, Ольгомль (?), деисусный, праздничный и местный ряды)⁷ [22; 23; 24].

Символическая программа иконостаса формируется на основе и через категорию времени — организующую доминанту средневекового сознания. Концепция сакрального времени в иконостасе содержит в себе противоречие, выражающееся в соотношении линейно-циклической тенденции с продолженным настоящим, постоянным «теперь», к которому сводится и прошедшее и будущее. Следующие друг за другом пророческий, деисусный, праздничный и местный чин образуют единую динамическую линию от ветхозаветных пророчеств Мессии к воплощению земной жизни Христа. Кроме того, такие явления в комплексах Белоруссии, как, например, введение геральдики (гербы магнатов Ходкевичей и архимандри-

⁷ В настоящей статье рассматриваются только традиционные иконостасы униатских и православных храмов.

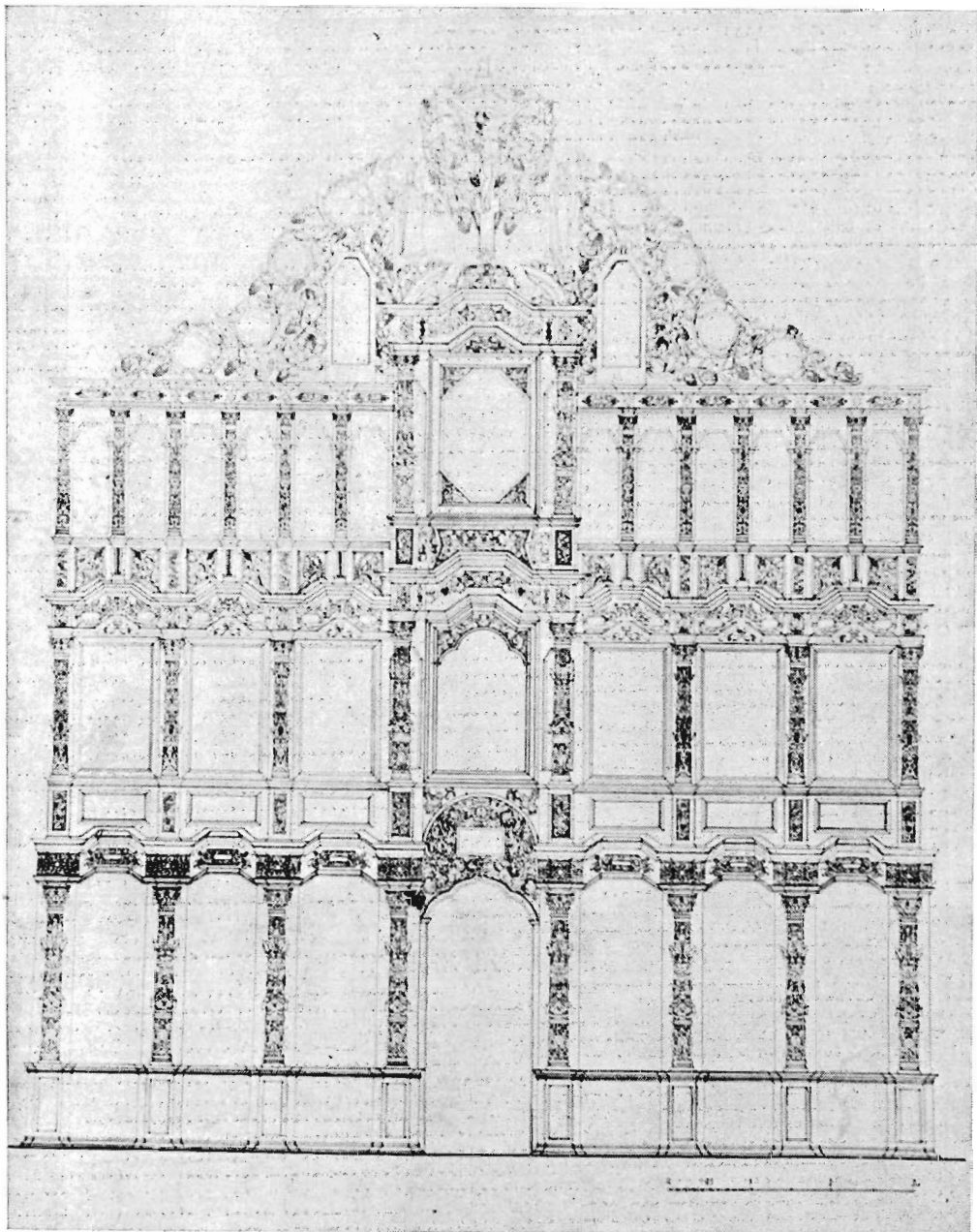

Иконостас 1669—1672 гг. Никольского собора в г. Могилеве

та Шибинского в Супрасльском комплексе) способствуют введению событий живой актуальной современности в сакральное время, благодаря чему она получает высшую санкцию (подобное стремление находит параллель у средневековых хронистов, включавших историю собственного народа, города во всемирно-историческое библейское целое). С другой стороны, линейная динамика истории сочетается с законченными циклами — пророков, деисуса, евангельских праздников, относительная замкнутость которых определяется и тем, что каждый из них имеет свой объединяющий центр. Так, в иконостасе «движение по линии и вращение в круге объединяются в христианском переживании хода времени» [42, с. 121].

Однако всеобщее значение, смысл событий священной истории и ее главного сакраментального акта — акта искупления, совершенного Христом — имеют вневременной характер. Эта традиция богословского толкования текста Библии, восходящая еще к Оригену и экзегетике александрийской школы, нейтрализовала чувство динамики сакральной истории, превращая ее в «*nunc stans*» — постоянное «теперь» [43]. Данная идея отчетливо выражена в надписях иконостаса, обращенных прямо к предстоящему в храме (строки из раскрытого Евангелия в руках Христа в «Деисусе» (1758) художника Маркиановича). [23, илл. 91]. Как заметил Д. С. Лихачев, «слово в изображении как бы останавливает время» [44, с. 30].

Теснейшим образом связанный с литургией христоцентризм [45, с. 111—115] является концентрированным воплощением в иконостасе настоящего, открытого в прошлое и будущее, ибо вводит категорию

Иконостас Никольского собора в г. Могилеве (чертеж В. В. Трацевского)

вечности — атрибут Бога. Появление изображений Христа в различных точках комплекса отражает в какой-то мере смысл евангельских строк: «Истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Еванг. от Иоанна 8: 58)⁸. В Супрасльском иконостасе «нерукотворный образ Спаса» находился в завершении ансамбля, «Спаситель и Св. Дух» в деисусном и «образ Спасителя превосходной живописи на меди» в местном чине [37, с. 173—174]. Комплексы Могилева и Витебска также включали триаду главных изображений Христа — в завершении («Распятие с предстоящими Марией и Иоанном Богословом»), деисусном («Деисус с предстоящими Марией и Иоанном Предтечей») и местном чине («Христос Вседержитель»).

⁸ «Христос родится, рождается и родился» (Петр Ломбардский).

Триада главных изображений Христа становится смысловым центром иконостаса, в стремлении к которому сходятся тенденции исторической динамики и постоянного «теперь» — и время в иконостасе превращается в единый сакраментальный акт.

Основная семантическая нагрузка сосредоточивается в белорусских комплексах на центральной вертикальной оси главных икон, расположенных над царскими вратами, и на деисусном чине. Эта двуединая главная тема получает свое композиционно-структурное оформление в схеме креста со «Спасом на престоле» либо «Деисусом» в центре, которая явно и скрыто положена в основу архитектурной композиции иконостасов Белоруссии. По замечанию И. Е. Даниловой, «знак креста представлял собой предельно простую, емкую геометрическую формулу основных пространственных, временных и нравственных оппозиций, на которых строилась средневековая модель мира» [46, с. 65—66]. Организуя структурно иконостас, крестовая схема, по-видимому, вводила в него момент ценностной неравнозначности.

Акцентуация крестовидного ядра комплекса очевидно выражена в описаниях современников. Так, в летописи Супрасльской лавры под 1641 г. отмечается, что «с значительными издержками он (архимандрит Никодим Шибинский. — *И. Д.*) устроил деисус и украсил резною работою старомодною, но прекрасною... В том же деисусе он сделал иконы редкой живописи...» и далее перечисляется состав чинов, т. е. иконостас определен как деисус (который в строгом понимании есть один чин иконостаса), отождествлен с ним [4, с. 141—142; 37, с. 173]. Подобное встречается и в древнерусских текстах⁹ и, по-видимому, есть рудимент того времени, когда предалтарная преграда состояла в некоторых случаях из деисусного ряда, дополненного иногда другими, менее значимыми и второстепенными изображениями (см. [48, с. 73—88]). При описании каждого чина супрасльского комплекса сначала указаны центральные иконы, а затем перечисляются остальные по мере отдаления их вправо и влево от главных (эта традиция в описаниях прочно сохраняется до XIX в. включительно, см. [39, ед. хр. 35, л. 7об.—9об., ед. хр. 78, л. 5—7; 41, ед. хр. 37, л. 2—2об., ед. хр. 49, л. 4—5об.]).

Ось центральных икон активно выделена в композиции иконостасов Белоруссии и большим размером икон, и архитектурно-пластическими средствами: центральные иконы смещены вверх относительно других рядов и фланкированы с обеих сторон колонками ажурной резьбы (иконостасы Витебска, Могилева, Мстиславля, Супрасля). Это придает комплексам Белоруссии черты своеобразия в сравнении с русскими высокими иконостасами XV—XVI вв., где центральная вертикаль не получила выраженный характер, поскольку часто «перебивалась» полосой праздничного ряда, главные иконы различались по ширине и т. д.

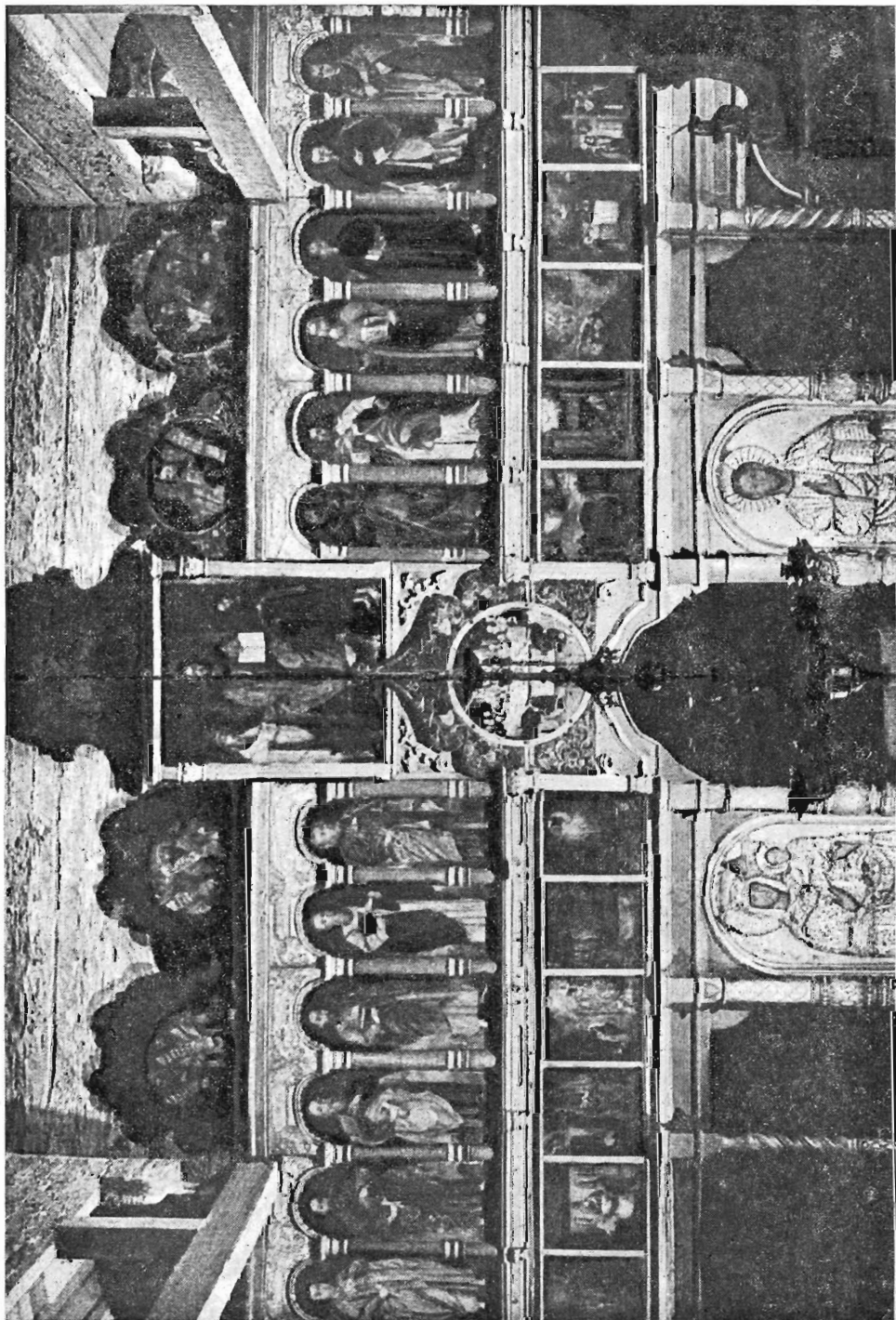
Состав центральной оси в белорусских комплексах не был определен однозначно. В Супрасле в него входили, по описанию XVII в., «Спас нерукотворный» в завершении, «Саваоф» (пророческий чин), «Спаситель и Св. Дух» (деисусный чин), царские врата со статуей ангела над ними, «державшего в руке начертание песни „Свят...“» [37, с. 173—174]. В Никольской церкви в Могилеве и Троицкой церкви в Витебске центральный «средник» завершался «Распятием с предстоящими», под которым располагались «Богоматерь на престоле» (пророческий чин)¹⁰, тройная икона «Деисуса с предстоящими» (деисусный чин), царские врата с изображением «Тайной вечери» над ними. В иконостасе Давид-Городокской Георгиевской церкви сильно смещенную относительно других главную ось образовывали иконы «Саваофа»¹¹, тройного «Деисуса с предстоящими»,

⁹ Ср. слова из летописи: в 1482 г. «владыка ростовский Васьян дал сто рублей мастерам иконникам писати деисус... и написаша чудно вельми и с праздниками и с пророками» [47, с. 139].

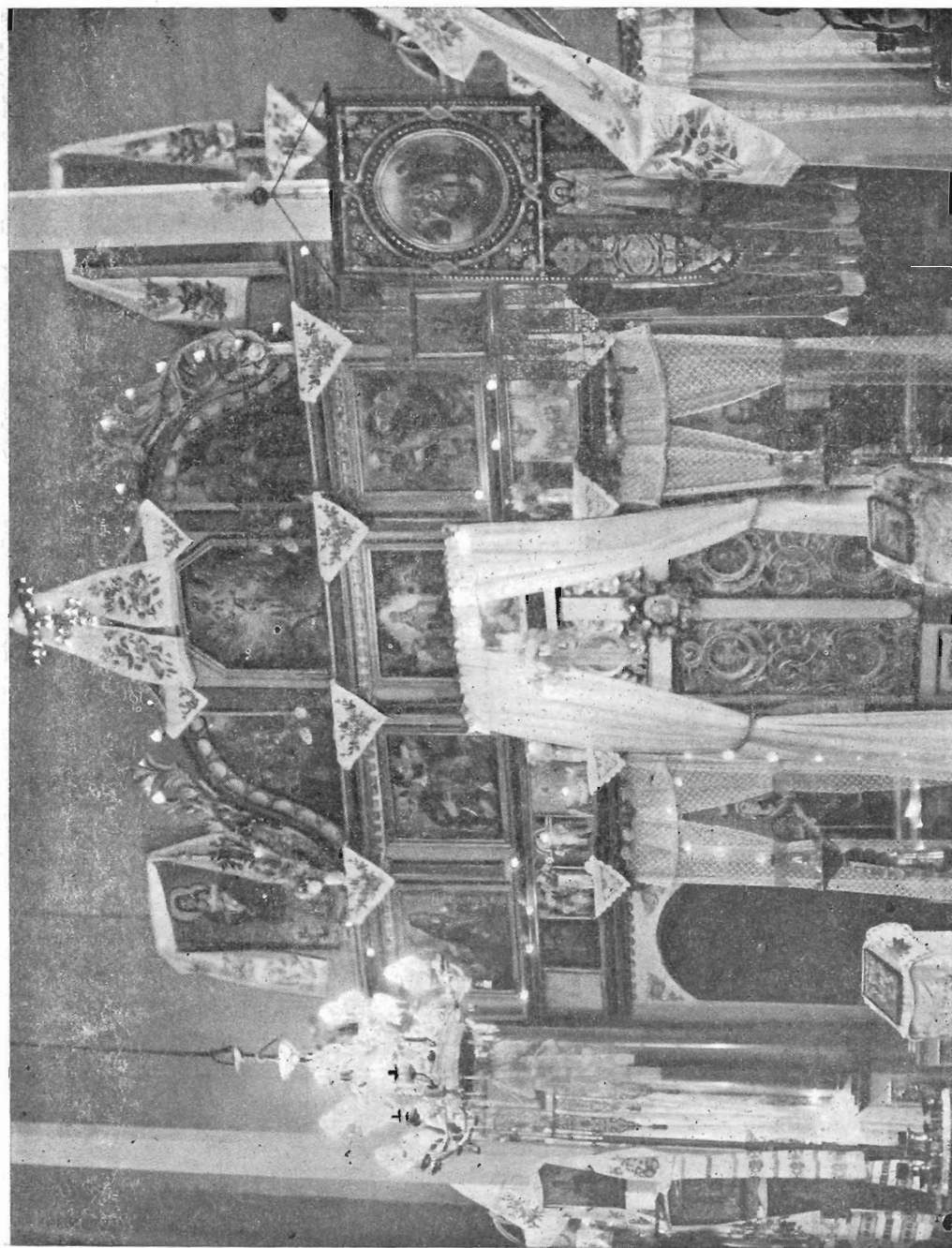
¹⁰ В Могилевском комплексе во второй половине XIX в. изображение Богоматери было заменено Саваофом.

¹¹ Икона «Саваофа» более поздняя, конца XVIII — начала XIX ст., в то время как большая часть икон комплекса и царские врата относятся к 1750-м годам.

Иконостас этой же чет-
верти XVIII — начала
XIX в. — Георгиевской
церкви в г. н. Давид-
Городке

Иконостас второй полови-
ны XVIII — начала XIX в.
Покровской церкви в д. Бе-
резовичи **после** переделок
1980-х годов

«Тайной вечери» и резных царских врат. Весьма своеобразным моментом в «среднике» иконостаса Покровской церкви в д. Березовичи (вторая половина XVIII в.) явилось размещение в центре пророческого чина сюжетной иконы «Крещение», что не имеет аналогий в иных комплексах Белоруссии.

Выраженным своеобразием состава в иконостасах Белоруссии (в сравнении с древнерусским иконостасом) обладают деисусный и местный чин.

Взаимодополняющие исследования Н. Троицкого и Л. Успенского, в которых иконостас анализируется в связи с христианским вероучением и литургией, убеждают в двуединстве символического толкования иконостаса как художественного выражения идеи рая, подобием которого в храме выступают пространство за иконостасом, «небо небес» — алтарь [49, с. 702—703] и непосредственно связанной с идеей рая эсхатологической темой второго пришествия и страшного суда [50, р. 247]. В древнерусском высоком иконостасе в деисусном чине «Спасу в силах» предстояли Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы, апостолы, отцы церкви, великомученики, местные святые [51; 52, с. 102—108; 1, с. 59—68, 73—81 и др.]. Так оригинально тема страшного суда и заступничества небесных сил перед Христом соединялась с сильно звучащей идеей вселенской церкви, хоралом всеобщего предстояния Христу, объединявшим в едином сакральном действии изображенных святых и предстоящих в храме.

Деисусный чин иконостасов Белоруссии XVII—XVIII вв. состоит, за редким исключением, из центральной иконы «Деисуса с предстоящими Марией и Иоанном Богословом» либо «Спаса на престоле» и двенадцати апостолов. Таков состав комплексов церкви в Борисове (чертеж Б. Радзивилла), Благовещенской церкви в Супрасле (здесь в центре находилось изображение Христа и восходящего Святого Духа), Никольской церкви в Могилеве, Троицкой церкви в Витебске, Георгиевской церкви в Давид-Городке, Воскресенской церкви в Ольгомле, Покровской церкви в Березовичах, Спасо-Преображенской церкви в Олтуше и др. Деисусный апостольский чин здесь относительно замкнут — отсутствует та посредническая связка между образом и предстоящим в храме, которая в древнерусском деисусном чине достигалась размещением икон отцов церкви, великомучеников и местных святых¹². Впрочем, связь зритель — образное пространство в белорусских комплексах не снимается. Она достигается, но другими художественно-выразительными средствами, а именно своеобразной театрализацией апостольского ряда деисусного чина, в то время как в его программе тема страшного суда находит наиболее последовательное решение.

Концентрированное воплощение тема суда получает в центральной иконе через образ — явление Христа как Судии. В трехфигурном «Деисусе» Мария и Иоанн Предтеча, «изображавшиеся, как правило, в трехчетвертном повороте, не контактируют ни со зрителем, ни между собой. Они соотнесены с центральной фигурой и служат образной заменой реального зрителя» [46, с. 15], а их молитвенное предстояние есть выражение заступничества за человечество. Именно в такой интерпретации как показали исследования А. И. Кирпичникова и И. Мысливца, данная

¹² Вопрос о времени появления деисусного чина с двенадцатью апостолами в русском иконостасе до настоящего времени остается дискуссионным. И. В. Бетин, Н. Я. Качалова и другие исследователи считают, что «древнерусский иконостас вплоть до времени патриарха Никона никогда не имел деисусного чина чисто апостольского состава» [53, с. 57] и впервые он фиксируется в иконостасе Успенского собора Московского Кремля [53, с. 104—108], что связано с иноземными, в том числе и белорусско-украинскими влияниями. Данное мнение оспаривает В. Г. Брюсова, которая пишет, что это «новшество появилось значительно ранее: двенадцать апостолов в составе деисусного чина уже имелись в иконостасе Архангельского собора, композиция которого восходит ко времени построения собора в начале XVI в.» [54, с. 77, 180; 55, с. 98, 103].

иконографическая формула известна в композиции страшного суда [56, с. 8—26; 57]¹³.

В сущности, фигурами Марии и Иоанна Предтечи и ограничивается в деисусном чине иконостасов Белоруссии тема молитвенного предстояния перед Христом на суде. В шерешевском, олтушском и некоторых других комплексах они вообще отсутствуют, а в центре находятся однофигурные изображения Спаса на престоле.

Идея суда находит интересное программное воплощение в евангельских текстах на центральной иконе. Раскрытое Евангелие в руках Христа из «Деисуса» Маркиановича (Гос. художественный музей БССР) [23, илл. 91] обращено к предстоящему в храме с призывом войти в «царство» небесное: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и азъ оупокою вы...» (Еванг. от Матфея 11 : 28). Данный текст, непосредственно трактующий иконостас как своеобразную грань — место суда, отделяющее среднюю часть храма от алтаря, «земного рая», встречается и в текстах на древнерусских иконах «Спаса в силах» [52, с. 105; 59, № 227, 276]. Надпись в развернутом Евангелии «Спаса на престоле» из олтушского иконостаса «Азь есьмъ Алфа и Омега» — заимствована из заключительной главы Апокалипсиса и является непосредственным продолжением строк: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною...» (Откровение Иоанна Богослова 22 : 12).

Отзвук евангельской проповеди очищения посредством страха и покаяния, также непосредственно связанной с ожиданием суда [60, с. 3—59], несет в себе текст свитка: «Покайтесь, приближися царство небесное», который держит Иоанн Предтеча в «Деисусе» ольгомльского комплекса. В иконе «Спаса на престоле» (середина XVIII в., Гос. художественный музей БССР) [23, илл. 89] раскрытая Библия с этим призывом вложена в руку Христа, что еще более актуализирует смысл его строк.

Центральную икону практически во всех деисусных чинах белорусских иконостасов окружают полнофигурные изображения двенадцати апостолов.

Ряд явлений в духовной культуре Белоруссии свидетельствует об определенной актуализации апостольской тематики. Обращение к истокам христианства и авторитету апостолов было моральной опорой в стремлении преодолеть «порчу» церкви, когда «владыки и учителя» предались «подкупам и посулам» (Василий Тяпинский) [61, с. 109]. В обстановке конфессиональной борьбы, развернувшейся в Белоруссии в XVII—XVIII вв., и православные, и католики пытались представить именно свою церковь как истинную преемницу и носительницу апостольских традиций, отрицая подобное у противника. С другой стороны, иезуит Петр Скарга и некоторые идеологи вводимого униатства стремились показать, что сама уния есть возвращение к изначальному церковному единству, заложенному во времена апостольских деяний.

Апостолы в деисусном чине иконостасов Белоруссии обращены к Христу как ученики, и к предстоящему в храме как мудрые, убежденные в своей правоте нелицеприятно-честные судии. Оригинальный идеологический момент белорусского апостольского ряда заключен в его полемичности, публицистичности. В сложной атмосфере духовной и религиозной жизни в образах апостолов акцентировался именно момент проповеди и даже пропаганды. Легендарные ученики Христа, словно пытаясь доказать что-то невидимому противнику, жестиколируют, обращаясь друг к другу (Супрасль, Витебск, Ольгомль, Шерешево и др.), в их руках раскрываются Евангелия с текстами, обращенными к зрителю.

Справа и слева от центра помещались изображения первоверховных апостолов Павла и Петра, порядок же размещения других икон апостолов варьировался.

В иконостасах Никольской церкви в Могилеве, на чертеже кн. Б. Радзивилла, в Георгиевской церкви в Давид-Городке, Воскресенской церкви

¹³ В то же время на сложение самой композиции «Деисуса», по мнению А. Грабаря, существенное влияние оказала переработанная в церемониале византийского двора древнехристианская адорация Христу [58, р. 258—259].

в Ольгомле и других иконы апостольского ряда однофигурные, в Троицкой церкви в Витебске, Спасо-Преображенской церкви в Олтуше — двухфигурные, в Благовещенской церкви в Супрасле, Покровской церкви в Березовичах и других — трехфигурные. Подобные варианты композиции икон апостолов известны в иконостасах Украины, восточной Словакии, юго-восточной Польши, где также весьма распространен деисусный чин чисто апостольского состава.

В местном чине практически постоянным на протяжении XVII—XVIII вв. было размещение справа от царских врат поясного изображения Христа Вседержителя, слева — Богоматери с младенцем (чаще всего Одигитрии — Иерусалимской, Смоленской, Неувядаемый Цвет и др.). Такова ситуация в иконостасах Супрасля, Витебска, Могилева, Давид-Городка, Олтуша и т. д. Данное устойчивое ядро местного чина восходит к византийскому темплову, мраморный портик которого «фланкируют мозаические, либо фресковые иконы, размещенные в скульптурных арочках на восточных столбах церкви. Слева это Богоматерь, выступающая заступницей за род человеческий, справа — Христос или патрон храма» [34, с. 125].

Итак, в программе иконостасов Белоруссии продолжающий свою жизнь комплекс средневековых представлений постоянно актуализировался в связи с импульсами времени. В этом проявилась общая черта литературно-художественной эволюции славянских народов. В XVI — начале XVII в. островки ренессансной традиции, развивавшейся в основном в придворном и магнатском кругах, омывались со всех сторон волнами средневековой по существу патриархальной культуры, почти не подверженной инновациям. Позднее, в XVII—XVIII вв. ряд факторов: сарматский генеалогический миф, инспирированный шляхтой, потриденский католицизм, идеология православной ортодоксии и другие (перечисление прочих известных причин займет достаточно много места) — в целом оживили и усилили средневековые идеи. Но, как уточняет А. И. Рогов, базируясь на материале славянского региона, «барокко не только возрождало традиции средних веков... Оно при этом изменяло функцию этих традиций, помещая их в иной художественный и идейный контекст» [62, с. 11]. Образующееся в итоге новое качество исследователи определяли как «барочная готика», фиксируя внутреннюю нераздельность этих категорий [63, с. 36—120]. В форме же простой очевидности в самом храмовом пространстве по принципу контрапункта объединялись слои средневековья и барокко, и, пожалуй, типичным для архитектуры Центральной и Восточной Европы стало барочное декоративное убранство готического тела здания, либо оппозиция: барочный по формам интерьер — готический объем храма.

Белорусские земли Речи Посполитой были непосредственно включены в орбиту межславянских взаимодействий, подтверждения чему имеются и на материале иконостасов XVII—XVIII вв. Так, уже упоминавшийся выше иконостас 1664 г. Благовещенской церкви в Супрасле был выполнен в Гданьске (Данциге) по заказу пастора супрасльского монастыря архимандрита Никодима, и оттуда, как свидетельствует летопись, переправлен «на барках до Тикотина, а из Тикотина в Супрасль на подводах» [18, с. 331—333; 37, с. 174]. Определенная связь с украинскими комплексами заметна в архитектурной композиции иконостаса XVII—XVIII вв. Свято-Духовского храма Гупичевского монастыря в Мстиславле [11, с. 83—85, фото]. В ситуации взаимных притяжений и отталкиваний между католической, православной, униатской и протестантской культурами славянского барокко нам представляются естественными взаимовлияния и параллели между алтарем и иконостасом. Можно предположить, что диалогический принцип в решении апостольского ряда деисусного чина, отмеченный нами ранее, был заимствован из «*Sacra Conversazione*» ретаблей и алтарей. Внутреннюю логику такого рода взаимодействий отметила Л. И. Тананаева на материале чешского искусства времени Карела Шкреты: «в формах, казалось бы противоре-

чащих прежней культурной и художественной традиции, принесенных из враждебного католического мира, да еще католического мира времен „торжествующего барокко“, опосредованно выражалось национальное самоутверждение» [64, с. 297].

Барочные формы пропикали в искусство Белоруссии различными путями, и одним из важных адаптирующих источников здесь выступала культура собственно польских и украинских территорий Речи Посполитой, чешских земель государства Габсбургов. Средневековые катерории программы икопостасов, будучи оригинально истолкованными в художественных образах барокко, получали второй — новый — символический план, и уже в данном синтезе входили в пространственную среду зрителя. При этом «сакральное» опосредовалось «театрализованым», самоуглубленные образы наполнялись патетикой, обретали реальную, конкретную жизненность и телесность, внутреннюю эмоционально-психологическую напряженность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин М. А.* Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. М., 1976.
2. Краткое сведение об Оршанском Богоявленском монастыре. СПб., 1865.
3. Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по высочайшему повелению. Вып. 6. СПб., 1874.
4. Николай архимандрит. Супрасльский Благовещенский монастырь. СПб., 1892.
5. *Павлович А. М.* Деревянные храмы Витебска. — В кн.: Труды IX археологического съезда. Т. 1. СПб., 1893.
6. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск, 1896.
7. *Миловидов А. И.* Церковно-археологические памятники города Пинска. — Мисские епархиальные ведомости, 1898, № 17.
8. *Довгалло Д. И.* Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. — Минская старина. Вып. 1. Минск, 1909.
9. *Красовицкий П. М.* Памятники церковной старины в Витебской губернии и их охранение. — В кн.: Полоцко-Витебская старина. Т. 1. Витебск, 1911.
10. *Покрышкин П. П.* Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре. — В кн.: Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
11. *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль, его прошлое и настоящее. — Записки Северо-Западного отдела императорского Русского Географического общества. Кн. 3. Вильна, 1912.
12. *Шчакаціхін М. М.* Рыгор Мядзвецкі — невядомы беларускі маляр канца XVIII стагоддзя. — В кн.: Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Т. 1, сп. VI. Мінск, 1928.
13. *Кацер М. С.* Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода. Минск, 1969.
14. *Кацер М. С.* Народно-прикладное искусство Белоруссии. Дооктябрьский период. Минск, 1972.
15. *Кацер М. С.* Искусство Белоруссии. — В кн.: История искусства народов СССР. Искусство XIV—XVI вв. Т. 3. М., 1974.
16. *Чарняўская Т. Г.* Архітэктура Магілева. Мінск, 1973.
17. *Каштніцкая Е. Д.* Могилевский Спасский монастырь. — Архитектурное наследство, 1976, № 24.
18. *Рогов А. И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами. — В сб.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
19. *Якімовіч Ю. А.* Драўлянае дойдліства Беларускага Палесся XVII—XIX ст. Мінск, 1978.
20. *Флиер А. Я.* Никольская церковь в Могилеве. — Архитектурное наследство, 1984, № 32.
21. *Чантурия В. А.* История архитектуры Белоруссии. Минск, 1985.
22. *Ветер Э. И.* Об особенностях белорусского иконостаса. — Художественное наследство, 1978, № 4 (34).
23. Жывапіс Беларусі XII—XVIII стагоддзяў. Аўтар уступнага тэксту Н. Ф. Высоцкая. Складальнікі Н. Ф. Высоцкая і Т. А. Карповіч. Мінск, 1980.
24. Тэмперны жывапіс Беларусі XV—XVIII стагоддзяў у зборы Дзяржаўнага мастацкага музея БССР. Каталог. Аўтар уступнага тэксту і складальнік Н. Ф. Высоцкая. Мінск, 1986.
25. *Бантши-Камениский Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.
26. *Чистович И.* Очерк истории западно-русской церкви. СПб., 1884, ч. II.
27. *Сапунов А. П.* Древние иконы Божией матери в Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. Витебск, 1889.

28. *Петров Н. И.* Купятницкая икона Богородицы в связи с древнерусскими энколпионами. — Труды IX археологического съезда. Т. 2. М., 1893.
29. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1910.
30. *Давыдова И. Л.* Иконостас в системе интерьера храмов «нарышкинского» барокко (дипломная работа). МГУ, 1975.
31. Инвентарь Кобринского монастыря Св. Спаса (1549). — В кн.: Акты, издаваемые Виленскою комиссией для разбора древних актов. Т. 6. Вильно, 1892.
32. *Церашчатова В. В.* Старажытнабеларускі манументальны жывапіс XI—XVIII ст. Мінск, 1986.
33. Опись вещам Супрасльского монастыря, составленная ... архимандритом Сергием Кимбарем. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Т. 9. Вильно, 1870.
34. *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1970.
35. *Бетин Л. В.* Об архитектурной композиции древнерусского высокого иконостаса. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. М., 1970.
36. ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 287.
37. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Т. 9. Вильно, 1870.
38. *Freski z Supraśla. Katalog wystawy.* Białystok, 1968.
39. ЦГИА БССР, ф. 2322, оп. 1.
40. *Иванченко А. П.* Ремесленное производство в городах Белоруссии XVII—XVIII вв. Минск, 1963.
41. ЦГИА БССР, ф. 2548, оп. 1.
42. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
43. *Gilson Et. Christianisme et philosophie.* Paris, 1949.
44. *Лизачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
45. *Живов В. М.* «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа. — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982.
46. *Данилова И. Е.* От средних веков к Возрождению. М., 1975.
47. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1899.
48. *Felicetti-Liebenfels W.* Geschichte der byzantinischen Ikonmalerei. Olten-Lauzanne, 1956.
49. *Троицкий Н.* Символика иконостаса. — Православное обозрение, 1891, апрель.
50. *Успенский Л.* Вопрос иконостаса. — Messages de l'exarchat du Patriarcat Russe en Europe Occidentale, 1963, № 44.
51. *Бетин Л. В.* Историческая основа древнерусского иконостаса. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. М., 1970.
52. *Плугин В. А.* Мировоззрение Андрея Рублева. М., 1974.
53. *Качалова Н. Я.* К истории ныне существующего иконостаса Успенского собора. — В кн.: Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976.
54. *Брюсова В. Г.* Федор Zubov. М., 1985.
55. *Брюсова В. Г.* О времени написания икон иконостаса Архангельского собора. — В кн.: Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976.
56. *Кирпичников А.* Деисус на Востоке и Западе и его литературные параллели. — Журнал министерства народного просвещения, 1893, ч. ССХС (ноябрь).
57. *Мысливец И.* Происхождение «Деисуса». — В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.
58. *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris, 1936.
59. *Антонова В. И., Мильва Н. Е.* Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. Т. I. М., 1963.
60. *Пивницкий В.* Иоанн Креститель как проповедник покаяния. — Труды Киевской Духовной академии, I, 1868.
61. История БССР. Т. I. Минск, 1954.
62. *Рогов А. И.* Проблемы славянского барокко. — В кн.: Славянское барокко. М., 1979.
63. *Angyal F.* Swiat słowiańskiego baroku. Warszawa, 1972.
64. *Тананаева Л. И.* Цикл Святого Вацлава в творчестве Карела Шкреты. — В кн.: Барокко в славянских культурах. М., 1982.

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ *VADO TRANSIRE*
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих преодоление водного пространства вброд, представлена в славянских языках прежде всего двумя лексемами, возводимыми к праславянским **brešti* и **broditi* [I, с. 14, 36], а также образованными от них префиксальными и возвратными формами. Поскольку наиболее разностороннее отражение данная группа получила в текстах восточнославянского происхождения, основным источником нашего исследования служат древне- и старорусские памятники, материал которых, будучи сопоставленным с фактами других родственных языков, позволяет не только установить истоки определенных форм и конструкций, но и выяснить главные тенденции их изменений, существенные как в сравнительно-историческом, так и в типологическом плане.

Важной особенностью бесприставочных славянских глаголов со значением *vado transire* является их способность соединяться с винительным падежом (ВП) пространственного объекта, ср.: др.-рус. *бродъ бродити*. Фл. II, 210; ст.—пол. *brodzić wodę* [2, s. 382]; сербскохорв. *Rěka vьshoždaje vь њь, graždane že na koihь siju brodehu* [3, sv. I, s. 669] и т. д. С точки зрения современного языка подобное употребление воспринимается как аномалия, что побуждает некоторых ученых объяснять его либо утратой предлога [4; 5; 6], либо депрефиксацией соответствующих приставочных глаголов [7]. Однако эти концепции противоречат, во-первых, общепринятому представлению о вторичности предложных и префиксальных форм [8, с. 285—287; 9; 10], во-вторых, данным древних индоевропейских языков, свидетельствующим о широком распространении транзитивных бесприставочных глаголов (например, др.-инд. *bhrantī śaśaśo mahīm* «бродят сотнями по земле», греч. *πλεῖν θάλασσαν* «плыть по морю», лат. *terras errare* «бродить по землям» [8, с. 112, 186—187]), в-третьих, фактам наиболее близких славянским балтийских языков, также демонстрирующих использование ВП при анализируемых глаголах (лит. *bridaiū jūoda purvynėlį* «я переходил вброд черное болото» [11], латыш. *saules meita jāru brida* «дочь солнца переходила вброд море» [12]). Наконец, сами славянские языки с несомненностью указывают на параллельное употребление префиксальных, предложных и бесприставочных аккузативных форм, причем последние, как наиболее архаичные, по направлению к современности встречаются все реже, сохраняясь преимущественно в фольклоре и говорах (ср.: ст.—рус. *приидоша къ Шелонѣ рецѣ на брегъ, идѣже брести ея*. Кн. степ. II, 538 — *брести чрезъ ея*. Рус. хрон., 480; *бродиша Клязмоу*. ТипЛ, 98 — *перобродишася Клязму*. МЛ, 141; укр. *три річеньки брести* [13]; болг. диал. *вода бродя* [14]). В целом можно утверждать, что аккузативное управление при бесприставочных глаголах типа *бродить* (и вообще при глаголах движения) не только не было исключением в системе синтаксических средств славян-

ских языков (ср. [15]), но отражало характерную черту славянского и индоевропейского грамматического строя — возможность присоединения ВП практически к любому глаголу, в силу своих лексических свойств допускающему наличие объекта, на который направлено действие (см. [16]).

Вместе с тем совершенно очевидно, что ВП при бесприставочных глаголах движения распространены все же значительно меньше, чем при префиксальных. Связано это с тенденцией к четкому и конкретному выражению грамматических отношений: собственное транзитивное значение исходных глаголов ослабевает, и единственным средством сохранения переходности становится присоединение приставки, ясно и определенно показывающей направленность действия на объект; в случае бесприставочного употребления глагола аккузатив заменяется сочетанием ВП с предлогом, который функционально тождествен приставке [17], ср.: сербскохорв. *prebrodi Maricu* [3, sv. 48, s. 450]; словен. *prebrestí potok* [18]; пол. *przez morze brnął* [19] и др. Преобладание префиксальных форм на всем протяжении письменного периода и их лексическое единство во всех славянских языках (др.-рус. *перѣбредѣти*, сербскохорв. *prebroditi*, словен. *prebrestí*, болг. *prebrodja*, макед. *prebrodi* «преодолеть», пол. *przebrnął*, словиш. *prebrnóžec*, чеш. *prebroditi*, словац. *prebrodit'*, верхнедуж. *prebrodžić*, нижнедуж. *prebrožiš*) представляются бесспорными доказательствами их праславянского происхождения (ср. [20]).

Наряду с невозвратными глаголами, входящими, судя по всему, в общеславянский лексический фонд, в отдельных славянских языках отмечены и рефлексивы: др.-рус. (с XI в.) *бродитися*, *перѣбродитися*, сербскохорв. (с XV в.) *brođiti se*, *prebrođiti se* [3, sv. 1, s. 670; sv. 48, s. 450], словен. (XVII в.) *brođiti se* [21; 1, с. 36], новочеш. *brođiti se*, *prebrođiti se*, словац. *brodit'sa*, *prebrodit'sa*. Вопрос об их происхождении требует углубленного анализа.

Как правило, возвратные глаголы со значением преодоления пространства образуются путем рефлексивации каузативных глаголов движения, причем возвратный элемент соответствует ВП личного объекта [22, с. 9—10], ср. др.-рус. *перевозити* — *перевозитися*, сербскохорв. *preplaviti* — *preplaviti se*, пол. *przeprowadzić* — *przeprowadzić się*. В древнерусском языке о возможности каузативного употребления рефлексивов *бродити*, *перѣбродити* свидетельствует единственная конструкция: Маласама... къ Авидоу пришед и *перѣбродивъ воа многы*. ГА, 472 (в греческом оригинале — *ἀντιπέρχασας λαβὼν ἄμετρον*. GM, 744—745). В других примерах из «Хроники Георгия Амартола» *ἀντιπέρχω* переводится, в зависимости от контекста, различными некаузативными глаголами движения [23, с. 22]; способность его выступать также в роли каузатива определяется словообразовательной связью с глаголом *πέρχω*, который имел как некаузативное, так и каузативное значение («переезжать, переплыть; пропускать» [24, с. 1285]). Таким образом, мы могли бы объяснить появление указанной конструкции в переводном тексте ГА влиянием оригинала, благодаря которому славянский глагол в дополнение к обычному значению «перейти вброд» (*перѣбредѣ рѣку*. ИЛ, 211) приобрел контекстуальное значение «перевести кого-л. через брод». Однако возникновение подобного окказионализма только вследствие подражания подлиннику представляется все же маловероятным, поскольку в распоряжении переводчиков имелись другие, типично каузативные глаголы; так, для передачи полисемичного греческого глагола *διαπέρχω* использовались, с одной стороны, некаузативы (*проити*, *прѣйти*, *прѣплотити* и т. д.), с другой стороны — каузативы (*прѣвести*, *прѣводити*) [23, с. 51]. По нашему мнению, каузативное употребление глагола *перѣбродити* не просто отражало многозначность его греческого эквивалента, но и реализовало семантические потенции, уже заложенные в самом славянском слове, изначально столь же синкретичном, как и глаголы *перевозити* (ср.: *перевозят деп Мологу*. АСВР I, 266 — *дружину ег [о] перевозити*.. ИЛ, 402), *перепроводити* (*перепроводили рѣкою Лютоую*. ИЛ, 725 — *товара ючного не оустигли перепроводити*. ЛЛ, 483) и др.

Более существенный материал предоставляют другие славянские языки. В памятниках сербскохорватского языка глаголы *broditi* и *prebroditi*, помимо значения «переходить вброд», неоднократно отмечаются в каузативном значении «перевезти»: *Karon je ki brodi duše u paklu; pribrodi nih po vodi mnogoj* [3, sv. 1, s. 669; sv. 48, s. 450]. Сходная картина наблюдается в истории словенского языка [1, с. 36; 2, с. 382]. Каузативная семантика может быть реконструирована и для нижнелужицкого *brožiš*, который в соединении с приставками выражает значение «купать», т. е., в сущности, «каузировать плавать» (*hubrožiš* «выкупать в броду», *pobrožiš* «купать непожко в броду» [25]), и для чешских и словацких глаголов со значением «купать (коней, скот)» (чеш. *broditi, vybroditi* [26], словац. *brodit', vybrodit'* [27]). Все эти данные позволяют сделать вывод, что глагол **broditi* являлся не только итеративом от **bresti*, но и каузативом со значением «побуждать кого-л. брести» [2, с. 382—383]; на наш взгляд, именно итеративный характер **broditi* способствовал — с учетом особой связи итеративного и каузативного значений в славянском [28; 29] — развитию у него каузативной семантики.

Балто-славянские языки демонстрируют и иные примеры каузативного употребления глаголов движения: ст.-рус. *известь* не *вздили* («не возили») [30, вып. 5, с. 39]; рус. Конь добр, да не *езжен* [31, с. 660] (предполагается более древняя активная конструкция *ездить коня*, ср.: «Ездитъ, о наезднике, ездоке, о кучере и пр. править, возить» [31, с. 661]); сербскохорв. *plava je konja jezdjela; jeden vitez konja teče* [32]; латыш. *pats sev skrēju kumeliņu* «я сам себе езжу на коне (ВП)», не *brauc tētiņa zirzīņu* «не ездю на батюшкином коне» [8, с. 216]. Параллельные каузативные и некаузативные формы зафиксированы также в других индоевропейских языках, например, греч. *ἴδμι* «идти, двигаться; вести» [24, с. 28—29]; лат. *veho* «ехать; носить, возить», *trajicio* «переправляться; переправлять» [33] и т. д. (ср. [8, с. 216]).

Таким образом, есть основания предположить, что на более ранних стадиях развития индоевропейских языков существовала возможность каузативного осмысления практически всех глаголов движения, поскольку любое передвижение допускает наличие сопровождающего лица (предмета) — комитативного объекта [8, с. 214], который позднее начинает осознаваться как объект каузации.

Однако в настоящее время индоевропейские языки обнаруживают лишь незначительные следы подобного синкретизма. В ходе языковой эволюции произошла дифференциация двух типов глаголов движения: одни глаголы в течение продолжительного периода могут сохранять полисемичность (ср. рус. *мчать* «очень быстро нести, везти; передвигаться с большой скоростью, нестись»; нем. *fahren* «ехать; везти»), другие сравнительно рано утрачивают способность к каузативному употреблению. Впоследствии противопоставление развивается еще дальше за счет утраты каузативами их первичного некаузативного значения; в результате устанавливается бинарная оппозиция: только некаузатив (*идти, ехать, бродить*) || только каузатив (*нести, везти, переправлять*).

Распространенность конструкций типа *prebroditi koga* в сербскохорватских памятниках, отражение их в словенском языке, сохранение рефлексов этих форм в западославянских языках и почти полное отсутствие соответствующих каузативных сочетаний в древнерусском свидетельствуют, очевидно, о том, что процесс семантической дифференциации глаголов группы *vado transire* протекал самостоятельно в отдельных славянских языках, причем в восточнославянском ареале он завершился раньше других.

Возвращаясь к конкретному русскому материалу, мы должны заметить, что упомянутая конструкция из ГА представлена не во всех списках «Хроники»: Уваровский (XV в.) и Чудовский (XVII в.) списки демонстрируют несколько странную конструкцию *пребродивъ на многи*. Думается, что этот вариант указывает на непонимание писцами имевшегося в протографе сочетания с ВП лица (*voa*). Следовательно, в XV в. подобное употребление могло восприниматься как не соответствующее узусу;

отсюда — стремление заменить неясную форму. Но конструкции типа *перевродити кого-л.* отсутствуют и в более ранних источниках (XI—XIV вв.). Все это побуждает нас интерпретировать приведенную форму как явление архаичное и редкое, возможно, обязанное своим существованием южнославянскому влиянию.

В то же время необходимо иметь в виду, что уже в древнейших текстах зафиксированы глаголы *бродитися* и *n(e)ребродитися*, в которых *ся*, несомненно, является субститутом ВП каузируемого объекта. Относительная неразвитость системы возвратных конструкций со значением преодоления пространства в эпоху первых письменных памятников не позволяет рассматривать возникновение этих рефлексивов как результат аналогического воздействия со стороны других глаголов, так как глагол *перевезтися*, широко представленный в старорусских источниках, в XI—XIV вв. еще не выделялся в качестве семантической доминанты, а прочие рефлексивы появились, как свидетельствует находящийся в нашем распоряжении материал, в более позднее время.

Итак, образование возвратных глаголов *бродитися* и *перевродитися* может быть отнесено к начальному, дописьменному периоду истории русского языка, когда унаследованная от праславянской эпохи двойственность типа *бродити* (некаузатив) || *бродити* (каузатив) еще сохраняла актуальность. Именно стремление к разграничению каузатива и некаузатива послужило, как мы полагаем, причиной формирования рефлексивных глаголов, однозначно передающих некаузативную семантику (ср. также сербскохорв. *broditi* «переходить вброд; перевозить», — *broditi se* «переправляться» [3, sv. 1, s. 669]; аналогичный процесс, по всей видимости, имел место в словенском, чешском и словацком)¹.

Однако, как мы убедились, единственным достоверно засвидетельствованным в оригинальных памятниках значением исходных невозвратных глаголов было значение некаузативное. Судя по всему, уже в древнерусский период необходимость в разграничении омонимичных форм отпала, и возвратные глаголы должны были полностью совпасть по своему значению с некаузативными нереплексивами. Тем не менее, глаголы *бродитися* и *перевродитися* сохраняются в летописных записях вплоть до XV—XVI вв. Столь длительное употребление этих, казалось бы, избыточных лексем объясняется, на наш взгляд, прежде всего семантическими причинами.

Дело в том, что с течением времени глагол *бродити* развил целый ряд значений (см. [30, вып. 1, с. 335]), причем некоторые из них даже утратили ощутимую связь с первоначальной семантикой (например, *дороги бродити* «исправлять дороги»). Присоединение же элемента *ся* устраивало полисемию, поскольку рефлексив *бродитися* имел только одно значение — «переправляться вброд» [30, вып. 1, с. 336]. Благодаря своей семантической конкретности возвратный глагол занимает преобладающие, по сравнению с невозвратным, позиции в памятниках XI—XVII вв.: на его долю приходится 49 употреблений, между тем как нереплексив *бродити* в этом же значении представлен лишь 18 примерами. Таким образом, сохранение возвратного глагола *бродитися* отвечало потребности в точном, конкретном средстве для обозначения перехода через водное пространство вброд.

Правда, данное объяснение действительно только для глаголов *бродити* — *бродитися*, так как префиксальный глагол *перевродити* не приобрел многозначности и, следовательно, не нуждался в конкретизации при помощи компонента *ся*. Значения глаголов *перевродити* и *перевродитися* совершенно тождественны, что проявляется в параллельном употреблении обеих форм в одной фразе: *Превродивъ Двиною рекою, стаха на брезѣ; стражи же... повѣдаша Доманту: рать превродилася Двиною.* ПЛ I, 15. Сохранению глагола *перевродитися* в языке способствовало иное обстоятельство: очевидно, он вступал в видовую корреляцию с гла-

¹ Характерно, что глаголы *брести* и *переврести*, обладавшие только некаузативным значением, не образовывали возвратных форм, так как не требовали формальной дифференциации.

голом *бродится*. На это указывает параллельное использование данных рефлексивов в одном предложении, но с различными видовыми оттенками: *бродится* — неопределенность, незавершенность действия, *перебродится* — определенность, завершенность (см. [34]), ср.: Олгердь и Кестоутий повелѣша своимъ Литовникомъ и исковичемъ *бродитися* за Великую рѣкою... и они *перебродившеся* сташа станми на Камѣ. ПЛ II, 24—25. Противопоставленность по виду обусловила различную соотношенность этих глаголов с временными формами: *бродится* отмечен в основном в настоящем времени (18 примеров, аорист — 9), *перебродится* — только в прошедшем (аорист — 46, перфект — 5, плюсквамперфект — 4). Поскольку для летописных текстов характерны сообщения именно о совершившихся событиях, вполне естественно значительное (более чем в 2 раза) преобладание конструкций с префиксальным глаголом (103 примера). Дальнейшее развитие видовых отношений, с одной стороны, и распространение приставочных образований внутри лексико-семантической группы глаголов со значением преодоления пространства — с другой, способствовали оттеснению рефлексива *бродится*, выражающего ненаправленное движение и не маркированного по виду: если последний летописный контекст с глаголом *перебродится* датируется 1503 годом (ПЛ I, 87), то его бесприставочный коррелят исчезает из литературного языка, по-видимому, в более ранний период (последняя фиксация — под 1445 годом, см. СимЛ, 194).

Статистический анализ собранного материала показывает, что в текстах XI—XVII вв. глаголы *бродится* и *п(е)ребродится* представлены 154 примерами. Это составляет 22,3% от общего количества отмеченных в данный период возвратных конструкций со значением преодоления пространства (692). Если же учесть, что все эти примеры, за единичными исключениями (Фл. /М./, 292, 316), зафиксированы в летописях и могут быть сведены к 30 конструкциям, постоянно повторяющимся в сходных контекстах при изложении одних и тех же событий, то станет очевидной ограниченная распространенность рассматриваемых глаголов на фоне многообразных сочетаний с рефлексивом *перевезтися*, доминировавшим в русском языке вплоть до XVIII в. (372 примера). В частности, конструкция *перебродяся Днѣпръ* (под 1223 г.) отмечена с несущественными лексическими и морфологическими вариациями в НЛ, СЛ, ЕрмЛ, МЛ, ЛьвЛ I, ВЛ, ХЛ и т. д. Насколько позволяют судить даты последних летописных фиксаций глаголов *бродится* и *перебродится*, период их активного употребления в языке завершается XV—XVI вв. Не имея поддержки со стороны каузативных конструкций, эти рефлексивы (в особенности *перебродится*), действительно, со временем стали явлением в значительной мере избыточным. Замкнутость соответствующего материала в пределах летописного жанра весьма знаменательна: отсутствие живых словообразовательных связей с каузативами препятствовало распространению исследуемых глаголов в народно-разговорном языке, и употребление их в старорусских летописях являлось скорее данью письменной традиции, нежели отражением реального языкового состояния. Неудивительно, что в более поздних списках возвратные глаголы нередко заменяются однокоренными или синонимичными неререфлексивами. Чрезвычайно показательна в этом отношении НикЛ, где данная замена проводится очень последовательно, так что глагол *перебродитися* в списках XVI в. вообще отсутствует, а *бродитися* представлен только одним примером, ср.: *бродишася*. ЛЛ, 282 — *перебредоша*. НикЛ IX, 140; *перебродяся*. НЛ, 63 — *преиде*. НикЛ X, 90; *перебродившеся*. ПЛ II, 16 — *перѣха*. НикЛ X, 145 и т. п.

В итоге рефлексив *перебродитися*, вытесненный неререфлексивом *перевезти* и аналитическими конструкциями типа *перейти вброд*, был полностью утрачен, а глагол *бродитися* сохранился лишь в архаичных говорах: Он переходы *бродись* там [35, с. 128]. Различная судьба этих рефлексивов в диалектном языке объясняется, по нашему мнению, неодинаковым семантическим соотношением с исходными неререфлексивами. В то время как глагол *перебродитися* дублировал функционально-се-

мантическую сферу глагола *перебрести-перебродити*, достаточно широко представленного в памятниках XI—XVII вв. (соответственно 105 и 96 примеров) рефлексив *бродится*, как уже отмечалось, обладал более узкой семантикой, чем производящий нерефлексив, и поэтому располагал большими смысловозначительными возможностями. В говорах, сохраняющих полисемию глагола *бродить* (см., например, [35, с. 124—128]: 13 значений), рефлексив *бродиться* выступает в качестве формы, уточняющей значение передвижения.

В противоположность возвратным глаголам, нерефлексив *перебрести* в истории русского языка находит отражение в текстах различных жанров, ср.: Доиде рѣкы Еуфрата и *перебрете*. [36, т. 2, с. 896]; *перебрешу* реку. Курб. Ист., 201; *перебродили* тое речку. Пос. Толоч., 120. Являясь по происхождению, несомненно, более древним образованием, чем рефлексив *перебродится*, данный глагол на всем протяжении рассматриваемого периода конкурировал со своим возвратным коррелятом (ср.: *перебродивъ* за Великую рѣку. НЛ, 369 — *перебродившеся*. ВЛ VIII, 15; *перебродеса* у Заруба. ЛьвЛ I, 114 — *перебродоша*. Твл, 217). Исчезновение видовой противопоставленности *бродится* — *перебродится* в результате отмирания первого рефлексива привело к тому, что префиксальный возвратный глагол превратился в абсолютный дублет нерефлексива *перебродити*: иначе говоря, прежняя тернарная оппозиция *перебродити* || *бродится* || *перебродится*, в которой существование обоих возвратных глаголов было тесно взаимосвязано, сменилась бинарным противопоставлением *перебродится* || *перебродити*, в котором первый член отличается от второго только формальным признаком — наличием компонента *ся*, семантически и функционально совершенно избыточного². Поэтому естественно, что уже в XVII в. возвратный глагол фиксируется лишь в известных летописных контекстах, тогда как нерефлексив появляется и на месте прежних форм с *ся* (*перебродившеся* Двиноу. ПЛ II, 16 — *перебродиша*. ХЛ, 73), и на месте других невозвратных глаголов (*преидоша* Стугну рѣку. ЛЛ, 219 — *перебрет* реку Стугну. ПискарЛ, 71), и в новых, оригинальных примерах (Татаринъ же рѣку *перебрель*. Нов. лѣт., 34). Наблюдается он и в более поздних текстах, вплоть до настоящего времени (*Перебрели* мы туда... В. Шукшин. Наказ). Однако, на наш взгляд, современному литературному языку употребление анализируемого глагола все же не свойственно (обращает внимание отсутствие его в [37]), и примеры из художественных произведений следует расценивать скорее как отражение его широкого использования в говорах, ср.: *Перебродить* речку ли ручей [38]; *перебрели* воду [39] и др. Причиной отмирания данного нерефлексива явилась, по всей вероятности, характерная для русского литературного языка XVIII—XX вв. тенденция к универсализации, деконкретизации глаголов преодоления пространства (см. [22, с. 14]) путем замены их аналитическими конструкциями, в нашем случае — *перейти вброд*.

Следует отметить, что памятники (псковские летописи) sporadически указывают на возможность параллельного употребления глаголов группы *vado transire* и некоторых других глаголов преодоления пространства, ср.: *перебродише...* Порову рѣку. ПЛ I, 12 (Псковская I летопись) — *переехавше* Норову. ПЛ II, 26 (Псковская 2 летопись); *перебродишася* за Норову. ПЛ I, 30 (Тихановский список) — *перевозиша* Порову. Там же (Архивский I список). Думается, подобное смешение глаголов, обозначающих переход вброд и переезд на судах, свидетельствует о начавшемся процессе развития у глагола *перебродити* (-ся) более абстрактного значения передвижения, которое зафиксировано в диалектах, ср.: «Глагол ПЕРЕБРОДИТЬ... приобрел в говоре верховья Лены более ши-

² «Бессодержательность» возвратного форманта, собственно, и является основной причиной возникновения аккузативных конструкций типа *перебродится* Двиноу, которые, в отличие от форм типа *переезжася* рѣку, не могут быть возведены к каузативным оборотам с двойным объектным винительным [22, с. 10] (*переезжь ты рѣкою*. ПНЧ XIV, 186 — КСДР) и находят удовлетворительное истолкование лишь в свете их полной семантической и функциональной тождественности с нерефлексивными сочетаниями.

рокое значение: перейти, пройти через что-либо (не только через воду)» [40]. Рефлексами этого обобщенного значения являются лексико-семантические варианты «перейти медленно, с трудом» и «переползти»: Волокъ — вервьсть со сто: насилу, бѣдныє, и *перобрели*. ПСб, 33; одва через двор *перобряду*. ПНРЯ, 58; [змея] черес погу *перобрѣдаєт* [41]. Возникновение полисемии также можно признать одним из факторов, обусловивших постепенное исчезновение глагола *перобрести*.

Наконец, заслуживает упоминания тот факт, что в двух списках Псковской 3 летописи — Архивском II и Строевском — глаголу *перобрести*, представленному в Псковской 2 летописи, соответствует перифлексив *прегнати*: вергошася москвици з бєрога в рѣку и, *прѣбрѣдше* рекоу, оударшася на них. ПЛ II, 55 — вергошася москвици с берега в рекоу Дрянъ, и *прегнавшие* Дрянъ рѣкоу, и оударшася на нихъ. ПЛ II, 182. Параллельное употребление обеих лексем в одном контексте позволяет нам несколько уточнить толкование глагола *прегнати*, данное И. И. Срезневским («быстро переехать, переправиться» [36, т. 2, с. 1627]): несомненно, в приведенном примере он выражает значение «быстро перейти вброд». Тем самым проясняется и семантика глагола *перегонити*, отмеченного только в ИЛ: Изяславлѣ же стрѣлци *перегоняхоуть* чересь рѣку на ову сторону и Галичане на сю. ИЛ, 411; начаша ся стрѣляти. о рѣкоу и начаша межѣ собою *перегонити*. ИЛ, 632. В первом случае И. И. Срезневский дал определение «гнать с одной стороны на другую», во втором — «гоняться, перегонять друг друга» [36, т. 2, с. 902]. Однако, как мы полагаем, контексты не дают оснований для подобных толкований: в обоих примерах глагол *перегонити* вполне может быть отождествлен с однокоренным перифлексивом *прегнати*.

В целом проведенное исследование, опирающееся в первую очередь на материал русских памятников, позволяет сформулировать ряд общих выводов, которые, как представляется, имеют значение не только для русского, но и для других славянских языков.

1. Образование перифлексивных глаголов группы *vado transire*, зафиксированных практически во всех славянских языках, может быть отнесено к праславянскому периоду (**bresti*, **broditi*, **perbresti*, **perbroditi*).

2. Исходной формой управления при данных глаголах — как префиксальных, так и бесприставочных — следует признать ВП пространственного объекта.

3. Наряду с исконным значением передвижения («переходить вброд») итеративы типа *бродити* и *перобродити* в отдельных славянских языках развили каузативное значение «переводить кого-л. через брод», что обуславливалось возможностью присоединения к ним не только ВП пространственного объекта, но и ВП комитативного объекта, осмысленного как объект каузации.

4. Формирование возвратных глаголов типа *бродитися* на основе каузативных конструкций типа сербскохорв. *broditi koga* происходило в древнерусском, сербскохорватском, словенском, чешском и словацком языках в различные периоды; сходство соответствующих лексем объясняется наличием праславянских по своему происхождению производящих глаголов и вызвано не генетической, но типологической общностью.

5. Причиной возникновения рефлексивов является стремление избежать присущей исходным глаголам многозначности, совмещения в одной лексеме противоположных (каузативного и некаузативного) или далеких друг от друга значений. Исчезновение подобной полисемии влечет за собой отмирание рефлексивов (восточнославянские, сербскохорватский, словенский литературные языки), тогда как сохранение и развитие многозначности способствует утверждению возвратных форм (русские говоры), постепенно вытесняющих перифлексивы в значении *vado transire* (чешский и словацкий языки).

6. В отличие от ряда западно- и южнославянских языков, сохранивших разветвленную систему глаголов преодоления пространства, в русском литературном языке возобладала тенденция к универсализации, де-

конкретизации указанных глаголов, которая проявилась в вытеснении лексем, выражающих лишь отдельные оттенки процесса движения, и распространении абстрактных глаголов, способных передавать — благодаря аналитическому уточнению — максимально широкий круг значений (*перейти, переправиться*). В итоге глаголы со значением *vado transire*, характеризующие достаточно специфический вид передвижения, были утрачены русским литературным языком.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АСВР I — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. 804 с.
- ВЛ — Летопись по Воскресенскому списку. — Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1856—1859. Т. 7—8.
- ГА — Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг., 1920. XVIII, 612, III с.
- ЕрмЛ — Ермолинская летопись. — Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1910. Т. 23. V, 239 с.
- ИЛ — Ипатьевская летопись. — Там же. М., 1962. Т. 2. XVI с., 938 стб., 87 с.
- Кн. степ. II — Книга степенная царского родословия. Ч. 2 Там же. Спб., 1913. Т. 24, 2-я пол., с. 343—708.
- КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Хранится в Институте русского языка АН СССР (Москва).
- Курб. Ист. — Курбский А. История о великом князе Московском Сочинения князя Курбского. Т. I. Спб., 1914, стб. 161—354. (Рус. ист. б-ка; Т. 31).
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись. — Полн. собр. рус. летописей. М., 1962. Т. I, стб. 1—488.
- ЛьвЛ — Львовская летопись. — Там же. Спб., 1910—1914. Т. 20, 1—2-я пол. IV, 686 с.
- МЛ — Московский летописный свод конца XV века. — Там же. М.—Л., 1949. Т. 25, 464 с.
- НикЛ — Патриаршая или Николовская летопись. — Там же. М., 1965. Т. 9—13.
- НЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, 640 с.
- Нов. лет. — Новый летописец. — Полн. собр. рус. летописей. М., 1965. Т. 14, 1-я пол., с. 23—154.
- ПискарьЛ — Пискаревский летописец. — Там же. М., 1978. Т. 34, с. 31—220.
- ПЛ I—II — Псковские летописи. Вып. 1—2. М.—Л., 1941—1955.
- ПНЧ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия: (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965, 162 с.
- ПНЧ — Паидекты Никона Черногорца (по КСДР).
- Пос. Толоч. — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652. Тифлис, 1926. 046, 230 с.
- ПСб — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, 264 с.
- Рус. хрон. — Русский хронограф. Ч. I: Хронограф редакции 1512 года. — Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1911, VII, 568 с.
- СимЛ — Симеоновская летопись. — Там же. Спб., 1913. Т. 18. III, 316 с.
- СЛ — Софийская первая летопись. — Там же. Л., 1925. Т. 5, 240 с.
- ТвЛ — Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью Там же. Спб., 1863. Т. 15, VII с., 504 стб.
- ТипЛ — Типографская летопись. — Там же. Пг., 1921. Т. 24. III, 271 с.
- Фл. II — La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif: Texte vieux-russe publié intégralement par V. Istrin. Т. 2. Paris, 1938, 280 p.
- Фл. /М./ — Мещерский П. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958. 578 с.
- ХЛ — Холмогорская летопись. — Полн. собр. рус. летописей. Л., 1977. Т. 33, с. 10—138.
- GM — Georgii Monachi Chronicon/ Ed. C. de Boog. Vol. 1—2. Lipsiac, 1904. LXXXIII, 804 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд/ Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 3. М., 1976.
2. Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław etc., 1974.
3. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. I—23. Zagreb, 1880—1976.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941, с. 332—333.
5. Havránek V. Geneta verbi v slovanských jazycích. I. Praha, 1928, s. 165.
6. Кузнецова А. И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX в.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1963, с. 11.
7. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 5: La syntaxe. Paris, 1977, p. 35.

8. Попов А. В. Синтаксические исследования. I. Воронеж, 1881.
9. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 209.
10. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 244.
11. Fraenkel E. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas, 1928, s. 140.
12. Milenbahs K. Latviešu valodas vārdnīca / Red., papild., turp. J. Endzelīns. I. burtnīca. Rīga, 1923.
13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, с. 437.
14. Речник на българския език. Т. I. София, 1977, с. 797.
15. Станишева Д. С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966, с. 34.
16. Десницкая А. В. Сравнительное языковедение и история языков. Л., 1984, с. 132—135.
17. Добиаш А. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897, с. 329.
18. Slovar slovenskega knjižnega jezika. 3. knj. Ljubljana, 1979, s. 983.
19. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 2. Wrocław etc., 1967, s. 429.
20. Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. Киев, 1986, с. 145, 147, 163.
21. Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico — graeco — latinum. Vindobonae, 1862—1865, p. 45.
22. Крысько В. Б. Глаголы со значением *transgredi* в истории русского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1986.
23. Истрип В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 3. Л., 1930.
24. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. Т. 1—2. М., 1958.
25. Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка. Вып. 1. Пг., 1921, с. 82.
26. Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1958—1966. I, s. 169; III, s. 198.
27. Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959—1968. I. diel, s. 134; V. diel, s. 200.
28. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 190.
29. Менчер Э. М. К вопросу о характеристике каузативных глаголов. — Уч. зап. Томск. ун-та, 1966, № 59, с. 71.
30. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—12. М., 1975—1986.
31. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.
32. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4. Bd.: Syntax. Wien, 1874, S. 375, 377.
33. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд., перераб. М., 1976, с. 1023, 1059—1060.
34. Силина В. Б. Лексико-грамматическое взаимодействие в процессе становления категории русского глагольного вида. — Сопещение по вопросам диалектологии и истории языка: (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межкуровневого взаимодействия в истории языка), Ужгород, 18—20 сент. 1984 г. Тез. докл. и сообщений. М., 1984, с. 319.
35. Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982.
36. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3 и Дополнения. М., 1958.
37. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд. М., 1983.
38. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 3. Томск, 1967, с. 13.
39. Картотека Словаря русских говоров нижнего течения реки Печоры. — Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на филологическом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова.
40. Картотека Словаря русских народных говоров. — Хранится в Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР.
41. Картотека Псковского областного словаря. — Хранится в Межкафедральном словарном кабинете ЛГУ им. А. А. Жданова.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

(По поводу издания поэтики Ф. Кветницкого)

Формирование новой русской литературы в XVIII в. совершалось на фоне большой литературной традиции, которая отнюдь не была отброшена как нечто, не имеющее отношения к новому развитию, но подвергалась неоднократно творческому переосмыслению. Частью этой литературной традиции было и риторическое учение, которое с XVII в. выступает как значимый фактор в русском литературном процессе. Появившееся недавно издание поэтики Федора Кветницкого, подготовленное Б. Уленбухом, равно как и его исследование, предпосланное этому изданию, раскрывает ряд существенных моментов в истории русской риторики и поэтики и заслуживает самого пристального внимания [1].

В 1730 г. В. К. Тредиаковский в предисловии к «Езде в остров любви» критикует представителей русской школьной поэзии. Через девять лет критика в их адрес выходит из-под пера М. В. Ломоносова в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739). Размежевание со школьной стихотворческой традицией оказывается, таким образом, одним из первых шагов в становлении новой русской поэзии. Литература русского классицизма — как бы заявляют названные авторы — не имеет ничего общего со школьной поэтической рутинной. В какой степени можно доверять подобным заявлениям?

Очевидно, что пренебрежение к школьной поэзии — это общее место европейской литературы, и в России оно прежде всего является декларацией причастности европейскому литературному развитию. Одного этого факта достаточно, чтобы отнестись к подобным высказываниям критически — между тем тезис о разрыве между Кантемиром, Тредиаковским, Ломоносовым и предшествующей литературной традицией в значительной степени был принят на веру, утвердившись как неосуждаемая предпосылка истории русской литературы XVIII в. Этот тезис нуждается в пересмотре, ведь новаторство и преемственность — это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие начала. И Кантемир, и Ломоносов, и Тредиаковский обучались словесным наукам в Славяно-греко-латинской академии: с какими-то элементами школьного наследия они расстались, но какие-то, видимо, сохранили. Уже одно это делает весьма актуальным изучение школьных литературных теорий и поэтического творчества первой половины XVIII в. Без этого картина литературного процесса в данную эпоху неизбежно остается фрагментарной, а значимые литературные связи — невыявленными.

Публикация материалов, относящихся к школьной литературной традиции XVIII в., несомненно должна способствовать решению этой задачи. Такой публикацией и является книга, факсимильно воспроизводящая рукопись поэтики Кветницкого (ГБЛ, ф. Тихонравова, № 31). Тексту поэтики предпослана большая вступительная статья Б. Уленбуха, дающая

подробный комментарий к тексту и ставящая его в определенный литературно-идеологический контекст — европейский вообще и славянский в частности. Вводная статья распадается на две неравные части. В первой части дается краткий, но весьма содержательный и ясно построенный очерк развития европейских теорий поэзии в XVI—XVII вв. Эта концептуальная схема во второй части статьи служит основой для разбора поэтики Кветницкого.

Вычленение поэтики как особой дисциплины из состава тривиума (грамматика, диалектика, риторика) свидетельствует о кризисе старой системы свободных искусств, обусловленном представлением о поэтическом вдохновении — *furog poeticus*, когда поэт оказывается *quodam spiritu Divino afflatus*. Развивающаяся в первых поэтиках оппозиция исторического и поэтического описаний (и связанных с этим противопоставлений действительного и вымышленного, естественного и искусственного порядка) переосмысливается позднее под действием того же понятия о *furog poeticus*. Различие исторического и поэтического соотносится с аристотелевской оппозицией действительного и возможного (А. Донат), и поэзия выступает как особый вид познания, как познание универсального и вневременного, превосходящее частное историческое знание (Виперано).

Б. Уленбрух показывает и иной путь развития учения о поэтическом вдохновении, запечатленный прежде всего в иезуитских учебных поэтиках. Этот путь ведет от поэтического вдохновения и свободы поэта от правды к учению об остроумии (*acumen, argutio*). При дидактической установке это учение быстро приобретает характер нового свода правил — правил порождения неожиданного и двусмысленного (Понтан, Масений). При этом если на первом пути развития главное место отводится эпосу (как имитации идеального), то на втором подчеркивается значение эниграммы (как квинтэссенции *argutio*). В то же время второй путь развития в значительной степени превращает поэтику в *Regeln der Regelfreiheit*, как хорошо формулирует Б. Уленбрух. Сами правила, основанные на учении Цицерона об остроумном (Оратор, кн. II), не были специфичны для поэзии и имели более общий характер, входя в компетенцию диалектики и риторики. Таким образом, данное развитие, отправляясь от противопоставлений о свободе поэта и самостоятельности поэзии, приводило к новой зависимости поэтики от систематики тривиума.

Четкое противопоставление двух типов развития представляется очень удобной схемой, позволяющей раскрыть противоречия послеренессансной поэтики, определявшие и ее развитие, и ее кризис. Б. Уленбрух, однако, не придает достаточного значения поэтикам Грациана, Марино и Тезауро, которые не вписываются однозначно в предложенную дихотомию: механика *acumen* а выступает у них как естественная манифестация откровенного поэтического знания. Как кажется, этот контекст был бы особенно важен для автора, поскольку именно в нем находит свое место и поэтика Сарбевского, анализом которой завершается первая часть Введения (Б. Уленбрух говорит здесь о *De perfecta poesi*, отмечая тезисы об откровенном характере поэтического знания, поэтическом постижении вечного и общего и построении поэтического мира как своего рода идеальной нормы, способной исправить мир действительный).

Анализ поэтики Кветницкого, соответствующей курсу, который он читал в Славяно-греко-латинской академии в начале 1730-х годов, следует за текстом: это как бы развернутый комментарий, так что читатель без труда может переходить от текста поэтики к его толкованию и наоборот.

Поэтика Кветницкого — это учебная книга для студентов, прошедших грамматику, но еще не знающих риторики. Само определение поэзии, данное в начале учебника (*ars quamcumque materiam vero simili fictione ad delectationem et utilitatem audientium metricè tractandi*), свидетельствует о компромиссном характере ее теоретической основы. Существенные для европейского литературного развития оппозиции (*ars — natura*, поэтическое видение — метрическая организованность) сняты и затушеваны в немногих строках, посвященных общим вопросам. *Furog poeticus, fictio* и *acuta apprehensio* слиты воедино, предмет (*materia*) поэзии не выделяется

как особое и идеальное, а трактуется так же, как материя в риторике (отличие поэзии от иной литературы сводится к метрической организации), остается незатронутой проблематика соотношения жанров и стилей. Б. Уленбрух объясняет это ограниченными задачами книги. Возможно, причина лежит глубже. Борьба философских и литературных направлений, столь актуальная для Европы XVII—XVIII вв., в России начала XVIII в. воспринимается как явление второстепенной значимости: имеет место приобщение не к одному из направлений европейского развития, а к европейской культуре в целом. Это ведет к определенному синтезу усваиваемых теорий, компромиссность или противоречивость выступают как внешние приметы этого синтеза.

Избирательность, однако, не вовсе отсутствует у Кветницкого. Как показывает Б. Уленбрух, он явно противопоставляет свою поэтику тому направлению, которое развивалось в европейских гимназиях как крайнее выражение *imitatio auctorum*. Это направление давало строгую регламентацию поэтического языка, практически отрицая поэтический вымысел и создавая для заучивания пространные списки поэтических эпитетов. Кветницкий же, напротив, развивает учение о тропах и фигурах как генерирующих моделях, создающих новые средства выражения. Вводя в поэтику учение о тропах и фигурах, Кветницкий вторгается в область грамматики и риторики, при этом учение о тропах он заимствует из риторики Соареса, а учение о фигурах из грамматики Альвара. Б. Уленбрух предполагает, что подобное построение поэтики обусловлено дидактическими задачами и свидетельствует о восприятии словесных наук как единого целого; вместе с тем, такое развитие отклоняется от латинской традиции и характеризует формирование поэтических систем на основе национальных языков.

Стилистическое учение Кветницкого элементарно. Противопоставление поэтической и обыденной речи только постулировано, но не раскрыто (что естественно в условиях ограниченного функционирования латыни в России, когда понятие *sermo vulgaris* лишено конкретного содержания); говорится о соответствии между материей и словами, но проблема жанра и стиля остается вне рассмотрения; стилистические вопросы трактуются явно более поверхностным образом, чем у Прокоповича.

Проблемы поэтического языка возвращают Кветницкого к вопросу о *fictio*. И здесь, как отмечает Б. Уленбрух, философская проблематика отсутствует, ее место занимает обсуждение аллегории и мифологии как элементов поэтической речи (в поэтике содержится комментированный список античных богов). Как представляется, в таком подходе также можно видеть отпечаток особого развития, присущего европейской поэзии в России: актуальным было именно усвоение нового языка как знака новой культуры, концепции же имели второстепенное значение — язык является не отражением определенной системы взглядов, а способом поведения, который сам по себе должен выработать мировоззрение.

В связи с проблемами поэтического языка говорится о поэтических упражнениях — учебном подражании авторам, вырабатывающем способность к поэтическому выражению. Упражнения Кветницкого представляют особый интерес, поскольку в их числе предусмотрен перевод с латыни на *lingua slavonica* и в качестве примера фигурирует славянское переложение стихов Сарбевского. Эти упражнения ясно показывают функциональную эквивалентность латыни и церковнославянского в литературной практике ученого духовенства петровской и послепетровской эпохи: поэзия на славянском языке выступает как знак его достоинства, его использования в качестве полифункционального литературного языка.

В связи с парафрастическими упражнениями в поэтике Кветницкого говорится об изобретении (*inventio*) и рассматриваются способы порождения эпитетов. Учение об этих способах исходит из установки на создание нового, однако Кветницкий здесь непоследователен: вслед за порождающими моделями дается список поэтических синонимов, ориентированный, понятным образом, не на творчество, а на классические и псевдоклассические образцы.

Упражнение предполагает подражание. Б. Уленбрух показывает, что Кветницкий следует в этом вопросе за Понтаном и Воссием, понимая подражание как усвоение духа автора, а не как механическое повторение его приемов. В вопросе о выборе авторов Кветницкий более консервативен. Если в традиции, идущей от Скалигера, развитие латинской поэзии рассматривалось как непрерывный процесс, развертывающийся от древности до современности (эта традиция получает интересное переосмысление у Прокоповича), то в иезуитских поэтиках складывался ограниченный канон античных авторов, а последующая литература трактовалась как воспроизведение этого канона. Кветницкий примыкает к последнему направлению.

В разделе об описании (*descriptio*) Кветницкий следует Прокоповичу, указывая в качестве достоинств ясность (*claritas*) и краткость (*brevitas*). Как отмечает Б. Уленбрух, эта позиция находится в прямом противоречии с принципом *асимен*'а, проведенным в других частях трактата. Как я уже говорил, в условиях трансплантации культуры в целом такая противоречивость естественна. Б. Уленбрух тем не менее стремится выделить основную тенденцию поэтики Кветницкого и ее наиболее четкое проявление видит в разделе «*De carmina in specie*». Краткое описание шести классических жанров (эпос, буколика/георгика, сатира, драма, элегия и лирика) соседствует здесь с четырнадцатью главками, посвященными *асимен*'у, эпиграмме, барочной игре слов и т. д.

Действительно, в данном разделе вполне выражено увлечение Кветницкого «игровыми» жанрами барочной поэтики, различными операциями с языковым знаком, приводящими к неожиданному сочетанию смыслов. Наряду с операциями семантического порядка, большое значение получают здесь формальные преобразования: анаграмма и построения по принципу программа/анаграмма/эпиграмма, акростих, разного рода фигурные стихотворения, игра с числовым значением букв и т. д. Б. Уленбрух подробно разбирает эти разделы, указывая в каждом случае ту традицию, которой следует Кветницкий; особое внимание уделяется при этом поэтикам киевского происхождения. В этом контексте дается у Кветницкого и учение об *асимен*'е, о различных его видах и о его источниках. Б. Уленбрух справедливо отмечает, что вряд ли можно говорить о прямом и гомотетном развитии поэтики *асимен*'а от Сарбевского до московских поэтик и риторик XVIII в. Хотя преемственность и имеет место, но основные понятия подвергаются существенному переосмыслению. В частности, если Сарбевский, понимая *асимен* как творческий принцип, относится к анаграмматическим преобразованиям как к «детскому вздору», его последователи вводят такого рода формальные игры в число источников *асимен*'а (эта традиция восходит, видимо, к учению о *Iusus verborum* у Масения). Вместе с тем увлечение словесной игрой, фигурной поэзией, *carmina curiosa* определенно указывает на связь Кветницкого с киевскими традициями, причем характерно, что «Поэтика» Прокоповича оказывается в стороне от этого развития. В частности, если Прокопович исключает из своей поэтики раздел о фигурной поэзии, то у Л. Горки (в ряде отношений следующего Прокоповичу) он вновь появляется; по этому же пути идет и Кветницкий.

Большой интерес представляет комментарий Б. Уленбруха к трактовке классических жанров у Кветницкого. Автор сопоставляет здесь исследуемую поэтику с трактатом Прокоповича. Это сопоставление позволяет ему, с одной стороны, показать тот путь развития, который ведет от Скалигера и Види через Понтана (переосмысленного как теоретика умеренности) к Прокоповичу с его идеалами умеренности и гармонии, а с другой — выделить характерные черты поэтики Кветницкого, которые ставят ее вне этого пути. Здесь значима интерпретация эпоса, трактовка элегии и ряд других моментов. Б. Уленбрух подчеркивает, что общность «формуляра» не может свидетельствовать ни об общности традиций, ни о тождестве воззрений. Кветницкий, создавая школьную поэтику, не мог не разбирать классические жанры, однако его творческие интересы связаны не с ними, а с *асимен*'ом, эпиграммой и *carmina curiosa*. Примечательно в то

же время, что литературная практика в ряде аспектов следует рецептам Кветницкого, а не Прокоповича. Так обстоит дело, например, с панегирической драмой 1740-х годов, и так же, видимо, обстоит дело с одой: в отличие от Прокоповича, предписывавшего оде стилистическую умеренность, Кветницкий определяет одический стиль как великолепный — как известно, именно такой характер и имели оды Ломоносова.

Последней главой в разделе о родах стихов является «De Poesi Slavonica». Кветницкий говорит здесь о том, что в славянской поэзии могут разрабатываться все те жанры, которые описаны для поэзии латинской. Он отмечает два формальных отличия латинских стихов от славянских: счет по стопам, а не по слогам и отсутствие рифмы (кроме *versus leoninus*). Б. Уленбрух полагает, что программа поэзии на национальном языке должна содержать разработанное стилистическое учение. Поскольку у Кветницкого оно отсутствует, Б. Уленбрух считает, что указанная глава никакой программы не предлагает. Как представляется, дело обстоит иначе: говоря о том, что для славянской поэзии открыты такие же возможности, как и для латинской, Кветницкий подразумевает, что поэтологический аппарат, построенный им для латыни, имеет равное значение и для славянского (здесь возможно то же построение тропов, фигур, та же языковая игра и т. д.). Стилистические предписания сводятся к общему указанию на *verba a vulgari ac trito sermone remota*. Б. Уленбрух видит здесь лишенную содержания формулу, однако возможна и другая трактовка. Приводимые Кветницким стихотворные примеры написаны по-церковнославянски, а не по-русски, и очевидно, что церковнославянский полностью удовлетворяет понятию о языке, отличном от обычного. Если мы имеем здесь дело с предписанием писать по-церковнославянски (не могло ли оно иметь полемическую направленность? — «Езда в остров любви» Тредиаковского, содержащая первую публикацию русских стихов, встретила, как известно, оппозицию в духовных кругах), понятно, что дальнейшие стилистические разработки оказываются излишними. Сопоставлять здесь Кветницкого с Ломоносовым (как это делает Б. Уленбрух) неправомерно: Ломоносов писал о поэзии на русском языке, что и обуславливало необходимость стилистической дифференциации церковнославянских и русских языковых средств.

В заключение Б. Уленбрух отмечает, что культурная значимость данной поэтики не может быть понята вне связи с культурно-политической ситуацией рассматриваемого периода. Протест против барочной изощренности иезуитских поэтик, характерный для взглядов Прокоповича, Б. Уленбрух связывает с его просветительской, антиклерикальной и реформаторской установкой. Увлечение же Кветницкого барочной словесной игрой, следование в ряде моментов традициям иезуитской поэтики исследователь соотносит с противоположной культурно-политической позицией противников Феофана. Соответственно, он видит в публикуемом трактате отражение церковно-политической борьбы конца 1720-х — начала 1730-х годов и полагает, что Кветницкий неслучайно упоминает Стефана Яворского и приводит его стихи в качестве примера элегии (Б. Уленбрух ошибочно пишет, что Яворский в 1728 г. опубликовал «Камень веры» — он скончался в 1722 г., а книга была посмертно опубликована Феофилактом Лопатинским). Связь эстетических взглядов Прокоповича с его реформаторской установкой кажется правдоподобной; вряд ли, однако, можно думать, что какую-либо идеологическую окраску имела приверженность к барочной поэтике. Взгляды Феофана почти уникальны, приверженность же к барочной эстетике — это фоновое явление, и, будучи таковым, оно ничего не говорит о культурно-идеологической позиции Кветницкого (подобную приверженность можно видеть, например, и у такого сторонника реформ, как Гавриил Бужинский). Значимость поэтики Кветницкого действительно не ясна вне культурно-политического контекста, однако взаимодействие эстетики и политики — это очень сложный механизм, не поддающийся простым обобщениям.

За исследованием Б. Уленбруха следует фототипическое воспроизведение текста. Как кажется, лучше было бы обойтись без фототипии (целый ряд страниц читается с большим трудом), напечатав текст обычным

типографским способом (как это сделано, например, у Р. Лахманн в ее издании «Риторики» Прокоповича). Жаль также, что в книге отсутствует по-статейный комментарий с указанием возможных источников определений Кветницкого — материал содержится во Введении, но детальные сведения о конкретных параллелях были бы очень полезным добавлением. Работа с текстом была бы удобнее, если бы в книге имелся предметный указатель.

Все эти частные замечания не умаляют значения рецензируемого издания. Оно вводит в оборот интересный и важный источник для истории русской литературы XVIII в., показывающий, как справедливо отмечает автор, тот фон, на котором начиналась филологическая деятельность М. В. Ломоносова. И опубликованный трактат, и исследование Б. Уленбруха являются ценным вкладом в изучение славянских литератур на грани между барокко и классицизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fedor Kvetnickij. Clavis Poetica. Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732 mit einer Einleitung herausgegeben von Bernd Uhlenbruch.*— Slavistische Forschungen, Bd. 27; Rhetorica slavica, Bd. III. Böhlau Verlag, Köln — Wien, 1985, СП + 271 S.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Великий Октябрь и социалистическое содружество / Под ред. Будкина В. С. АН УССР. Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран. Киев, 1987, 247 с.

Гершикова Н. А. Чешская фантастическая проза 70—80-х годов XX века. К проблеме новаторства.— Автореф. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак-т. М., 1987, 24 с.

Гусев Ю. П. Художественный конфликт в литературе социалистической Венгрии.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1987, 32 с.

Долинина Е. В. Советско-польское культурное сотрудничество. 1944—1965 гг.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1987, 19 с.

Лежтюгова В. П. Восточнославянская ойконимия в ее связи с семантической историей нарицательных названий типов

поселений и жилища.— Автореф. дисс. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук / АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев, 1987, 38 с.

Национально-государственные интересы в системе международных отношений нового типа. Материалы международного симпозиума / Отв. ред. Новопашии Ю. С. АН СССР. Ин-т экономики мировой социалистической системы. М., 1987, 228 с.

Терешков П. В. Этносоциальные процессы в Белоруссии в эпоху капитализма.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск, 1987, 22 с.

Фролова М. М. История Болгарии в исследованиях русского историка А. Д. Чертова.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак-т. М., 1987, 21 с.

Художественные связи народов России и Югославии XVII—XX вв. / Отв. ред. Вагапова Н. М. ВНИИ искусствоведения. М., 1987, 177 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВОМУ ЭТАПУ — НОВЫЕ РАБОТЫ

Публикации монографических исследований по истории и историографии социалистической культуры столь редки в нашей научной литературе, что они заранее «осуждены» на внимание и большой интерес. Так случилось с изданием первого опыта разработки методологии и историографии социалистической культуры, подготовленной секцией социалистической культуры научного совета по истории мировой культуры АН СССР [1].

Появление данной работы особенно актуально в условиях нового этапа социалистического развития, когда в братских странах идет усиленный поиск решения многих проблем перестройки и совершенствования всех сфер общественной жизни, нацеленный на активизацию и сближение теории и практики социализма.

В безбрежном море избранной темы авторский коллектив ограничил свои интересы историческими аспектами методологии и историографии социалистической культуры, составляющих классическую основу подлинно академического анализа. Форма сборника дала возможность изложить большой круг вопросов, начиная от сущностной характеристики культуры, ее места в общецивилизационном прогрессе, оценки ее структуры и выделении системообразующих критериев до обширной проблематики культурных революций, их предпосылок, этапов и отражения социалистического культурного строительства в научной литературе.

К числу несомненных удач сборника следует отнести использование М. Б. Епичем системного подхода при рассмотрении структуры общества, что позволило очертить социальное положение духовной сферы, характер духовного производства, ответить на вопрос, из чего же складывается культура в целом (с. 16, 18) и каковы ее отдельные подразделы, наконец, построить систему категорий куль-

туры (с. 124). Плодотворность этого подхода столь очевидна, что следует ожидать его дальнейшего углубления и развития.

Интересная разработка Г. А. Бурдюговым и Б. А. Козловым системы основных категорий культуры дополнена нетрадиционным обращением к обобщающему понятию «духа времени» (с. 30), «выпавшему» из современного словаря обществоведческих дисциплин. В «материализации» этого понятия нельзя не увидеть попытки возврата к утраченному психологизму истории, стремление обрисовать реально существующие различия, черты исторических эпох и этапов, наконец, удовлетворить призывы к межатрасловому исследованию многоликого явления культуры.

Историческая практика показала, что во всех странах социалистического содружества изучение культурных революций, как одной из важнейших закономерностей строительства социализма, остается насущной задачей теории. Многие страницы сборника посвящены оценке определяющих моментов культурных революций (с. 22—24), характеристике этапов и их противоречий (с. 32—36, 56—57), общих итогов (с. 60—62, 125, 144—149).

Обращаясь к итогам культурных революций, нельзя не видеть незавершенности многих проблем, не только унаследованных от досоциалистического прошлого, но и переходящих от одного этапа строительства социализма к другому. Более всего это относится к малоработанным вопросам социокультурной дифференциации социалистического общества. Несомненный интерес читателей вызовет глубокий и фундаментальный анализ социокультурных предпосылок социализма в статье М. Н. Кузьмина (с. 38—66). Не меньшее значение имеет и признание (см. статью В. Т. Ермакова) одного из «белых пятен» в советской исто-

риографии — отсутствия «широкой панорамы культурной жизни советской деревни со всеми ее успехами и противоречиями» (с. 180).

Представляются большой удачей обширные историографические разделы сборника, отмеченные высоким аналитическим уровнем, лишенные всякой предвзятости и вкусовщины, что позволило В. Т. Ермакову сформулировать новую историографическую концепцию (с. 175, 177), выдвинуть предложение о развертывании сравнительного изучения национальных культур (с. 182). Исследователи должны преодолеть жесткие рамки сложившихся стереотипов, обратиться к действительному изучению таких явлений, как, например, национальное самосознание, недооценка которого нередко обостряла кризисные ситуации.

Всем известно, как долог путь научных изданий в «Науке». Понятно, что сожаления в адрес рецензируемого сборника наполнены духом перестройки, предъявившей серьезный счет общественным наукам за формирование «идеологии и психологии застоя».

Вряд ли можно согласиться с созданной В. А. Козловым картиной историко-психологического утара в масштабе всей страны, с объяснением «невосторжимого морально-психологического климата» 30-х годов (с. 71) и выделением двух категорий личностных типов: передовых и враждебных (вредители, кулаки, «механические граждане», обыватели) (с. 74). В его статье не хватает подробных цифровых

данных, чтобы «увидеть» результаты социальных процессов 30-х годов.

Использование ленинского учения «о двух культурах» еще не освобождает от доказательности позиции. Где она? Л. Н. Коган пишет: «В самой культуре крестьянства все более зримо выступала ее реакционная, по своему существу глубоко чуждая интересам народа, возникшая под влиянием господствующей реакционной культуры ветвь» (с. 97). Выступать против защитников «старинных», «патриархальщины» еще не значит отрицать взаимопроникаемость и многоликость одного и того же явления, особенно в сфере культуры, оценивать их только со знаком плюс или минус, что всегда обуславливает одномерность и схематизм.

Полностью же схематизм восторжествовал в статье В. И. Борщукова, посвященной анализу советологических работ (с. 263—270). Метод произвольно разорванных цитат, не дающий представления о буржуазных критиках и характере их воззрений, отсутствие концептуального подхода не могут удовлетворить читателя; игнорирование современных источников снижает актуальность исследования.

Снегирева Т. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы истории и историографии социалистической культуры. Отв. ред. Д. Ф. Марков. М., 1987, 272 с.

VLASTISLAV LACINA. *Velká hospodářská krize v Československu 1929—1934*. Praha, 1984, 217 s.

ВЛАСТИСЛАВ ЛАЦИНА. *Большой экономический кризис в Чехословакии 1929—1934 гг.*

При изучении межвоенного двадцатилетия в истории народов Чехословакии вопросы, связанные с развитием мирового экономического кризиса 1929—1934 гг. и его влиянием на различные стороны общественной жизни страны, на наш взгляд, не получили достаточно полного освещения ни в советской, ни в чехословацкой историографии. Поэтому вышедшее в 1984 г. фундаментальное исследование В. Лацины, посвященное изучению кризиса 1929—1934 гг. как исторического явления, неизбежно должно было

привлечь внимание. Оно построено на широкой и разносторонней документальной основе: используется не только традиционная для такой темы статистика, но и материалы Государственного центрального архива Чехословакии, архива Государственного чехословацкого банка, а также Национального, Живнотенского банков, Министерства промышленности, торговли и ремесла и др., а также периодическая печать различных политических направлений. Такая источниковая база позволила автору сконцентрировать вни-

мание на трех основных группах проблем, которые оставались малоизученными или вообще не изученными в предшествующий период: 1) новые явления в экономике страны, проявившиеся в первом послевоенном десятилетии; 2) характерные черты развития кризиса в Чехословакии и его взаимосвязь с мировым кризисом; 3) перемены в чехословацкой экономике в результате кризиса, в первую очередь в промышленности, сельском хозяйстве, внешней торговле (с. 24).

При этом автор считал целесообразным касаться социальных аспектов темы лишь по мере необходимости, так как эти сюжеты были уже достаточно подробно исследованы в ряде работ его предшественников.

На основе анализа большого статистического материала В. Ладина приходит к выводу, что Чехословакия к началу кризиса была среднеразвитой промышленно-аграрной страной со значительной долей сельского хозяйства в экономике и довольно большой долей экспортных отраслей. Опираясь на документальные материалы, автор прослеживает новые тенденции развития экономики страны: обширную инвестиционную деятельность, направленную на модернизацию оборудования, переход к массовому использованию электрической энергии, моторизацию и рационализацию производственных процессов. В стране продолжалась концентрация и монополизация производства. Наблюдались попытки государственного регулирования экономики, особенно внешней торговли. Начались и определенные структурные изменения в экономике. Более быстрыми темпами, чем другие отрасли промышленности, стали развиваться металлургия, химическая промышленность и энергетика. Продолжался процесс макроструктурной перестройки, сокращалась роль сельского хозяйства в экономике страны. В целом, эти перемены отражали общие тенденции развития мирового хозяйства.

Но экономическое развитие Чехословакии, как показывает автор, осложнилось двумя основными факторами: с одной стороны, страна все больше вовлекалась в международное разделение труда, и ее экономика все в большей степени начинала зависеть от анархии на мировом рынке, от крупнейших империалистических государств и концернов. С другой стороны, процесс формирования единой экономики, начавшийся после образования самостоятельного чехословацкого государства, еще не был к нача-

лу мирового экономического кризиса завершен.

На основе анализа главных тенденций экономического развития автор убедительно доказывает, что в 20-е годы в Чехословакии укреплялся и продолжал развиваться монополистический капитализм, хотя уже сложились предпосылки для перехода к государственно-монополистическому.

Безусловно новым и интересным явился анализ развития кризиса в Чехословакии. В. Ладина рассмотрел весь комплекс вопросов, связанных с его течением, сопоставляя материал по Чехословакии с данными по другим странам. Автор провел большую аналитическую работу над статистическими материалами и показал, как постепенно развивался кризис, охватывая все области хозяйственной деятельности. На основе изучения конкретного материала он пришел к выводу о необходимости дать иную, чем его предшественники периодизацию кризиса: исходным годом считать 1929 г., а концом — 1934 — год постепенного перехода кризиса в депрессию. Новые хронологические рамки, определенные автором на основе сопоставительного анализа, представляются убедительными и обоснованными.

Основные причины более длительного и затяжного кризиса в Чехословакии В. Ладина видит в отсталой и медленно изменявшейся структуре промышленности, унаследованной от Австро-Венгрии, в небольшой емкости внутреннего рынка; довольно низким техническом уровне промышленности и большой доле сельского хозяйства в экономике страны.

Кризис оказал влияние на все факторы, определяющие динамику экономического роста. Это весьма существенное обстоятельство привело к тому, что в Чехословакии — одной из немногих стран мира регресс наблюдался не только в период самого кризиса, но и в течение 30-х годов вообще.

В. Ладина приходит к выводу, что в экономическом кризисе 30-х годов столкнулись и сконцентрировались противоречия общего кризиса капитализма, нерешенные проблемы быстро развивающейся научно-технической революции. Под влиянием коренных изменений в технике и вследствие массового внедрения новых производств проявилась несостоятельность старых экономических структур, созданных еще в процессе промышленной революции. Именно поэтому кризис 30-х годов вышел далеко за рамки

обыкновенных циклических кризисов, свойственных капитализму. Вывод автора о нерешенных проблемах научно-технической революции как одной из причин кризиса имеет принципиально важное значение. Он свидетельствует о новом подходе исследователя к пониманию предпосылок крупнейшего капиталистического кризиса.

В. Ладина отмечает, что разворачивание кризиса в Чехословакии не могло проходить изолированно от мирового экономического кризиса перепроизводства, а было усугублено и осложнено им. Его особенности получили свое конкретное воплощение и специфическое преломление в экономической жизни буржуазной Чехословакии. Резкое обострение проблемы рынков сбыта вообще и внешних рынков в особенности сильно ударило по странам с большим удельным весом внешней торговли в экономике, к числу которых принадлежала и Чехословакия. Рассматривая последствия кризиса 30-х годов, автор выдвигает тезис, что он имел не только разрушительный характер, но с экономической точки зрения сыграл роль оздоровительного фактора, который способствовал началу нового этапа развития чехословацкой экономики. Утверждение об оздоровительных тенденциях кризиса представляется спорным. Можно, по-видимому, говорить лишь о том, что он не уничтожил те прогрессивные явления в экономике, которые наблюдались в 20-е годы. Речь идет о моторизации, электрификации, строительстве шоссейных дорог и т. д. Государственные инвестиции сыграли здесь свою положительную роль, несмотря на то, что другие антикризисные меры не оправдали себя. Интересными, вместе с тем, представляются наблюдения автора, что экономический кризис вызвал дальнейшие структурные изменения в экономике в пользу новых отраслей и производств. Именно в те годы были заложены основные тенденции структурных изменений,

вызванные новым этапом технического прогресса, которые продолжались вплоть до 60-х годов XX в. Но в 30-е годы эти тенденции еще были недостаточно сильными, чтобы позволить Чехословакии занять определенное место в международном разделении труда.

В. Ладина подробно освещает позиции чехословацкой буржуазии и ее отдельных групп во время кризиса, меры, с помощью которых буржуазное государство пыталось приостановить его разрушительные последствия. Этим сюжетам отводится специальная глава. Автор отмечает поправление определенной части буржуазии, в первую очередь в партиях правительственной коалиции — аграрной и национально-демократической. Именно они повлияли на создание правительства Малипетра (правительства «твердой» руки), которое проводило политику ограничения буржуазно-демократических свобод.

В 1933 г. был издан «уполномочивающий закон», представлявший правительству право решать без парламента все экономические вопросы.

Автор отмечает, что по сравнению с остальными европейскими буржуазно-демократическими государствами меры государственно-монополистического регулирования в Чехословакии были довольно широко распространены и имели отчасти тоталитарный характер, все они укрепляли государственно-монополистический характер чехословацкого капитализма. В. Ладина делает вывод, что в период кризиса монополистический капитализм в Чехословакии перерос в государственно-монополистический.

Четкость теоретической позиции автора, обилие фактического материала и тщательность его анализа, ясность изложения и убедительная аргументация — все это позволяет дать рецензируемой книге высокую оценку.

Борисова И. В.

В. В. КОЛОМИЦОВ, М. Ш. ФАЙНШТЕЙН. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986, 151 с.

Рецензируемая книга удачно продолжает серию «Страницы истории нашей Родины». В ней рассматриваются история создания, организационная структура, задачи и результаты более чем полувековой

деятельности Российской Академии. Основанная в 1783 г. на базе «Российского собрания любителей русского слова» с целью изучения русского литературного языка, а также разработки грамматики

и словарей, она была присоединена в 1841 г. к Петербургской Академии наук как ее II отделение. На основе большого и частично нового материала, собранного в архивах Москвы и Ленинграда, авторам удалось значительно расширить, дополнить и уточнить представления о научном вкладе Российской Академии в развитие славяноведения.

В книге подробно освещена деятельность президентов Академии — Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова и А. С. Шишкова. Во многом по-новому показана здесь роль Е. Р. Дашковой (1783—1796) в организации этого научного учреждения. Не идеализируя общественно-политические взгляды сторонницы просвещенного абсолютизма и защитницы крепостного строя, авторы показывают и прогрессивные стороны ее деятельности: активное содействие российской литературе и науке, образцовую организацию академических заседаний, в большинстве которых она принимала участие, заботы о материальной базе Академии, создание Устава («Начертания»). Все это послужило основой для главного научного предприятия этого учреждения — Словаря Академии Российской (СПб., 1789—1791; 2-е изд. 1806—1822), который был высоко оценен в России и за рубежом, стал «опорной базой для всего славянского языковедения» (с. 32).

Не обойден молчанием и период застоя и упадка Академии при Павле I, поручившем управление ее делами далеким от науки временщикам — П. Бакунину и Л. Г. Николаю. Лишь с приходом к власти Александра I положение изменилось. Новым президентом был назначен А. А. Нартов, ставший ее достойным руководителем, чья роль, однако, в оживлении деятельности Российской Академии в 1801—1813 гг. показана в книге, на наш взгляд, недостаточно ярко и убедительно.

Особое внимание уделено авторами периоду, связанному с именем А. С. Шишкова (1813—1841), определявшего основные направления деятельности Академии, инициатора всех успехов и просчетов в ее работе (с. 43). В. В. Коломинов и М. Ш. Файнштейн критически пересматривают оценки многогранной научной и практической деятельности А. С. Шишкова, существующие в дореволюционной и советской литературе. Не замалчивая реакционность его общественно-политических убеждений как яркого противника французской революции, защитника крепостного права и самодержавия, «квасного»

патриота (с. 45), они в то же время стараются объективно оценить, например, его роль в дискуссии о «старом и новом слоге», в которой он выступал за национальную культуру, пытаясь оградить ее от влияния западноевропейской. Авторы правы, показывая, что, несмотря на все свои заблуждения, ненаучность доказательств, архаичность и вычурность защищаемых «славянизмов», А. С. Шишков все же вскрыл существенные недостатки карамзинской реформы, связанные с непониманием исторической роли славяно-русского языка (с. 45). Впрочем, защищая А. С. Шишкова от нападков критики, авторы иногда допускают неточности. Таково их утверждение, что «Рассуждение» А. С. Шишкова было направлено не столько против Н. М. Карамзина, сколько против его эпигонов (с. 45). В действительности же Н. М. Карамзин был главной фигурой, с которой вели борьбу защитники «старого слога». Еще и в 1810 г. продолжали поступать доносы на Карамзина как на вольнодумца и якобинца, а его книги рекомендовалось сжечь [1].

В то же время справедливым представляется заключение авторов книги, подкрепленное конкретными фактами, что шишковский период деятельности Российской Академии нельзя назвать бесплодным (с. 128). В разделах «Этап второй. Президент А. С. Шишков» и «Новый устав и издательская деятельность» авторы доказывают, что при содействии А. С. Шишкова был выработан достаточно прогрессивный для своего времени Устав Российской Академии наук с долгосрочной программой ее работы (с. 55). А. С. Шишков не смог воплотить или завершить многие начинания своей программы. В этом, по заключению авторов, и «весь парадокс Шишкова — ученый, твердо стоящий на позициях философской науки XVIII в., консервативный и реакционный по своим политическим убеждениям, он пытался воплотить в жизнь начинания, многие из которых получили жизнеутверждение только во второй половине XIX в.» (с. 134).

Одним из лучших разделов книги является глава «Словари, академические грамматики и их авторы». В ней подробно говорится о расширении лексикографической деятельности Российской Академии к 20—30 годам XIX в. (словари П. И. Соколова, И. И. Мартынова, Д. И. Языкова, Ф. С. Шимкевича и др.). На основе нового архивного материала авторы показали, как собирались сло-

варные материалы для первого издания «Словаря Академии Российской», куда и кем они посылались, как происходило определение гнездового места слова в «Словаре», его толкование, семантика (с. 27—30). В книге справедливо отмечено, что это издание во многом определило дальнейшие пути развития русской лексикографии и стало важным событием в русской науке первой трети XIX в.

В главе «А. С. Пушкин — член Российской академии» авторы раскрыли на новом фактическом материале малоизвестную страницу биографии поэта, показали его неоднозначное отношение к деятельности Академии и личности А. С. Шишкова, привели свидетельства его участия в заседаниях Академии и особенно активной общественной деятельности великого поэта в ее стенах (с. 99—104). Примечательны вывод авторов, что «многое, интересовавшее его как учено-историка и филолога, находилось в русле исследовательских программ Академии» (с. 102).

Любопытным является также описание библиотечного фонда Академии и его дальнейшей судьбы, а также собрания монет, медалей и портретов. К середине 30-х годов здесь были собраны уникальные издания и рукописи, среди которых 75% составляли книги «по истории, языку и литературе России, Польши, Чехии, Сербии, Хорватии и других славянских земель» (с. 112). Интересна и новая по содержанию глава о благотворительной деятельности Академии.

С точки зрения истории славяноведения наиболее важны разделы «Научные экспедиции» и «Международный научный центр», где авторы показывают большую роль Академии в организации путешествий русских и иностранных ученых, главным образом в славянские страны, а также научные контакты с известными зарубежными учеными, преимущественно славистами. Заметим, что русский ученый-полонист П. П. Дубровский ошибочно назван здесь «польским филологом» (с. 122). Впервые в литературе славистический аспект деятельности Академии, называемой современниками «Меккой славянства», получил в книге комплексное освещение, что, безусловно, большая заслуга авторов.

Деятельность Российской Академии оставила заметный след в развитии рус-

ской национальной культуры, науки и понятию стремление авторов спорить с негативным к ней отношением, сложившимся в историографии, начиная с монографии А. А. Кочубинского [2]. Однако нужно учитывать и тот факт, что многие полезные начинания этого учреждения не были осуществлены или доведены до конца, в то время как «кружок» гр. Н. П. Румянцева, хотя и располагал значительно меньшими денежными средствами, объединял более 50 крупных русских и зарубежных ученых, сумевших внести значительный вклад в развитие русской науки [3]. Поэтому утверждение авторов, что «Российская Академия являлась колыбелью отечественного славяноведения» (с. 133), требует некоторых дополнений и пояснений, так как, говоря о становлении русского и славянского языковедения в России, а также славяноведения в его комплексном понимании, необходимо учитывать и действие многих научных и общественных факторов, оказывавших в то время большое влияние на развитие этих областей знания.

Книга имеет интересные приложения, составленные на основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов: 1) список награжденных медалями Российской Академии; 2) список членов Российской Академии (1783—1841); о Васильевском острове в С[анкт]-Петербурге.

В целом работа В. В. Коломнинова и М. Ш. Файнштейна представляет опыт комплексного исследования деятельности основного научного учреждения России тех лет, содержит много новых фактов, свидетельствующих об интенсивности поисков путей развития науки в России, и заслуживает серьезного внимания специалистов по истории славяноведения и шире — по истории культуры России конца XVIII — первой половины XIX в.

Досталь М. Ю., Никулина М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукописный отдел ПД (ИРЛИ), ф. 339, № 1, л. 228—229.
2. *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.
3. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг.

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг., завершившаяся воссоединением Украины с Россией, по праву считается одним из выдающихся событий XVII в. Она резко изменила ситуацию в Восточной Европе, оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие европейской истории, имела непреходящее значение для судеб нашей Родины.

Несмотря на огромный интерес к этой теме, в советской исторической науке до последнего времени отсутствовали обобщающие библиографические и источниковедческие исследования, связанные с ней.

Существенный вклад в решение этой проблемы вносят рецензируемые работы Н. П. Ковальского и Ю. А. Мыцька [1—3]. Этой теме авторы посвятили еще целый ряд источниковедческих работ [4—9].

В книге [1] рассмотрены материалы архивохранилищ ПНР, дана их краткая история и характеристика. Наибольшее количество документов по истории Украины, которые хранятся в ПНР, сосредоточены более чем в 150 фондах Главного архива древних актов (далее — ГАДА) в Варшаве. Центральное место среди них занимают фонды: «Архив коронный в Варшаву», «Казацкий отдел», «Татарский отдел», «Молдавский и валахский отдел» и др. Крупные фамильные собрания ГАДА, такие как «Архив князей Радзивиллов», «Архив Замойских», «Архив публичный Потоцких», «Архив Пшездецких», содержат коллекции документов, относящиеся к периоду освободительной войны 1648—1654 гг. В ГАДА имеется большое количество микрофильмов, снятых с документов, выпезенных в 1655—1657 гг. из Польши и в настоящее время хранящихся в архивах и библиотеках Швеции; в них также отражена масса источников по истории Украины. Несомненный интерес представляет собрание отделов рукописей Национальной библиотеки в Варшаве и библиотеки Варшавского университета.

Второе место по значению после варшавских занимают архивохранилища Кракова. Так, в отделе рукописей Польской Академии наук находятся коллекция украинских рукописных книг и собрания документов XVI—XVII вв. Там же имеются сборники копий документов, снятых польскими историками XIX—XX вв.

с оригиналов в архивах, библиотеках и музеях Лондона, Парижа, Рима, Венеции и содержащих сведения по истории Освободительной войны. Важные рукописные собрания имеют Ягеллонская библиотека и музей Чарторыйских.

Богатый архивный материал по рассматриваемому периоду хранится во Вроцлаве в отделе рукописей Института им. Оссолинских и библиотеке университета.

Давая общую оценку рассмотренным материалам из архивохранилищ ПНР, Н. П. Ковальский и Ю. А. Мыцьк подчеркивают, что поскольку их подавляющее большинство появилось в результате деятельности государственных учреждений магнатско-шляхетской Речи Посполитой, создавалось представителями ее правящего класса, установившего на украинских и белорусских землях режим социального и национального гнета, к ним необходимо особо критически относиться и прежде всего в тех случаях, когда речь идет об антифеодальной и освободительной борьбе. При должном критическом отношении к названным источникам на их основе можно проводить исследования не только по узкоспециальным, но и по более общим проблемам истории Украины периода феодализма.

Авторы отмечают также, что дальнейший поиск документов по истории России, Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. следует проводить в ГАДА (Варшава), воеводских архивах Гданьска, Вроцлава, Люблина, Познани, а также в хранилищах Перемышля и Курника.

Аналізу нововиявлених писем (22) и ранее публиковавшихся документов Б. Хмельницкого посвящена следующая рецензируемая работа [2]. Документы дошли до нашего времени далеко не в полном виде и претерпели значительную деформацию. Особенно плохо сохранились материалы, отражающие деятельность Б. Хмельницкого по развёртыванию восстания, управлению казацко-крестьянской армией, по дипломатическим контактам гетманской администрации. Не выявлено и завещание Б. Хмельницкого. Не поддается точному подсчету и количество писем гетмана. Акад. И. П. Крипякевич в свое время предполагал наличие около 400 его необнаруженных посланий. Ю. А. Мыцьк пришел к заклю-

чению, что эту цифру следует увеличить как минимум до 1000, и она кажется не предельной.

На сегодняшний день выявлено и опубликовано 520 документов Б. Хмельницкого, позволяющих ставить и решать многие важные вопросы истории освободительной борьбы украинского народа 1648—1654 гг.

В [3] проанализированы основные дореволюционные издания документов и советские публикации документальных и повествовательных источников по истории этого же периода.

В дореволюционный период издание упомянутых источников осуществлялось как правило дворянскими, буржуазными и буржуазно-националистическими историками, что наложило свой отпечаток на состав публикуемых документов. Тем не менее при всех недостатках дореволюционных изданий, обусловленных в определенной степени и тогдашним уровнем развития исторической науки, многие из них не утратили своего источниковедческого и информативного значения и для современных исследователей.

Первые советские публикации источников по истории Освободительной войны вышли в 20—30-х годах. По они были немногочисленными и краткими. Крупный сборник документов и материалов, охватывающий период с 1649 по 1654 гг. и насчитывавший 111 документов (составители Н. Н. Петровский и В. К. Путилов), вышел в свет в Киеве в 1941 г. К 300-летию юбилею исторической Переяславской рады вышел в свет трехтомник «Воссоединение Украины с Россией», который является выдающимся фундаментальным изданием источников по этой теме. В 1961 и 1965 гг. соответственно были изданы «Документы Богдана Хмельницкого» и «Документы об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.».

Вместе с тем, как отмечают П. П. Ковальский и Ю. А. Мыцык, назрела необходимость в издании новых публикаций

источников, хранящихся в ЦГАДА СССР, ЦГИА УССР в Киеве и во Львове, в зарубежных архивах, особенно в ПНР.

Рецензируемые работы не только существенно обогащают источниковую базу истории Украины эпохи феодализма, но и представляют интерес для исследователей истории Польши и международных отношений в Центральной и Восточной Европе в середине XVII в. К сожалению, книги изданы незначительным тиражом, но они могут послужить основой для создания обобщающего труда по проблемам источниковедения истории Освободительной войны украинского народа.

Чобит Д. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальский Н. П., Мыцык Ю. А. Анализ архивных источников по истории Украины XVI—XVII вв. Днепропетровск, 1984.
2. Мыцык Ю. А. Анализ источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Днепропетровск, 1983.
3. Ковальский Н. П., Мыцык Ю. А. Анализ отечественных источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Днепропетровск, 1986.
4. Ковальский Н. П. Источниковедение истории Украины XVI—XVII вв. Ч. 1—4. Днепропетровск, 1977—1979.
5. Ковальский Н. П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII века: Структура источниковой базы. Днепропетровск, 1982.
6. Ковальский Н. П. Источниковедение социально-экономической истории Украины (XVI — первая половина XVII в.). Днепропетровск, 1983.
7. Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1979.
8. Мыцык Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.). Ч. 1. Немецкие и австрийские источники. Днепропетровск, 1981.
9. Мыцык Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Днепропетровск, 1985.

BAVIC St. *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku*. Zagreb, 1986, 551 s.

BAVIC ST. *Словообразование в хорватском литературном языке: Очерк грамматики*

Рецензируемая книга является одной из частей издающейся в Загребе «Грамматики хорватского литературного языка», которая, кроме «Словообразования» и вышедшего в 1986 г. «Синтаксиса

хорватского литературного языка» Р. Катичича, будет включать еще две части: 1) исторический обзор: звуки и формы; 2) акцентология. В первом разделе автор формулирует задачи книги: рассмотреть

словообразовательные единицы (префиксы, суффиксы), словообразовательные основы, способы и значения самих образований в хорватском языке. Второй раздел книги — общая (теоретическая) часть, в которой Ст. Бабич характеризует словообразование (как сам процесс образования новых слов и как лингвистическую дисциплину), рассматривает словообразование в его отношении к другим разделам грамматики и, в частности, к морфологии. Автор придерживается строго синхронических принципов членимости производности, согласно которым каждая часть слова должна быть обязательно представлена в других членимых словах с тем же значением (ср. анализ как непроизводных таких слов как *kalina*, *mašina*, *siječanj*, *Karlovac*, а также аббревиатур).

Ст. Бабич подробно рассматривает словообразовательные основы и словообразовательные форманты, основы свободные и связанные, образование сокращений, мутацию, конверсию, трансфигурацию, субстантивацию, адъективизацию и вербализацию. Он вводит понятие секундарной мутации, т. е. вторичного образования (*filozofijski* — *filozofija*), характеризует разные типы соотношения заимствованных слов и собственно хорватских образований на их основе (*despot-izam*, *betonig-as* и т. п.). Рассматриваются также речевые окказионализмы, индивидуально-авторские и терминологические образования.

Основная часть книги (разделы III—VI) представляет собой фундаментальное строгое описание словообразования по частям речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). Внутри частей речи описание проводится по способам словообразования, внутри способов — по суффиксам (при этом списки аффиксов удачно располагаются по алфавиту основного компонента). В отдельных случаях отмечаются фонологические ограничения на сочетаемость основ с аффиксами, особенности присоединения аффикса (см., например, разграничение суффиксов *-ar* и *-jar*). К книге приложены списки сокращений, указатели имен цитируемых авторов, опорных имен в словосочетаниях, суффиксов и префиксов, специфических терминов, списки источников и литературы (разделы VII—XI).

Оценивая труд Ст. Бабича в целом, следует прежде всего отметить, что он основывается на исследовании огромного материала, включавшего более 55 000 имен существительных (более 200 000

примеров), около 18 000 прилагательных (более 150 000 примеров), около 20 000 глаголов и около 15 000 наречий, собранных из словарей, произведений хорватских писателей, ученых и публицистов (слова из разговорного языка, из радио- и телепередач привлекались спорадически). При сборе материала основное внимание обращалось на новые слова и на те языковые пласты, которые слабее или слабо представлены в словарях. Установлен словообразовательный инвентарь: 734 суффикса (504 для существительных, 151 для прилагательных, 58 для глаголов и 21 для наречий) и 75 префиксов. Учтены даже суффиксы, используемые для образования всего одного или двух слов. Большой корпус исследованного материала позволяет надеяться, что, во всяком случае, для той разновидности сербохорватского языка, которую автор называет хорватским языком, выделенный словообразовательный инвентарь является исчерпывающим.

Говоря об инвентаре суффиксов, отметим, что в своей докторской диссертации Ст. Бабич писал о «мертвых» суффиксах в сербохорватском языке и включал в их число, в частности, суффикс прилагательных *-ok* (*dub-ok*, *šir-ok*, *vis-ok*, *žest-ok*) [1]. В рецензируемой книге суффикс *-ok* справедливо значится в числе живых.

Представляется, что следовало бы так же квалифицировать и суффикс *-ek* (*dalek*): в образовании новых слов этот суффикс участия не принимает, но ведь он вычленяется при формообразовании (описывая степени сравнения, грамматики указывают, что форма *dalji* образуется с помощью суффикса *-ji* после отбрасывания от *dalek* суффикса *-ek*, см., например [2; 3]).

В книге исследованы все способы словообразования. В соответствии со своей концепцией, автор не считает аббревиатуры производными словами. Слова, образованные от аббревиатур с помощью суффиксов (*udbaš* и т. п.) естественно, рассматриваются в книге. Непонятно, однако, почему из поля зрения автора выпали сложные слова, образованные сочетанием аббревиатур с полнозначными словами (*РТТ-пгежа*, *TV-program*) и получающие все большее распространение в сербохорватском языке [4].

Несомненным достоинством книги является то, что автор не стремится навязать свое решение по всем вопросам, допускает, что возможны спорные случаи или случаи, которые на данном уровне наших лингвистических знаний еще нельзя решить одно-

значно (см., например, §§ 16, 184, 375, 640, 702, 1026, 1197). Свежими и плодотворными представляются наблюдения над особенностями семантики прилагательных с суффиксами -an и -ni (kišan dan, kišni dan, но kišna glista), -(j)an и -(j)ani (sunčan dan, sunčani dan, по sunčani sistem), над соотношением и семантикой глаголов с так называемыми уменьшительными суффиксами (bockati, žmirkati и т. п.)¹. Для идентификации производных слов и описания их значения Ст. Бабиц широко и успешно пользуется преобразованиями. Отметим, однако, что некоторые из этих преобразований можно было бы уточнить. Так, нам кажется, что формула «stidak — ono čega mi stidimo» не совсем адекватно разъясняет слово stidak (это не то, чего мы стыдимся вообще, а то, что мы стыдимся в з я т ь); ср. также примеры в §§ 287, 288.

Книгу отличает высокий профессиональный уровень исследования и описания материала. К сожалению, в ней встречаются опечатки, которые очень опасны (точнее, недопустимы) в исследованиях по словообразованию. Можно примириться с нарушением алфавитного порядка в списке литературы (с. 534—535), поломать голову, как правильно произносится и пишется фамилия болгарского ученого (Junkijev — с. 166, Jankijev — с. 512 или Janakiev — с. 533), догадаться, что такое «Sukundarna mutacija» (с. 44), «sintatič-po — semantička tvorba» (с. 515), объяснить появление prečica вместо prečica (с. 148) и другие опечатки такого рода. Но когда вместо суффикса -(a)c пишется суффикс -l(a)c в параграфе, где излагаются взгляды Т. Маретиача (§ 223), издатели ставят студента (да и любого читателя) в очень трудное положение: точка зрения крупнейшего хорватского ученого представляется искаженной; трудно понять, чем она отличается от точки зрения автора книги.

Ст. Бабиц не пишет, что он понимает под термином «хорватский литературный язык». Непосвященному читателю следует иметь в виду, что речь идет не о языке всех хорватов, а лишь тех хорватов (и сербов), которые проживают в СР Хорватия, т. е. о западном варианте сербохорватского литературного языка.

Не касаясь вопроса о вариантных различиях сербохорватского языка, Ст. Бабиц систематически старается подчеркнуть или

оговорить те словообразовательные особенности, которые, по его мнению, более (или исключительно) характерны для западного варианта. Приведем лишь некоторые примеры. Так, говоря о префиксе protu-, он отмечает, что начиная с 1913 г. вплоть до 60-х годов этот префикс не считался стандартным, рассматривался как кайкавизм. Тем не менее protu- стал системным суффиксом, а его конкурент protiv- (protivu-) «оказался вне словообразовательной системы хорватского литературного языка, сейчас — это архаизм» (§ 103). Отметив синонимичность суффиксов -l(a)c и -telj, он сообщает, что при их одинаковой продуктивности (-l(a)c — 57% и -telj — 62%) в собранном им материале примеров с суффиксом -telj в два раза больше. В последнее время частотность слов с суффиксом -telj возрастает, «что соответствует новейшим данным о патеме литературном языке» (§ 1001). Отмечается, что до недавнего времени употребление слов с суффиксом -l(a)c сознательно стимулировалось и протезировалось, особенно в юридических документах и в административном языке (§ 1003, сноска). Сам автор формулирует рекомендацию: в тех случаях, когда для обозначения действующего лица возможно употребление или образование слов с суффиксами -l(a)c или -telj предпочтение следует отдавать словам с -telj (§ 1005). Такой же рекомендацией завершается рассуждение о синонимии суффиксов -ist и -ista: «можно сказать, что в хорватском литературном языке стандартным должен быть только суффикс -ist» (§ 1127). О суффиксах -ište и -lište: «если от одной основы возможны образования с обоими суффиксами, то в новейшее время обычно употребление слов с -lište» (§ 463). «Прилагательные autobusni, baletni, jezični, operetni, operni являются выразительным признаком стандартности хорватского литературного языка» (§ 1450). «В парах čirilični — čirilčki, latinični — latinički, kolni — kolski, porezni — poreski, priložni — priloški колебание больше, очевидное преимущество в хорватском языке имеют прилагательные на -ni» (§ 1451).

Таким образом, фундаментальный труд Ст. Бабица свидетельствует об еще одном шаге хорватских лингвистов по пути кодификации нормы (теперь уже словообразовательной) западного варианта сербохорватского языка в качестве литературного языка, употребляемого в СР Хорватия, без учета словообразовательных особенностей сербохорватского языка, являющегося родным языком населения других

¹ Представляется, однако, что наблюдения автора в этой области можно было бы дополнять материалами исследования [15].

республик СФРЮ (СР Сербии, СР Черногории, СР Боснии и Герцеговина).

Герд А. С., Дмитриев П. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Babić St.* Sufiksalna tvorba pridjeva u suvremenom hrvatskom ili srpskom književnom jeziku. Zagreb, 1966, s. 246—247.
2. *Težak St., Babić St.* Pregled gramatike hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1973, s. 101.

3. *Barić E., Lončar M., Malić D., Pavešić S., Pejić M., Zečević V., Znika M.* Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979, s. 112.
4. *Дмитриев П. А.* Об одной словообразовательной модели в русском и сербохорватском/хорватосербском языках.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1981, т. 579 (Труды по русской и славянской филологии. Вопросы становления и развития языковой системы), с. 46—51.
5. *Грицкат И.* Деминутивни глаголи у српскохрватском језику.— Јужнословенски филолог, XXI, књ. 1—4. Београд, 1955—1956, с. 47—96.

*Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14 (*labati — *lěterъjъ). М., 1987, 268 с.*

Рецензируемый выпуск представляет собой продолжение предшествующих выпусков, и, в целом, основан на тех же принципах. Следует отметить, однако, что, начиная с 14-го выпуска, работа над текстом словаря распределена иначе, чем раньше. Если до 13-го выпуска включительно вся авторская работа над текстом осуществлялась О. Н. Трубачевым (на основе картотек, созданных всем коллективом словаря), то теперь словарные статьи написаны группой авторов, между которыми был распределен соответствующий алфавитный отрезок (среди авторов словарных статей — Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, В. А. Меркулова, И. П. Петлева и О. Н. Трубачев).

Некоторые (на наш взгляд, удачные) изменения внесены в способ подачи материала. Введены реконструкции, которым предшествует два астериска (в тех случаях, когда праславянское слово реконструируется только на основе производных от него славянских лексем). В статьях, где в качестве заглавного слова выступают два или более словообразовательных варианта, лексический материал дается отдельно по каждому варианту, а не сплошь, как в более ранних выпусках.

Ниже предлагаются некоторые замечания и дополнения.

*lavizъjъjъ: в словаре под этой реконструкцией представлены только чешские и словацкие формы; возможно, однако, что сюда же относится и восточнославянский гидроним *Лапузна* (<*Лабузна?), л.п. Навли, л.п. Десны.

*lagoditi: сюда же относится болг. диал. *лагодя* 'предаваться чему-л. со страстью'.

*lamati: пропущено болг. диал. *ламам* 'жвать (без помощи зубов), прикусить язык'.

*lapikъ: возможно, помимо указанных в словаре восточнославянских форм типа рус. диал. *лапик* 'лоскут', следует принять во внимание алб. *lëpisk* 'чешуя', которое, как мы думаем, отражает незасвидетельствованное ю.-слав. *lapikъ/*lapikъ, соотносительное с *lapikъ.

*lazati: сюда следует добавить макед. диал. *лазам* 'ползти, лазить'.

*laznikъ: пропущено болг. диал. *лазник* 'высокая гряда скал'.

*lebetati/*lebetiti: на параллельную южнославянскую форму *lebetiti указывает алб. *lebetit* 'пугать, повергать в ужас'.

*ledënikъ: сюда же относится болг. диал. *леденик* 'холодное помещение'.

*lediti: пропущено болг. диал. *ледя* 'быть холодным, замерзать'.

*ledovina: сюда же — с некоторым сомнением ввиду редкости формы — болг. *ледовина* 'ледяная гора'.

*ledovъjъ: пропущено болг. устар. *ледов* 'ледяной'.

*lemeъjъjъ(jъ): представляет собой производное от *lemeъjъ/*lemexъ, имеющего параллельную форму *lemeъjъ, что заставляет предполагать словообразовательный дублет *lemeъjъ(jъ); последний действительно обнаруживается в болг. *лемежен* 'относящийся к лемеху'.

*lemъlica: сюда же, видимо, надлежит отнести и днепровский гидроним *Лемница* (бассейн Десны).

*lemъlъ(jъ): в словаре реконструируется на основе изолированного болг. диал.

л'омън 'очень крупный, высокий ребенок; крупный, высокий юноша'. К этому же праславянскому источнику целесообразно отнести днепровский гидроним *Лемна* (как субстантивированное прилагательное ж.р.), отказавшись от предлагавшейся ранее балтийской этимологии [1, с. 192].

*lešěbь: этимологическая аргументация данной статьи в недостаточной мере учитывает важнейшее показание др.-новг. *клець* 'лець' <*lešěbь и связанных с ним непосредственно западнославянских форм, см. [2, с. 77—79], с развернутой историко-фонетической картиной трансформации исходного начального *dl-/*tl-.

*ležaбь: сюда же относится болг. диал. *лежач* 'один из участников игры в «сладко месо»'.

*leǵanь: помимо западно- и восточнославянских форм, указанных в статье, необходимо учесть рум. *leagăn* 'люлька, колыбель', свидетельствующее о наличии соответствующего слова и в южнославянском.

*lěkarica: пропущено болг. диал. *лекарлица* 'женщина-врач'.

*lěkovь(ь): сюда же относится форма ж.р. в сочетании болг. диал. *лякова китка* 'лечебное растение'.

*lěpavь: ввиду болг. диал. *лепяв* 'слабый, больной' следует, по-видимому, реконструировать *lěpavь/*lěpavь.

*lěnivьstvo: пропущено болг. *ленивство* 'лень, ленивость'.

*lěnъta: к данному слову, видимо, восходит также и гидроним *Ленда*, вар. *Ленча* (бассейн Десны), который либо отражает **Лента* > *Ленда*, либо — если вариант *Ленча* основной — восходит к *lěnъtja.

*lěpibь: сюда же относится болг. *лепич* 'растение *Galium aparine*'.

*lěrikь: пропущено болг. диал. *лепик* 'сухой павоз, используемый для сжигания'.

*lěšanь: в словаре данное слово фактически представлено лишь чешским материалом, между тем как оно широко распространено в качестве топонима в южнославянской области, ср. *Lesná* на территории Греции, алб. *Leshan*, а также другие топонимы — на территории Македонии и Болгарии (*Лешани*). Не следует исключать, что в данном случае налицо старое этнонимическое образование, предполагающее реконструкцию *lěšadinь.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Топоров В. Н., Трубаева О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
2. *Зализняк А. А.* К исторической фонетике древненовгородского диалекта. — В кн.: Балто-славянские исследования 1981. М., 1982, с. 61—80.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Шевцова Л. Ф. Политическая система социализма: пути совершенствования. АН СССР. Ин-т экономики мировой социалистической системы. М., 1987, 190 с.

Васил Левски и неговите сподвижници пред турския съд / Държ. библ. «Васил Коларов». София, 1987, 463 с.

Ерцеговић Павловић С. Средњовековна насеља и некрополе у Болшину и Хайдучкој Воденици. Београд, 1986, 113 с.

Конески Б. Македонскиот XIX век. — Уав. и кнж.-ист. прилози. Скопје, 1986, 304 с.

Марксистско-ленинската философска мисъл в България: (В 2-а т.). / Под общ. ред.: Бъваров М., Славов С. София, 1987. Т. 2. / Авт. колектив със съст.: Славов С. 494 с.

Гео Милев. 1895—1925: Био-библиографически указател / Нар. библ. «Кирил и Методий». Израб. Фунаджиева Е. Г. София, 1985, 360 с.

Отечествен Фронт: Документи и материали: В 5 т. / Гл. ред. Василев К. и др. София, 1987; Т. I. 1941—1944. Ч. I. 22 юни 1941 — април 1944. 710 с.;

Т. I. 1941—1944. Ч. 2. 1 май — 11 септември 1944. 557 с.

Стојанчевскић Вл. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986, 254 с.

Litpoglavšek M., Vrišer S., Suml N. et al. Barok. Red. odb. Mohorovičić A. (predsednik), Beograd, 1985, 180 s.

Brykowski R. Lemkowska drewniana architektura cerkiewna w Polsce, na Słowacji i Rusi Zakarpackiej. Wrocław etc., 1986, 195 s.

Bullock M. P. Romanticism and Marxism: The philosophical development of literary theory and literary history in Walter Benjamin and Friedrich Schlegel. N. Y. etc., 1987, 276 p.

Dąbkowski T. Historyczne przesłanki i znaczenie zwycięstwa Związku Radzieckiego w Wielkiej Wojnie Narodowej, 1941—1945. Wrocław etc., 1987, 131 s.

Dunin-Wąsowicz K. Francuska opinia publiczna wobec sprawy polskiej i Polaków w latach 1885—1894. Wrocław etc, 1987, 252 s.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

K dějinám socialistického Československa. Praha, 1986

К истории социалистической Чехословакии

Изучение истории строительства социализма стало одним из приоритетных направлений современной чехословацкой историографии. Рецензируемый труд, подготовленный сотрудниками Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН (авторский коллектив: В. Пеша (отв. редактор), А. Вербик, П. Вошагличова, М. Мартинек, Я. Млынский, Л. Пехачек, Л. Слезак, О. Фельцман) заслуживает внимания прежде всего с методологической точки зрения. Его авторы предприняли попытку, как говорится во введении, «осветить послевоенное развитие нашей родины в его основных взаимосвязях и хотя бы частично удовлетворить общественный интерес к познанию исторических закономерностей современной эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму» (с. 8). При этом подчеркивается, что речь идет не о простой исторической реконструкции прошлого, а прежде всего о поиске ответов на многие актуальные и до сих пор еще решенные вопросы сегодняшнего дня. В статье А. Вербика, Я. Млынского, Л. Пехачека, Л. Слезака и О. Фельцмана [1] отмечено, что прошлая недооценка теоретико-методологических проблем в чехословацкой историографии проявилась в отсутствии обобщающих работ по строительству социализма в Чехословакии. Исключение составляют появившиеся в конце 70-х — начале 80-х годов работы З. Снитила, В. Плевзы, В. Крала. Рецензируемая книга — по существу первый коллективный труд чехословацких ученых комплексного характера с учетом экономического, политического, социального и культурного развития ЧССР, ее международных взаимосвязей.

Синтетический характер работы определяет композицию книги. Работа состоит из четырех частей, соответствующих принятой в чехословацкой историографии периодизации социалистического развития. Первая часть «Народно-демократическая Чехословакия и ее развитие

до февраля 1948 года» включает три главы о наиболее разработанном в научной литературе периоде перерастания национально-демократической революции в социалистическую. Показано, что подход к построению социалистического общества в Чехословакии тесно связан с заключительной фазой второй мировой войны, освободительной миссией Советского Союза и антифашистской национально-освободительной борьбой чешского и словацкого народов. Дан анализ изменений в расстановке сил на международной арене, социально-политического развития в стране, революционных преобразований во всех сферах жизни общества.

Вторая часть «Строительство основ социализма в Чехословакии» также состоит из трех глав, охватывающих период после февраля 1948 по 1960 г. Причем внутри него выделены два подэтапа: начало социалистического строительства (1949—1955) и завершение (1956—1960).

Особый интерес представляет части третья и четвертая о мало исследованном периоде 60-х — первой половине 80-х годов. В части третьей «Социалистическая Чехословакия в 60-е годы» рассматриваются проблемы упрочения основ социализма в первой половине 60-х годов, причины обществено-политического кризиса 1968 г. и его преодоление. Подчеркнуто, что восхождение социалистического общества на очередную ступень зрелости связано с необходимостью и нестольжностью перевода народного хозяйства на рельсы интенсивного развития. В четвертой части «Строительство развитого социализма в ЧССР» освещен современный этап развития чехословацкого общества.

Важное достоинство труда — попытка освещения социальных отношений и развития социально-классовой структуры

общества, чрезвычайно слабо изученных историками. Однако в этой работе, к сожалению, социальное развитие на современном этапе сведено к рассмотрению жизненного уровня чехословацких трудящихся.

В целом рецензируемая работа — конкретный вклад в изучение истории социалистической Чехословакии и, право-

мерно надеяться, послужит импульсом для дальнейшего движения творческой мысли.

Копашева М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Československý časopis historický, 1986, № 6.

Ъ. ШТАВЛЯНИИ-БОРЂЕВИЋ, М. ГРОЗДАНОВИЋ—ПАЈИЋ, Л. ЦЕРНИЋ. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. прва. Београд, 1986, 470 с.

Л. ШТАВЛЯНИИ-ДЖОРДЖЕВИЋ, М. ГРОЗДАНОВИЋ-ПАИЋ, Л. ЦЕРНИЋ. Описание кириллических рукописей национальной библиотеки Сербии

6 апреля 1941 г. во время налета немецкой авиации на Белград погибла одна из сокровищниц мировой культуры, коллекция славянских рукописей, хранившаяся в Национальной библиотеке Сербии. Это была огромная, невосполнимая потеря — только кириллических рукописей в ней насчитывалось около 1300. Сразу же после страшного пожара сотрудники библиотеки начали сбор рукописей, способных хоть как-то возместить утраченное, они продолжали эту работу и в ходе войны и после нее, и здесь следует в первую очередь назвать имена Дж. Сп. Радойича и М. Кичевича. Множество патриотов откликнулось на их призыв, книги и листы присылали коллекционеры и ученые, коммерсанты и библиотеки. Постепенно стала создаваться методика археографического описания новоприобретенных памятников, в основу ее был положен научный метод, выработанный В. Мопшиным. В 1986 г. Национальная библиотека уже могла продемонстрировать научной общественности первый итог этой работы — в свет вышущен фундаментальный каталог «Описание кириллических рукописей Национальной библиотеки Сербии». Его авторы — сотрудники Библиотеки.

«Описание» представляет собой обширный том in quarto, содержащий характеристику 180 (из 202 хранящихся в библиотеке) рукописей XIII—XIX вв. В каждом памятнике авторы рассматривают все элементы, способные дать о нем представление — внешний вид памятника («физический облик»), писчий материал и филигранны (в конце тома помещен альбом водяных знаков, составленный

М. Грозданович-Паич), датировку, манеру письма, систему иллюминации, записи, сделанные переписчиком. Особое внимание составители обратили на языковые особенности рукописей, отмечая русизмы, болгаризмы и прочие этнические варианты. Значительное место в «Описании» заняла характеристика содержания рукописей — в большинстве случаев составители приводят с этой целью обширные выдержки из текстов в средневековой кириллической транскрипции.

Рукописи располагаются в «Описании» в соответствии с той нумерацией, которая им присвоена в библиотеке и которая создавалась, видимо, по мере их приобретения. Хронологической последовательности здесь нет. Однако просмотр каталога позволяет выделить ряд наиболее древних памятников, из которых назовем лишь самые крупные. Это — Белградский Македонский октоих середины XIII в., Беседы Феодора Студита конца XIII в., Лествицы середины и третьей четверти XIV в., Четвероевангелие и Праксапостол начала XIV в. Большинство текстов относится к XVI—XVIII вв., самые поздние рукописи датированы концом XIX в.

Содержание рукописей разнообразно. Большинство из них представляют собой сборники, поэтому разумно, что авторы «Описания» отказались от оглавления, но дали индекс всех текстов, которые вошли в состав сборников. Это — апокрифы, видения, мины, жития, в том числе и «мучения», похвальные слова, часословы, чудеса. Преобладают, как видим, богослужебные книги. Особен-

но много литургических текстов — кондаки, каноны, «службы» и молитвы, множество «поминовений» посвящено русским святым от Александра Невского до московского митрополита Филиппа. Неожиданно появление русского памятника светского содержания — грамота 1745 г., выданная якуту Мюкесю Маржину и его сыну на право разработки руд в Якутии (с. 301—302).

О происхождении рукописей известно немного, еще меньше — о том, каким путем они попали в фонды библиотеки. Так, одна из древнейших рукописей — Браткова минея получила свое название от имени писца Братко, работавшего в период правления короля Владислава

(1234—1243). На полях одного Апостола есть запись, что книга переписана дьяконом Божей в Сланкамене в 1514 г., еще одна Псалтырь создана в 1573 г. в Среме. Ряд рукописей возник на территории нынешней Воеводины, традицию старых скрипториев сохранил и монастырь Студеница на рубеже XVIII и XIX вв.

Издание выполнено на самом высоком научном уровне, с учетом требований современной археографии. Работа над составлением «Описания» продолжалась много лет. Но зато появление этой книги является бесспорным событием в истории югославянской культуры.

Фрейденберг М. М.

А. МАЛЬДЗИС. З літаратуразнаучых вандрэачняў. Мінск, 1987, 216 с.

А. МАЛЬДИС. Из литературоведческих путешествий

До недавнего времени многие периоды в истории культуры Белоруссии считались terra incognita. Причин тому множество, но прежде всего — многочисленные войны, которые волнами прокатывались по белорусским землям, уничтожая и разграблявая бесценные творения народа. Так, в годы второй мировой войны бесследно исчез крест Ефросиньи Полоцкой, замечательный памятник средневекового эмальерного искусства, исполненный ювелиром Л. Богшей (1161). Подобная участь постигла многие другие уникальные произведения живописи, рукописные, печатные книги, оказавшиеся разбросанными по всему свету. Поэтому сложную и высокую задачу решают те исследователи-подвижники, кто посвятил свои усилия возвращению народу или по крайней мере восстановлению «инвентаря» утерянных ценностей, заполнению «белых пятен» на многовековой карте отечественной культуры. К числу таких людей, давно и плодотворно работающих на этом поприще, принадлежит Адам Мальдис, автор многих новаторских изысканий по истории культуры и литературы Белоруссии, белорусско-польских, белорусско-литовских творческих связей.

Интересными находками радуется очередная книга известного писателя-литературоведа. Автор развивает ранее им же обоснованное опровержение бытовавших представлений о полном упадке, из-за экспансии католицизма и колониизма, белорусской письменности в XVII—

XVIII вв. Многолетние поиски в архивах и книгохранилищах нашей страны и за рубежом (преимущественно в Польше) позволили ученому выявить около полутора сот произведений белорусской песенно-интимной и гражданской лирики, других жанров светского и религиозного содержания, примечательных нередко «макароническим» совмещением белорусской и польской языковых стихий. Ряд находок описаны и фрагментами публикуются в книге, например, «Песня белорусских солдат» (1794), сражавшихся под повстанческими знаменами Т. Костюшко. Убедителен вывод автора о том, что в XVIII в. «полонизация не была в Белоруссии ни окончательной, ни полной» и разговорный белорусский язык бытовал в различных социальных группах (с. 48). Справедливо, на наш взгляд, и другое замечание, касающееся возникшего здесь ряда польских произведений, тяготеющих, в силу многочисленных лексических, грамматических и синтаксических белоруссизмов к совместному наследию польского и белорусского народов как, например, обработка мольтеровской пьесы «Доктор поневоле» (1787), принадлежащая перу М. Тетерского, учителя Забелльской коллегии на Полотчине и др. В этой, как и предыдущих книгах А. Мальдиса, заново открыты забытые творения, новыми гранями высвечены художественные направления — барокко, классицизм, Просвещение.

Отдельным разделом («Английский

дневник») представлены в книге итоги творческой поездки автора в Великобританию, осуществленной в 1982 г. по стипендии ЮНЕСКО. Увлекает рассказ о таких ценных находках в английских хранилищах, как письмо белорусского гуманиста-реформатора С. Будного к деятелю английской Реформации Фоксу (1574), черновые варианты отдельных произведений Я. Кушалы и Я. Коласа, рукописный сборник ранее неизвестного белорусского поэта конца XIX—начала XX в. Я. Костевича, выступавшего под псевдонимом «Яп Литвин», некоторые рукописные воспоминания белорусов-эмигрантов, содержащие инте-

ресные факты и детали о национально-освободительном и культурном движении в дореволюционной Белоруссии.

Несколько небольших историко-литературных заметок посвящено участию Белоруссии в «Программе ЮНЕСКО по изучению славянских культур», современному развитию литературных связей БССР с ПНР, ГДР. Словом, живая связь времен — залог полнокровного развития культуры — показана с глубоким знанием дела и увлеченностью, а удачное сочетание научно-документального и повествовательного стилей несомненно расширяет читательский интерес к книге.

Прибытко Г. В., Ярина А. К.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Galster B. Paralele romantyczne: Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987. 299 s.

Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. 4-e wyd. uzup. Warszawa, 1987. 816 s.

Ivantyšinová T. Cesi a Slovaci v ideológii ruských slavjanofilov (40—60 r. 19. stor.). Brno, 1987. 79 s.

Kultúra a spoločnosť / Zost. Salgovičová J. Brno. 1987. 341 s.

Metryka litewska: Księga Sigillat, 1709—1719. Opr. Rachuba A. Warszawa, 1987. 266 s.

Mrowcewicz K. Czemu wolność mamy?: Antynomie wolności w poezji Jana Ko-

chanowskiego i Mikołaja Sępa Szarzyńskiego. Wrocław, 1987. 295 s.

Piskorski J. M. Miasta księstwa szczyńskiego do połowy XIV w. Warszawa — Poznań, 1987. 259 s.

Polska XIX wieku: Państwo, społeczeństwo, kultura / Pod red. Kieniewicz S. Warszawa, 1986. 557 s.

Topolski J. Prawda i fałsz w historii. Poznań, 1987. 58 s.

Wizja społeczeństwa socjalistycznego w myśli politycznej polskiego ruchu robotniczego do 1948 roku / Kier. Tomicki J. Warszawa, 1987. 455 s.

Wojtasik J. Idea walki zbrojnej o niepodległość Polski. 1864—1907. Warszawa, 1987. 288 s.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

В Минске с 23 по 28 июня 1987 г. проходила научная конференция советских и польских историков, посвященная 70-летию Великого Октября. Она была организована Национальным комитетом историков Советского Союза, Комиссией историков СССР — ПНР и Институтом истории Академии наук БССР.

Конференцию открыл председатель советской части Комиссии историков СССР — ПНР акад. Б. А. Рыбаков, который во вступительном слове подчеркнул преемственность с идеями Великого Октября исторических решений XXVII съезда КПСС, перестройки всех сфер деятельности в целях ускорения развития социалистического общества.

Участников конференции приветствовали также вице-президент АН БССР, акад. АН БССР И. Я. Науменко; председатель польской части Комиссии историков ПНР — СССР, член-корр. ПАН, проф. Ю. Бардах, выразивший глубокое удовлетворение, что конференция проходит в Минске, на земле братского белорусского народа, которая вырастила много выдающихся людей, принесших славу и для польской культуры, науки, образования.

Вопросы, рассмотренные на конференции, можно условно отнести к четырем темам: 1) Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на мировой революционный процесс; 2) социалистическая революция в судьбах поляков и Польши; 3) развертывание революции в отдельных регионах России; 4) Великий Октябрь и советско-польские отношения.

Первой тематической группе было посвящено пять докладов. Д-ра ист. наук Р. П. Гришина, И. И. Костюшко, М. М. Сумарокова (Москва) осветили тему «Октябрьская революция и политические преобразования в зарубежных славянских странах»; канд. ист. наук В. С. Толстой (Минск) — «Великий Ок-

тябрь и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»; д-р ист. наук И. С. Яжборовская (Москва) — «Великий Октябрь и проблемы мира и безопасности народов»; проф. М. Лечик (Варшава) — «70-летие Декрета о мире»; доц. Познаньского ун-та А. Кийас — «Пролетарская революция в России в глазах ученых и писателей Западной Европы».

Влиянию Октября на судьбы Польши, польского рабочего движения, советско-польского интернационального единения посвятили доклады А. Ф. Хацкевич и В. Р. Давыдов (Минск) — «Участие польских интернационалистов в Октябрьской революции»; доц. И. Можи (Познань) — «Поляки в органах революционной власти в России в 1917—1921 гг.»; доц. З. Дворецкий (Познань) — «Влияние Октябрьской революции на активность великопольской общественности в 1917—1918 гг.»; доц. Г. Куршис (Гданьск) — «Октябрьская революция в традициях польского рабочего движения»; доц. А. Слиш (Варшава) — об отражении тематики Октября польской прессой в России; проф. М. Танты (Варшава) — о польском вопросе на переговорах по заключению Брестского мира; доц. С. Александрович (Белосток) — об участии летчиков-поляков на фронтах гражданской войны; доц. А. Коробович (Люблин) — о влиянии Октябрьской революции на радикализацию польского общества в 1917—1919 гг. О значении первых законодательных актов молодой Советской власти для польского народа говорилось в докладе ректора Академии внутренних дел ПНР, проф. Т. Валихповского «Польские пути к социализму». Декреты Советской власти способствовали воссозданию независимого польского государства. Бесспорным является тот факт, подчеркнул докладчик, что вопреки многочисленным трудностям, трудящиеся Польши в послевоенный период осуществ-

вили глубокие социалистические преобразования, продолжив тем самым дело Великого Октября.

Сотрудничеству революционных и демократических сил буржуазной Польши и Западной Белоруссии в борьбе против эксплуатации и политического бесправия посвятил доклад д-р ист. наук В. А. Полуян (Минск).

Развитие Октябрьской революции в отдельных регионах России рассматривалось в пяти докладах. Канд. ист. наук В. П. Булдаков (Москва) осветил тему влияния Октябрьской революции на судьбу народов России, акад. АН Латв. ССР А. А. Дризул — победу Октябрьской революции в Прибалтике; научный сотрудник Ин-та истории АН Лит. ССР З. Н. Василяускас — историю образования Литовско-Белорусской Советской Республики; чл.-корр. АН Груз. ССР А. Н. Сургуладзе — отображение Октябрьской революции в грузинской советской историографии; чл.-корр. АН БССР И. Е. Марченко охарактеризовал достижения трудящихся Белоруссии за годы Советской власти.

Шесть докладов было посвящено Великому Октябрю и советско-польским

отношениям. Чл.-корр. ПАН, проф. Ю. Бардах рассказал о возвращении польских культурных ценностей Советской властью после Рижского договора; канд. ист. наук П. А. Кочегура (Москва) — о советско-польском сотрудничестве в годы второй мировой войны; канд. ист. наук Н. К. Петрова (Москва) — об интернациональных связях рабочего класса СССР и ПНР; ст. научн. сотрудники Ин-та истории АН БССР Г. Г. Сергеева и Л. П. Мирочичкий — о белорусско-польском сотрудничестве на современном этапе; д-р О. Вышомирска-Кузьминьска (Варшава) — о научных польско-советских связях 1918—1926 гг.; д-р ист. наук В. С. Парсаданова (Москва) — о проблемах советско-польских отношений в советской историографии.

Участники конференции ознакомились также с достопримечательностями Минска, побывали в Музее советско-польского боевого содружества в поселке Ленино, совершили экскурсию по историческим местам Несвижа и Мира, посетили Дом-музей Адама Мицкевича в Новогрудке.

Мирочичкий Л. П., Толстой Б. С.

В КОМИССИИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ СЛАВИСТОВ

16 октября 1986 г. в Ленинграде состоялось расширенное заседание советской секции Комиссии славянского фольклора (КСФ) при Международном комитете славистов. В докладе председателя Комиссии В. Е. Гусева сообщалось о ее деятельности после IX Международного съезда славистов, о новых организационных формах — создании национальных секций. Бюро КСФ распространило по фольклористическим центрам рабочую Программу на период до X Международного съезда славистов, полагающую уделить особое внимание следующим направлениям научных исследований: 1) реконструкции древнеславянской духовной культуры; 2) сравнительному изучению исторического развития фольклора славянских народов; 3) фольклору пограничных (лимитрофных) областей расселения славян; 4) поэтике фольклора славянских народов; 5) современным процессам в фольклоре славянских народов и развитию фольклоризма; 6) истории славянской фольклористики.

В советской секции КСФ разрабатываются все эти направления, курируемые Н. И. Толстым и В. П. Авикиным (1), Б. Н. Путиловым (2), К. П. Кабашниковым (3), В. М. Гацаком (4), В. Е. Гусевым (5), В. А. Юзвико (6).

Первоочередными практическими задачами фольклористики на современном этапе в Программе названы: составление фольклористических библиографий, словарей и словарей фольклористической терминологии на славянских языках, антологий и хрестоматий славянского фольклора, каталогов и индексов фольклорных текстов (по жанрам), а также систематическое рецензирование публикаций и исследований в области славянского фольклора и др.

Вся практическая деятельность КСФ в периоды между съездами славистов должна проводиться в рамках национальных секций в соответствии с предусмотренными Программой задачами.

В. Е. Гусев отметил, что в настоящее время особенно планомерно ведется ра-

бота в польской, чехословацкой и советской секциях. В Польше активно исследуются проблемы современного фольклоризма, поэтика разных жанров славянского фольклора, история славянской фольклористики, проводится сравнительное изучение фольклора славянских народов, языка и стиля фольклора. Чехословацкая секция сосредоточила свое внимание на исследовании процесса развития современного фольклора и фольклоризма, на проблеме специфики фольклора пограничных районов расселения славян, на составлении терминологического словаря, библиографий, каталогов.

Советские фольклористы наиболее активно работают над проблемами истории славянской фольклористики, изучения фольклора пограничных областей расселения славян, реконструкции древнеславянской духовной культуры. В настоящее время подготавливаются три коллективных научных труда: на базе Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР создается «Словарь восточнославянских фольклористических терминов»; под руководством В. М. Гацака, В. Е. Гусева, А. И. Дея, К. П. Кабашникова, А. С. Федосика составлен сводный терминологический словарь. В Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР под руководством В. А. Юзвенко ведется работа над «Историей славянской фольклористики», первая часть которой — «Фольклористика XVIII — первой половины XIX века. Очерк развития и материалы» — подготовлена к изданию. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР

под руководством Н. И. Толстого создается «Этнолингвистический словарь славянских древностей», включающий фольклористическую терминологию. В 1983 г. был издан «Проект словаря» названного словаря. В 1986 г. КСФ организовала симпозиум по проблеме реконструкции древнеславянской духовной культуры.

Были заслушаны отчеты кураторов отдельных направлений. В. А. Юзвенко проинформировала о подготовке труда «Методологические принципы современной советской фольклористики» и «Хрестоматии по истории славянской фольклористики». В рамках данного направления устанавливается непосредственное сотрудничество с польскими специалистами в работе над переизданием украинских материалов из собрания О. Кольберга. К. П. Кабашников сообщил о ходе работы над «Словарем восточнославянских фольклористических терминов»; об экспедиции фольклористов БССР, РСФСР и УССР в полесскую зону, где собран большой и интересный материал, требующий незамедлительной обработки; о планах по изучению белорусско-польских фольклорных связей.

В обсуждениях отмечалось, что активность советских фольклористов-славистов возрастает. Проф. Б. П. Кирдан отметил желательность регулярных совещаний подобного типа.

На заседании обсуждалось также сообщение о подготовке к X Международному съезду славистов.

Харитонова В. И.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ленинградское отделение Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики АН СССР в октябре 1986 г. провело симпозиум «Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры», в котором приняли участие фольклористы, этнографы, музыковеды, филологи, историки культуры и другие специалисты из СССР, а также из Болгарии и Югославии.

Председатель Советского комитета славистов чл.-корр. АН СССР Н. И. Толстой в докладе «Перспективы и задачи реконструкции древнеславянской

духовной культуры» наметил пути и возможные подходы к освоению и разработке этой сверхсложной проблемы, стоящей перед современной наукой. Рассмотрев виды и цели реконструкции древнеславянской духовной культуры, Н. И. Толстой отметил, что порог реконструируемости зависит от предмета реконструкции (инвентарь, система представлений или текст): мифология и фольклор требуют разного подхода. Н. И. Толстой подчеркнул, что здесь основным методом реконструкции остается сравнительно-историческое рассмотрение: ре-

конструкция может быть внутренней — внутри одной этнической системы, внешней — с привлечением данных соседних этносов, но при этом нужно исходить из принципов генетической и типологической общности, не увлекаясь поисками универсалий. Следует учитывать, что хронологическая глубина многих явлений духовной культуры гораздо больше, чем, например, в лингвистике. Здесь важно проследить пути эволюции духовной культуры, реконструируя как смену различных стадий, так и развитие внутри одной стадии. Путь реконструкции идет обычно от современности вглубь, ретроспективно и тут важно обращать особое внимание на семантику, реконструируя прежде всего представляемые.

Часто при реконструкции древнеславянской духовной культуры нет возможности опереться на письменные источники. Так, праславянский эпос мы никогда не сможем реконструировать. Можно восстановить инвентарь поэтических средств, но некий текст или «основной миф» остается за пределами наших возможностей.

Считая мифологию более надежным, чем фольклор, источником для реконструкции духовной культуры, Н. И. Толстой призвал отдельно реконструировать мифологические и фольклорные представления, ибо практика показывает, что фольклор вторичен, он, хотя и ярко, но лишь отражает мифологические элементы. Народную духовную культуру необходимо изучать в диалектных проявлениях как развернутую в пространстве диахронию. Происходит процесс как бы окаменевания отдельных элементов народной духовной культуры, их нужно искать. Сумма деталей (чем больше, тем лучше) дает возможность объединить их в отдельные синтагмы и на их основе делать более глубокие выводы о системе представлений в целом. В докладе рассматривались и вопросы соотношения архаических и неархаических элементов системы, функционирования отдельных жанров фольклора, взаимоотношений книжной и народной культуры.

От имени Совета по фольклору и Комиссии славянского фольклора МКС собравшихся приветствовал проф. В. Е. Гусев (Ленинград), сообщивший о сделанном в области реконструкции древнеславянской культуры в последние годы. Были названы симпозиумы, проводившиеся Ю Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и посвященные этногенезу славян

(1981) и вопросам комплексного изучения древней славянской культуры (1983). Опыт реконструкции древнеславянской культуры представлен в трудах В. В. Иванова и В. Н. Топорова, Н. И. Толстого и его учеников, С. М. Толстой, Б. П. Путилова, И. Н. Велецкой, Л. Н. Виноградовой, Б. А. Успенским, Г. А. Барташевич и др. Вопросы реконструкции славянской духовной культуры включены в программу предстоящего X Международного съезда славистов. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР планируется создание Словаря славянских древностей.

Серьезного внимания заслуживает недостаточно разработанный еще генетический метод исследования культуры славянских народов. Реконструкция древнеславянской духовной культуры возможна лишь при условии комплексного подхода к проблеме силами специалистов разного профиля, включая фольклористов-музыковедов.

В докладе д-ра филол. наук Б. Н. Путилова (Ленинград) «О реконструкции древнеславянского героического эпоса» были высказаны соображения общеметодологического и общетеоретического плана. Специфика эпоса как феномена культуры не позволяет реконструировать текст или его элементы, а потому основной задачей является реконструкция предшествующих фаз типологии, сюжетики и ее составляющих, слагаемых эпического мира (герой, пространственные отношения) и элементов эпического языка. Наиболее плодотворным является широкое применение историко-типологического и структурно-типологического подходов с учетом современных достижений эпосоведения. Цели реконструктивных исследований включают не только восстановление утраченных живой традиции этапов и элементов эпоса, но и основанное на этом глубинное прочтение текстов, раскрытие неявных моментов их семантики, обнаружение скрытых этнографических связей.

Многие доклады были посвящены реконструкции конкретных представлений и явлений славянского фольклора.

В докладе «Судьба семантической оппозиции „небесный“ — „земной“ у древних славян» проф. В. В. Мартынов (Минск) показал, что данное семантическое представление в славянской традиции резко отличается от соответствующих представлений древних италийцев, кельтов, германцев и балтов. Обусловлено это известным влиянием иранской

сакральной лексики. Эти исследования опираются на системную реконструкцию славянского пантеона с разработанными правилами верификации.

Доц. Н. П. Антропов (Минск) в докладе «К реконструкции восточнославянских терминов „стрела“ и „сула“», опираясь на исследования В. Е. Гусева, К. И. Кабашникова, Г. А. Барташевич, показал, что обряд «вождения / похорон стрелы» имел первично охранительный характер, и на него накладывались иные актуальные для духовной культуры славян виды магии.

В докладе доц. В. И. Харитоновой (Львов) «К вопросу о методике исследования фольклора с целью реконструкции древнеславянской духовной культуры (на материале заговоров и причитаний)» рассматривалась возможность получения в практической собирательной деятельности максимально достоверных результатов. Здесь важно учитывать весь комплекс проявления и бытования этих обрядов, неразрывность их вербальных, реальных и акциональных форм, естественность обстановки, моменты психологические и др.

Конкретному вопросу реконструкции праславянских заговоров на примере заговора от детской бессонницы, обращенного к деревьям, лесу и лесным существам, был посвящен доклад Т. А. Агапкиной (Москва) и А. Л. Топоркова (Ленинград). Докладчики показали, что важным подспорьем в этом виде реконструкций может стать сопоставление различных славянских заговорных традиций.

В докладе «Реконструкция древнеславянской сказки и проблемы текстологии» К. Е. Коревой (Горький)

указывалось, что работам по реконструкции древнеславянской сказки должно предшествовать уточнение источникововедческой базы. Мы располагаем восточнославянским материалом, записанным в пору активного проникновения сказки в книгу, а книги — в быт народа. Очень важно выделить вторичные формы, непригодные для реконструкции древних этапов жанра. Огромное воздействие на устную традицию оказала лубочная литература, что затрудняет текстологию сказки, так как пока не описана русская лубочная сказка второй половины XIX в.

Как показал доклад С. И. Грица (Киев) «Полистадиальность в фольклоре — источник реконструкции древних форм музыкальной культуры», один из наиболее сложных объектов реконструкции — мелос, первоначальные формы которого с трудом поддаются воссозданию из-за отсутствия достоверных нотаций ранее XVII в. Здесь необходимо сравнительное изучение музыкального фольклора как внутри одного этноса, так и в межэтническом сопоставлении.

Своеобразную и яркую область фольклора обследовала З. И. Власова (Ленинград), посвятившая свой доклад теме «Скоморохи и свадебная обрядность: к вопросу о реконструкции некоторых сторон обряда».

Симпозиум продемонстрировал плодотворность широкого понимания славистики и привлечения данных разных славянских регионов, показал, что одной из первоочередных задач становится разработка методики исследования основных принципов и критериев реконструкции, без чего невозможно двигаться дальше.

Жакова Н. К.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ СИМПОЗИУМ

18—20 ноября 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся советско-польский симпозиум «Проблемы сравнительного изучения литератур. Связи польской литературы XX в. с русской, советской и литературами европейских социалистических стран». В выступлениях участников этой рабочей встречи были затронуты вопросы теории и практики сравнительного изучения литературы, представлены различ-

ные аспекты сравнительных исследований: контактные связи и типологические схождения, влияния и зависимости, взаимная рецепция литератур, творческое освоение инонациональной темы в литературе разных стран.

Рабочую встречу открыл акад. Д. Ф. Марков. Он отметил большое значение встречи в сотрудничестве академий СССР и ПНР в области общественных наук, подчеркнул роль типологических ис-

следований, способных во всей полноте отразить диалектику развития литературы в связи общего и особенного, универсального и национально-специфического. Накопленный литературоведами огромный эмпирический материал нуждается ныне в теоретическом осмыслении. И чем обширнее этот материал, чем больше литератур исследовано, тем глубже и основательнее могут быть выводы об общих закономерностях развития мировой литературы и, в частности, литературы социалистических стран.

Известный польский славист д-р Б. Бялокозович остановился на вопросах литературных связей в контексте культурного обмена между социалистическими странами, связей, обусловленных общностью идеологии. Единство гуманистических идеалов народов социалистических стран предопределяет интенсивность культурного обмена между ними, что приводит к взаимообогащению всей социалистической литературы.

В докладе канд. филол. наук Ю. В. Богданова говорилось об актуальных задачах литературы и литературоведения на новом этапе развития общества, в условиях утверждения нового мышления.

Основной вывод доклада д-ра филол. наук С. А. Шерлаимовой «Национальные культурные традиции и формирование единства социалистических литератур» в том, что единая социалистическая культура бережно сохраняет национальное своеобразие каждой культуры. Опыт любой литературы, в том числе и малой, может стать достоянием всей социалистической словесности. Поэтому и сравнительное изучение литератур должно при всем внимании к единству учитывать национальную специфику.

Теоретическим проблемам был посвящен доклад д-ра филол. наук И. К. Горского, обозначившего отличия сравнительно-исторического направления литературных исследований как этапа развития литературоведения от сравнительного метода как актуального способа исследования литературы.

Новейшие тенденции в мировом сравнительном литературоведении наметила в своем выступлении д-р Х. Явашек-Иваничкова (ШНР), особо подчеркнув «тотализаторскую», «наступательную» позицию рецептивной эстетики, отрицающей или ставящей под сомнение правомерность существования других школ в литературоведении.

Польские коллеги д-р М. Хаенцка и д-р Л. Язукевич-Оселковска остановились

на методологических принципах и основных тенденциях в польских славистических сравнительных исследованиях двух последних десятилетий. Если до 70-х годов в них преобладали контактные связи, то позднее диапазон анализируемых явлений расширился. Возрастает внимание польских ученых к изучению творческого результата связей, типологии, комплексным контактно-генетическим и историко-типологическим исследованиям, базирующимся на марксистской идеологии.

Канд. филол. наук А. А. Гугнин говорил о вкладе ученых ГДР в развитие теории сравнительного литературоведения, о плодотворности их исследований проблем исторического взаимодействия немецкой и серболужицкой литератур.

Ряд выступлений был посвящен проблеме типологических и контактно-типологических связей разных национальных литератур. Д-р филол. наук В. А. Хорев в докладе «Броневский, Маяковский, Есенин» затронул вопросы взаимодействия гешетических и контактных связей с типологическими, аргументированно обосновав важную закономерность: литературное влияние возможно лишь при сходстве ситуаций в воспринимающей и влияющей литературах, при общности идейно-эстетических принципов, близости духовного опыта художников.

Выступление д-ра филол. наук Г. Д. Гачева «К типологии национальных образных систем» было построено на материале польской (преимущественно романтической) литературы. Оригинальная методика докладчика: выведение польского национального «образа мира» (т. е. представлений о природе, культуре и т. п.) из образности литературы — вызвала дискуссию. Некоторые ораторы оспаривали правомерность генерализации выводов, безусловно вытекающих из романтического мировосприятия и мироотражения, распространения их на всю польскую литературу.

Типологически сходные тенденции, обусловленные поиском новых путей искусства, нового языка, формирования нового художественного сознания — предмет сообщения канд. филол. наук В. В. Мочаловой «„Иррациональный гротеск“ в польской и советской литературе 20—30-х годов XX в.».

Типологические сходения и национально-специфические особенности были показаны в сообщениях канд. филол. наук Н. Н. Пономаревой (сопоставление

драм польского писателя Л. Кручковского и болгарского О. Василева) и канд. филол. наук М. В. Фридмана (сравнение крестьянских романов В. С. Реймонта и Л. Ребряну).

Особый раздел составили доклады и сообщения, касающиеся восприятия литературы, как «эстетического» (творческое освоение инонациональной темы, развитие идей инонациональной литературы), так и «социологического» (читательский интерес, внимание литературоведения и критики, издания и переводы).

В совокупности названных двух аспектов предстала тема восприятия в докладе канд. филол. наук Б. Ф. Стахсева «Польский романтизм и русская литературная жизнь конца XIX — начала XX в.». В сфере его внимания — польская тема в русском символизме, интерпретация польского романтизма русскими учеными, его оценка русскими литераторами, Мицкевич и развитие русского пушкиноведения, издания и переводы польской романтической литературы.

О преломлении русской поэзии в творчестве польских поэтов XX в. (реминисценции, эпитафии, посвящения) говорила канд. филол. наук Н. А. Богомолова, о восприятии в Польше творчества Достоевского (идеологические аспекты интерпретации) и Чехова (особен-

ности сценической трактовки) — д-ра Д. Кулаковская и А. Семчук (ИНР). Рецепция (издания, тиражи, монографии, статьи, отклики в периодике) анализировалась в сообщениях польских коллег — д-ров З. Збыровского (на материале русской советской поэзии), М. Зелиньской (творчество К. Федина) и др.

Отражение инонациональной темы — предмет следующей группы выступлений. Д-р ист. наук Л. С. Кишкин обосновал правомерность рассмотрения этой проблематики в контексте сравнительного литературоведения; драма польского писателя Т. Мичиньского «Князь Патемкин» была проанализирована в сообщении канд. филол. наук О. Р. Медведевой, тема «Польша и поляки в советской литературе (1917—1940)» — в докладе д-ра Э. Кухарской (ИНР). Наиболее плодотворным было признано изучение скрещивающихся связей: синхронных и диахронных, контактно-генетических и типологических.

По итогам рабочей встречи подписан Протокол, предусматривающий дальнейшее совместное изучение проблематики литературных связей.

Материалы симпозиума предполагается опубликовать в сборнике.

Медведева О.

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВУКА С. КАРАДЖИЧА

По инициативе кафедры славянской филологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Ждапова и ленинградского отделения Научного Совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики 23—25 апреля 1987 г. в Ленинграде был проведен симпозиум, посвященный этой знаменательной дате.

В работе симпозиума приняли участие представители из пятнадцати университетов и четырех педвузов, ряда научных учреждений страны, представители югославского комитета по празднованию юбилея Вука Караджича. Было прочитано и обсуждено 39 докладов и сообщений, посвященных самым различным аспектам деятельности Караджича.

В докладах Т. П. Поповой (Москва) «Об изучении жизни и творчества Вука

Караджича в Югославии в период между двумя юбилеями»¹, П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова (Ленинград) «Об изучении творчества В. Караджича в России и СССР» был дан обзор новейших достижений югославского «караджичеведения», а также богатейшей научной литературы, созданной русскими и советскими учеными за 170 лет, истекших со времени появления первой информации о Караджиче в русской науке, подведены итоги исследования жизни и творчества замечательного деятеля сербской культуры, намечены дальнейшие перспективы этой работы. О славянском контексте реформы Караджича, о ее связи с традициями сербской литерату-

¹ Имеется в виду период между 1964 г. (столетней годовщиной со дня смерти Караджича) и 1987 г.

ры и с другими славянскими литературными работами говорил в своем выступлении профессор Белградского университета, член югославского комитета по празднованию юбилея Й. Деретич. Об интересе К. Маркса и Ф. Энгельса к творчеству Караджича и опубликованным им сербским народным песням рассказал В. М. Мокиенко (Ленинград). С интересом был выслушан и доклад В. П. Гудкова (Москва) «Литературно-языковая реформа Вука Караджича в трактовке А. П. Пышина»². Борьбе Караджича за национальные основы литературного сербохорватского языка посвятил свое выступление Б. И. Крицкий (Караганда), пришедший к выводу, что Караджича можно считать «одним из выдающихся деятелей сравнительно-исторического языковедения в 20—30-е годы XIX века, давшим классические образцы сравнительного исследования фонетического и грамматического материала различных славянских языков».

Очень интересным и ярким оказалось сопоставление крупнейших деятелей югославянской культуры разных эпох в выступлении А. Д. Дуличенко (Тарту) «Крижанич и Караджич: в поисках метаязыковых явлений».

Проблемам стиля Караджича были посвящены доклады М. Чаркича (Белград) «Эпистолярный стиль Вука Караджича» и Б. Тошевича (Сараево) «Стиль полемики Вука Караджича». О влиянии отдельных элементов стиля Караджича на развитие современной сербской прозы говорила в своем выступлении молодая киевская исследовательница А. Н. Едлинская, которая пришла к справедливому, на наш взгляд, выводу о том, что активизация сказовых форм во второй половине 60-х годов в творчестве прозаиков «нового стиля» связана не только и не столько с влиянием советской прозы 20-х годов или западной европейской прозы *ich*-формы, сколько с воздействием караджичевских традиций сказового повествования.

Ряд прочитанных на симпозиуме докладов затрагивал проблемы фольклористики. В выступлении З. К. Тарланова (Петрозаводск) содержалась характеристика современного состояния изучения фольклора, было отмечено оживление интереса к языку фольклора, к проблемам, связанным с выявле-

нием специфики фольклорной поэтики. «В целом,— по мнению докладчика,— богатейшие собрания фольклора еще либо вовсе не исследованы лингвистически,— либо же находятся на начальных стадиях фронтального лингвистического осмысления. За веком собирательства, каким, безусловно, был XIX в., ... все еще не последовал век всестороннего научного описания». Болгаро-югославянским фольклористическим связям, у истоков которых стоит Караджич, посвятил свое выступление Е. Н. Пашенко (Киев); В. Е. Гусев (Ленинград) познакомил присутствующих с новым изданием песен из собрания Вука Караджича.

Этнографический аспект деятельности Вука был затронут в докладе киевской исследовательницы О. О. Михитенко «Вук Караджич как исследователь традиционной обрядности (погребальный обряд)», а выступление В. М. Загребина (Ленинград) было посвящено деятельности Караджича-археографа.

Не меньший интерес присутствующих вызвали и доклады литературоведческого цикла: «Караджич — центральная фигура в сербском литературном процессе XIX века. Вся его многосторонняя деятельность даже тогда, когда она не имела прямого отношения к литературе, способствовала ее развитию, формированию в ней принципиально важных качеств. Тем более это относится к непосредственному осмыслению Караджичем проблем литературного развития, к его собственно художественному творчеству», — отметила в докладе «Караджич и романтизм сербской литературы (национальная специфика литературного процесса)» Р. Ф. Доронина (Москва). О том, как своими рецензиями на псевдоисторические романы М. Видаковича Вук Караджич не только положил начало сербской литературной критике, не только затронул языковые вопросы литературного текста, но и сформировал принципы историзма и национального колорита в историческом романе, рассказала Н. А. Непорожняя (Киев). Привлек внимание присутствующих и доклад студента V курса ЛГУ И. Ф. Приймы о литературно-критической деятельности, в котором говорилось: «...Караджич уже к 20-м годам XIX в. поставил своеобразную двуделимую задачу развития литературы на основе собственного национального потенциала при использовании литературного опыта других стран в области профессиональ-

² См. публикацию Гудкова В. П. «Фрагменты Караджичианы». — Советское славяноведение, 1987, № 4, (примеч. редакции).

ных писательских приемов и способов популяризации литературы, т. е. ту же задачу, которую позднее, в конце 30-х годов, более тезисно выдвинул в России Н. И. Надеждин. В разработке теории народности Вук в своем требовании не останавливаться на вкусах толпы, а, просвещая, вести народ вперед, Караджич очень близок В. Г. Белинскому, в частности, его взглядам, высказываниям в статьях о русской литературе 1847 г..

Проблемам литературных и культурных связей были посвящены доклады И. В. Чуркиной (Москва) «Вук Караджич и М. Ф. Раевский», М. Л. Бершадской (Ленинград) «Вук Караджич и Фран Левстик», С. О. Вяловой (Ленинград) «Автографы Вука Караджича в Публичной библиотеке» и насыщенные новыми, весьма интересными фактами выступления М. Я. Гольберга (Дрогобыч) «Вук Караджич и украинская культура». Преподаватель Ереванского университета А. А. Овакимян познакомил присутствующих с историей армянской типографии в Вене, долгое время служившей своеобразным очагом не только армянской, но и славянской культуры. Там был напечатан, в частности, ряд произведений Караджича.

«Вук Караджич и сербская литературная традиция в свете его концепции перевода», — озаглавил проблемный доклад М. Сибинович (Белград), затронувший многие вопросы русско-сербских литературных и переводческих связей. Одной из частных, малоизученных переводческих проблем — проблеме эквивалентности — был посвящен доклад А. А. Шумилова (Ленинград) «В. Караджич и А. Х. Востоков» («Сербский хорей в русском восприятии»). Опыт культурно-типологической оценки перевода Нового завета В. Караджича был сделан в докладе К. И. Логачева (Ленинград) «Караджичевский Новый завет — славянобалканский тип перевода нового времени».

Переводы Караджича, но уже с точки зрения их синтаксиса, рассматривала в своем выступлении В. Н. Зенчук (Москва) «О некоторых синтаксических особенностях языка Вука Караджича в переводе Нового завета», пришедшая к выводу о том, что «...Вук с гениальной языковой интуицией дал образцы функционального расслоения языка в своих произведениях разных жанров». В выступлении Б. Попова (Белград) рассматривалась конкуренция конструкций

«да + презент» и инфинитива в караджичевском переводе Нового завета. Проблемы синтаксиса рассматривались и в докладе К. Л. Цыгановой (Саранск) «Из наблюдений над языком писем Вука Караджича».

«Для современной дериватологии», — заявила А. К. Смольская (Одесса), — важны не только высказывания Вука о структуре слов и аффиксов, но и типологическая сущность реформы основоположника сербохорватского литературного языка нового времени, проявившаяся в разрыве с книжной традицией, в опоре на народно-диалектную речь и фольклорное койне, в создании полинационального языкового феномена..

Большая группа выступлений была посвящена проблемам лексики: В. Е. Моисеенко (Львов) «Вук С. Караджич и проблемы развития словаря сербохорватского литературного языка», Л. П. Васильева (Львов) «Общественно-политическая лексика в словаре Вука Караджича», С. В. Зайцева (Ленинград) «Народная лексика в словаре Вука Караджича», Г. П. Тяпко (Москва) «Влияние реформы Караджича на изменение системных связей в сербской лексике национального периода (на материале отвлеченной лексики)», А. К. Смольская, О. И. Беговь (Одесса) «Лингвистическая терминология в трудах В. Караджича», А. А. Алиева (Самарканд) «Вук Караджич о турцизмах в сербохорватском языке».

Оживленную дискуссию вызвало выступление М. П. Киришовой «Аргументативы в словаре В. Караджича».

Новым, нетрадиционным подходом к теме было отмечено выступление Ш. Б. Хайрова «Универсальное, ареальное и национальное в устойчивых сравнениях (на материале сборника пословиц Вука Караджича)».

В докладе Р. П. Усиковой (Москва) были затронуты вопросы, связанные с влиянием языковой реформы В. Караджича на формирование и кодификацию македонского литературного языка.

В работе симпозиума приняли участие д-р Белградского университета Д. Гортан-Премк, магистр Г. Драгин, проф. Пражского университета Я. Моравец.

В заключительном слове проф. М. Сибинович подчеркнул, что симпозиум ярко продемонстрировал, какую широту приобрели в Советском Союзе славистические и, в частности, югославистические исследования, об этом наглядно свидетельствует даже простой перечень горо-

дов, из которых прибыли участники совещания. «Активное участие в этом симпозиуме молодых ученых,— сказал М. Сибинович,— является залогом дальнейших успехов советской югославистики и доказательством того, что труды Вука Караджича, ставшие ныне музейными экспонатами, представляют не только музейную ценность». От имени югославского комитета по празднованию юбилея Ка-

раджича проф. Сибинович выразил благодарность организаторам и участникам симпозиума.

Теплые слова благодарности организаторам и участникам симпозиума высказал участвовавший в его работе советник посольства СФРЮ в СССР К. Сератлич.

Бершадская М. Л.

ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРА И ФОЛЬКЛОРИЗМА НА СЛАВИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ГДР

В октябре 1986 г. в г. Ростоке (ГДР) отмечалось 40-летие Института славистики при Университете им. Вильгельма Пика. К этой дате была приурочена научная конференция славяноведов-лингвистов, литературоведов, фольклористов.

Работа конференции протекала в трех секциях: «Языкознание», «Методика обучения иностранному языку», «Фольклористика». Тематика заседаний первых двух секций была посвящена в основном проблемам русского языка. В центре внимания лингвистической секции находилась тема «Структура и функции группы субстантива в русском языке». Педагогическая секция обсуждала проблемы теории и методики обучения русскому языку студентов и учащихся средних школ ГДР.

Разнообразной по содержанию и широкой по охвату этнического материала была проблематика секции «Фольклористика». В основном докладе заведующей кафедрой литературы проф. И. Клагге «Русский фольклор в ГДР и задачи немецкой славистики» были охарактеризованы прогрессивные традиции славяноведения в Германии (особенно деятельность Р. Траутманна), исследования в ГДР русского фольклора, начатые под руководством Х. Рааба на основе марксистской методологии и успешно продолжающиеся поныне. Теоретические размышления о соотношении фольклора и фольклоризма в современных условиях и перспективы славяноведения в ГДР И. Клагге связала с задачами социалистической культуры и воспитания интернационализма. Особое внимание она уделила опыту советских фольклористов, сравнительному исследованию немецкого и русского фольклора, проблеме фольклоризма в СССР, подчеркнув, что изучение

советской литературы немисливо без учета связей современных русских писателей с фольклорными традициями.

Последней проблеме была посвящена группа докладов: «Фольклорные элементы в творчестве В. Белова» (Б. Тессмер, Росток), «Традиции народного сказа в произведениях В. Белова» (А. Браун, Лейпциг), «Структурные элементы волшебной сказки В. Шукшина» (Ф. Мартынова, Берлин), «Метаморфозы Н. Заболотского — от фольклора к обновлению литературного содержания» (Г. Вегнер, Берлин). В этих докладах свежие наблюдения над трансформацией фольклорных традиций в русской прозе и поэзии сочетались с интересными мыслями о национальном своеобразии русской советской литературы и о самом феномене литературного фольклоризма.

Процесс восприятия русских народных песен в ГДР рассмотрел в своем докладе А. Грановский (Росток). Опытом работы над русскими народными песнями с учащимися средней школы и студентами университета поделилась Х. Барт (Росток). На близкую тему — о принципах отбора и особенностях восприятия народных сказок в процессе обучения учащихся младших классов — сделала доклад В. Циль (Берлин). Соотношение между русскими народными сказками и сказкой литературной, судьбу сказочного эпоса у восточных славян и его изучение в СССР анализировал Р. Грегор (Гюстров).

Наряду с русским фольклором и русской литературой предметом обсуждения была культура и других славянских народов. В докладе Р. Гебнера (Берлин) «На пути к украинскому Декамерону» была поставлена проблема продуктивности традиций «народных книг». На ма-

териале украинской современной прозы (трилогия Е. Гуцало: «Муж взаймы», «Личная жизнь фэпомена», «Парад планет») автор глубоко проанализировал процесс ассимиляции и трансформации фольклорных, преимущественно гротескно-фантастических, элементов в жанре философского романа. Автор пришел к выводу, что здесь фольклор не стилизуется, а творчески перерабатывается, подчиняясь законам названного жанра; фольклориам приобретает качественно новую форму.

Доклад С. Хозе (Баутцен) «Состояние изучения пословиц и поговорок лужицких сербов» был единственным, посвященным фольклору славянского народа, проживающего на территории ГДР. С. Хозе представила реальную картину современного бытования сербо-лужицких пословиц и поговорок, охарактеризовав их в целом не как живую, продуктивную традицию, а как ценное культурное наследие. Она сделала обзор литературных и архивных материалов и опыта их изучения (И. Гардош, П. Недо), обратила внимание на сложность их классификации, на необходимость их упорядочения и сравнительного изучения в контексте международной паремнологии, наметила программу их дальнейших исследований.

Доклад Г. Чайки (Варшава) «Функции фольклора в культуре Польской Народной Республики» ознакомил слушателей с разнообразными формами современного фольклоризма в Польше — художественного и бытового, с большим и плодотворным опытом изучения этого феномена отечественной гуманитарной наукой (здесь в 1969 г. состоялась первая в Европе научная конференция по этой проблеме, а в 1970 г. издан один из первых в науке сборник статей).

Цикл докладов был посвящен балто-славяно-германским фольклорным связям. О значении эстонского эпоса «Калевипоэг» и о восприятии его в России и Германии говорила А. Бурмайстер (Гюстров). Отражение взаимодействия человека и природы в латышской народной поэзии было темой доклада И. Ваака (Росток). Восприятие латышских народных песен немецкой культурой анализировала Г. Зеехаус (Берлин). Национальную специфику латышских дайн характеризовал О. Позингис (Росток). Особый интерес вызвал доклад известного немецкого филолога Р. Эккерта (Берлин), посвященный языку фольклора как наддиалектному явлению. На материале латыш-

ских и литовских несен докладчик раскрыл значение языка фольклора для становления литературного языка. Остроумно и убедительно Р. Эккерт анализировал случаи этимологического сходства между восточобалтийскими и русским языками, в частности — фразеологические соответствия в русских народных песнях и латышских дайнах (например, типа «через пень-колоду»).

Некоторые доклады носили проблемно-методологический и историографический характер. И. Зеехаус (Лейпциг) осветила культурологическое значение этнографических трудов Э. Шнеевайса, который привлек внимание своих учеников к литературному фольклоризму. Значение фольклора для «страноведения» охарактеризовал С. Гиллерт (Лейпциг), обращаясь при этом к опыту советских ученых, исследующих живые, современные фольклорные явления, а также исторические формы фольклора. Доклад В. Е. Гусева (Ленинград) «Фольклор как объект славистических исследований» содержал историографический обзор проблемы с выделением основных этапов и направлений в развитии славистической фольклористики в Европе, ее традиций в Германии, а также исследования культуры лужицких сербов (в ГДР, СССР, ПНР, ЧССР); докладчик отметил актуальность комплексного подхода к фольклору славянских народов.

В дискуссии центральной проблемой оказалось освоение фольклора современной культурой, восприятие в одной этнической среде фольклора других народов (в немецкой культуре — славянского фольклора, а также проблема освоения и обработки немецкого фольклора в культуре славянских народов). Особое внимание участники дискуссии уделили фольклоризму современной советской литературы, поднимая широкий круг вопросов: от проблемы компетентности литературоведов в этой области до определения методов исследования фольклоризма. Обсуждались также практические (методологические и организационные) вопросы обучения русскому языку в средних школах и подготовка кадров славистов в ГДР. Высказывались пожелания о расширении исследований в области славянского фольклора, в частности — об активизации изучения и пропаганды фольклора лужицких сербов.

В заключительном слове проф. И. Клагге отметила, что впервые за четверть века (предшествовавшая славистическая конференция проходила в Грейфсвальде

в 1959 г. под руководством Х. Рааба) обобщены итоги фольклористических исследований в ГДР, глубоко проанализированы традиции и состояние изучения славянского, особенно русского фольклора. Конференция продемонстрировала возросший интерес к фольклору славянских народов и обнаружила необходимость углубления исследований в этой области. Предложено образовать рабочую группу «Славянский фольклор», задачей которой будет координация научной работы и внедрение результатов фольклористических исследований в преподавательскую и культурно-просветительную деятельность на территории ГДР. Следующая славянистическая конференция планируется на 1989 г. Предполагается опубликовать материалы состоявшейся конференции.

В свободное от заседаний время участники конференции ознакомились с работой отдела славистики в Ростокском университете, с памятниками истории и культуры в городе, совершили поездку

в этнографический музей под открытым небом, где ознакомились с мекленбургской народной культурой. Иностранцы посетили знаменитый фольклорно-этнографический архив Воссидло.

Мне была предоставлена возможность побывать также в Баутцене (Будышине), центре Верхне-Лужицкой области, где я ознакомился с деятельностью Института сербского народоведения Академии наук ГДР, совершил поездку по селам Верхней Лужицы. В беседах с директором института проф. М. Каспером, с его заместителем и заведующим отделом этнографии д-ром Ф. Фёрстером, с фольклористкой С. Хозе обстоятельно обсуждены перспективы научного сотрудничества между серболужицкими и советскими исследователями славянской народной культуры, участие славистов ГДР в деятельности Комиссии славянского фольклора при Международном комитете славистов.

Гусев В. Е.

*
**

Президиум АН СССР учел просьбу акад. Д. Ф. Маркова и освободил его от обязанностей директора Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), объявив ему благодарность за многолетнюю и плодотворную научную деятельность на этом посту; Д. Ф. Марков назначен советником при дирекции ИСБ.

Директором ИСБ (решение Президиума АН СССР от 30 октября 1987 г.) утвержден В. К. Волков, доктор исторических

наук, заведующий сектором истории международных отношений и внешней политики зарубежных европейских социалистических государств этого же Института. Назначению нового руководителя предшествовало тайное голосование трудового коллектива за трех кандидатов на пост директора Института. Большинство голосовавших высказалось за кандидатуру тов. Волкова, что также было принято во внимание при его утверждении.

CONTENTS

<p><i>Shevtsova I. F.</i> Problems of the Acting Democracy: Searches and Solutions (from the Experience of the Socialist Countries). <i>Barnovsky M.</i> (Tszechoslovakia). Strategy and Tactics of the Communist Party of Czechoslovakia as a Precondition of the February Victory in 1948. <i>Titova A. A.</i> Struggle of the Revolutionary Bloc of the Polish Seim for the Democratic Solution of the Agrarian Problem in 1925. <i>Sheremet V. I.</i> The Balkans and Trade Agreements of the Osman Empire with European States: from Balta-Liman Convention to the Crimean War. <i>Nikolski S. V.</i> To the History of Shveik's Image. <i>Bogomolova N. A.</i> Slavic Sapho (of the Poetry by Maria Pawlikowska-Jasnoczewska). <i>Duhan I. M.</i> On the Programme and Composition of Bielorrussian Iconostases of the XVII—XVIII cc. <i>Krys'ko V. B.</i> Verbs of <i>vado transire</i> Meaning in Slavic Languages.</p>	3
---	---

COMMUNICATIONS

<p><i>Zhivov V. M.</i> Actual Problems of the History of Russian Rhetorical Tradition (For cause of publishment of F. Kvetnický's Poetics).</p>	94
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Snegireva T. I.</i> New Works — to the New Stage. <i>Borisova I. V.</i> Vlastislav Laciná. Velká hospodářská krize v Československu 1929—1934. <i>Dostal M. J., Nikulina M. V.</i> В. В. Коломинов, М. Ш. Файнштейн. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). <i>Chobit D. V.</i> The Source Studying Works on the History of Liberation War of Ukrainian People (1648—1654). <i>Gerd A. S., Dmitriev P. A.</i> Babić St. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku. <i>Orel V. E.</i> Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14. (*labati — *lětoplъjъ).</p>	100
--	-----

NOTES ON BOOKS

<p><i>Kopasheva M.</i> К дјелинам socialistického Československa. <i>Freidenberg M. M.</i> Л. Штавланин-Ђорђевић, М. Гроздановић — Пајић, Л. Цернић. Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. прва. <i>Pribytko G. V., Yarina A. K.</i> А. Мальдзіс. 3 літаратурознаўчых вандраванняў.</p>	112
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Mirochnitskiy L. P., Tolstoy V. S.</i> The Scientific Conference of Soviet and Polish Historians. <i>Kharitonova V. I.</i> In the Commission on Slavic Folclore of the International Committee of Slavists. <i>Zhakova N. K.</i> Symposium on Problems of Reconstruction of Old Slavic Spiritual Culture. <i>Medvedeva O.</i> Soviet-Polish Symposium. <i>Bershadskaya M. L.</i> 200th Anniversary of Vuk Karadžić. <i>Gusev V. E.</i> Problems of Folclore and Folclorism at the Slavistic Conference in German Democratic Republic.</p>	116
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.12.87	Подписано к печати 02.02.88	А-02940	Формат бумаги 70×108 ^{1/4} ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2 Усл. кр.-отт. 14,2 тыс.	Уч.-изд. л. 12,5	Бум. л. 4,0
	Тираж 1230 экз.	Зак. 1118	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

Ж-17

В ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

Б